

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tolstoyleo.ru/> приятного чтения!

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой

1 января 1909. Я. П.

Очень, очень хорошо. Неперестающая радость сознания всё большего и большего соединения со Всем – любовью. Вчера еще понял грубую ошибку, начав описывать лицо нелюбимое. Много хотел сказать, но и посетители, и письма растрепали.

Записать надо:

1) Высшее, хотелось бы сказать: утонченное духовное благо (наслаждение) есть любовь к ненавидящему, к тому, кто хочет мне сделать зло. Удивительное дело: чем больше что зло для телесной жизни, тем то больше благо для духовной – любовной. Как же не жить любовной жизнью, не воспитывать в себе эту жизнь? А это возможно, я это с поразительной ясностью вижу на себе. (Наверху страницы рукой автора написано: 1) приговор, 2) для Бога, 3) мечлюбви, 4) потреб(ность) общен(ия))

2) Благо жизни людей прямо пропорционально их любви между собой. Каково же должно быть их теперешнее положение, как далеки должны они быть от блага теперь у нас в России, когда все правители, консерваторы, все революционеры, все помещики, крестьяне, все ненавидят друг друга?

Все тяжелее и тяжелее мне становятся разговоры. И как хорошо одному!

Удивительное дело, только теперь, на девятом десятке начинаю немного понимать смысл и значение жизни – исполнения не для себя – своей личной жизни и, главное, не для людей исполнения воли Бога – Любви, и в первый раз нынче, в первый день Нового 09 года почувствовал свободу, могущество, радость этого исполнения. Помоги мне быть в Тебе, с Тобою, Тобою.

2 яне. 1909. Я. П.

Дня два нездоровится, но душевное состояние спокойно и твердо. Всё чаще и чаще думаю о рассказе, но сейчас утро, сижу за столом, примериваюсь и чувствую, что буду выдумывать. А как нужно, нужно написать, и, слава Богу, нужно, признаю нужным не для себя. За это время поправлял конец о Ст-не. Кажется, порядочно.

Да, здоровье нехорошо, а душевное состояние как будто определилось с новым годом. Записать:

1) В старости это уже совсем можно и даже должно, но возможно и в молодости, а именно то, ч[тобы] быть в состоянии не только приговоренного к смертной казни, но в состоянии везомого на место казни. Как хорошо: «Я есмь – смерти нет. Смерть придет – меня не будет». Мало того, чтобы быть готовым не удивляться тому, ч[то] есть смерть, ничего не загадывать; хорошо, главное, то, ч[то] вся жизнь становится торжественна, серьезна. Да, жизнь серьезное дело.

2) Легко сказать: жить перед Богом, только перед Богом. (Мне портит мой дневник, мое отношение к нему то, ч[то] его читают. Попрошу не читать его.) А как это трудно и как хорошо. Я немножко начинаю понимать эту возможность, даже изредка жить так. Как это радостно! Удивительно, сколько совершенно новых узнаешь на старости радостей. Для того же, чтобы жить перед Богом, нужно 3) необходимо обращение к Нему, общение с Ним, как с личностью, хотя знаешь, что Он не личность. Это же обращение к Нему нужно приговоренному к смерти, нужно мне и всем нам.

Жить перед Богом значит целью всякого поступка своего ставить исполнение Его воли, а исполнение это в одном – в любви, в том, в чем я вижу Его.

4) Признание Бога любовью тем и хорошо и благотворно, что, признавая Его любовью, общение с Ним, к[отор]ого не можешь не желать, только одно: любовь к людям. Преимущество этого общения с Богом перед всяким другим общением в том, что при этом общении чувствуешь, что Он есть и отвечает тебе в твоей душе, отвечает тем, что чем больше, полнее отдаешься ты любви к людям, тем больше он спокойствием, радостью наполняет твое сердце.

Кажется, всё записал. Получил письмо от Копыла и не умею, как поступить. Самое

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
трудное общение – это общение с вполне сумасшедшим, менее трудное – с неполное сумасшедшим. Не надо, нельзя осуждать себя от любовного общения признанием сумасшествия. Напротив. Тут и узнаешь могущественность «меча любви». Не люблю метафор, но эта мне очень нравится. Именно меч, всё разрубающий. Нет такого тяжелого, запутанного, затруднительного положения, к[отор]ое не разрешалось бы проявлением любви без всяких соображений о прошедшем и будущем, а любви сейчас, в настоящем. Сейчас испытаю на деле Копыла.

6 янв. 1909. я. п.

Вчера показалось, что могу писать худ[ожественное]. Но не то. Нет охоты. Нынче совсем не могу. Да и не надо. Только бы над собой работать, приучать себя жить не для тела, не для славы людской, а для себя, настоящего себя, того, к[отор]ое не родилось и не умирает, для Бога. Только освободись от ложной жизни, и будет настоящая. Испытывал это 4-го дня и хочу испытать сегодня.

Третьего дня был настоящий интеллигент, литератор Гершензон, будто бы с вопросами о моих метафиз[ических] основах, в сущности же с затаенной (но явной) мыслью показать мне всю бессосновность моей веры в любви. Долго он мямлил, но наконец ясно, определенно высказал следующее:

«Почему думать, что то Начало, к[отор]ое создало жизнь и мир и ведет жизнь мира, предписало основой нравственности любовь?» И это он говорил после того, как я уже определенно высказал ему то, что под Богом я разумею Любовь, не могу понимать Бога иначе, как любовью. Оказалось, что для него уже решено, что есть кто-то, создавший и ведущий мир, и что надо, мол, ответить на вопрос, откуда взялся мир. И вот надо было внушить ему, воображавшему, что он покажет мне неосновательность моего мировоззрения, допускающего на веру без основания закон любви основным законом жизни, и выведет меня из моего заблуждения своим строго рационалистическим взглядом, – надо было внушить ему, что его взгляд самый детский, основанный на принятом на веру положении о том, что есть Начало, сотворившее и ведущее, есть грубое суеверие, и что та любовь, к[отор]ую он полагал, что я понимаю как предписание этого создавшего и ведущего начала, есть та самая единственная форма, в которой я могу понимать, в к[отор]ой мне открывается это начало. Надо было внушить ему, что, говоря о происхождении мира, он говорит о временном, тогда как, как бы ни понимать начало всего, оно вне времени и пространства, так как время и пространство есть только, вследствие наш[ей] ограниченности, неизбежная форма нашего восприятия явлений мира. Всё это я разъяснил ему, но он, разумеется, ничего не понял, а если мог понять, то постарался перевернуть, чтобы удержать свое установившееся и нужное не для души, а для мирских целей мирозерцание.

Вчера читал чертк[овск]ую переписку с Эртелем. Опять та же самоуверенная, несерьезная интеллигентная болтовня со стороны Эртеля и ясное, твердое понимание Ч[ерткова].

Одно, что вынес из этих двух впечатлений, это – сознание тщеты рассуждений. Ах, если бы только отвечать, когда спрашивают, и молчать, молчать. Если не б[ыло] противоречием бы написать о необходимости молчания, то написать бы теперь: могу молчать. Не могу не молчать. Только бы жить перед Богом, только любовью. А вот сейчас писал о Герш[ензоне] без любви гадко. Помоги, помоги... не могу назвать.

8 янв. 1909. я. п.

Здоровье сносно. Второй день ничего не работаю. Написал вчера несколько писем, пытался продолжать Павлушу. Не пошло. Нынче – теперь 12 часов – всё утро ничего не делал. Чудная погода. Ходил утром и встретил болгарского офицера – нервно возбужденный. Было тяжело. Письмо от Льва Рыжего, написал ответ, но не пошлю. Ч[ертков] настаивает на моем особенном значении. Не могу и не могу верить, да и не желаю. Благодарю Бога. Записать два:

1) О памяти. Я совсем почти потерял память. Прошедшее исчезло. В будущем ничего (почти) не желаю, не жду. Что может быть лучше такого положения? и я испытываю это великое благо. Как не переставая не благодарить Бога за эту чудную жизнь, свободную, радостную?!

2) Ночью думал о том, как бы хорошо ясно определить те злодейские должности, к[отор]ые не только христианин, но просто порядочный человек – не злодей, желающий чувствовать себя не злодеем, – исполнять не может. Знаю, что торговец,

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru фабрикант, землевладелец, банкир, капиталист, чиновник безвредный как учитель, профессор живописи, библиотекарь и т. п. живет воровским, грабленным, но надо делать различие между самим воров и грабителем и тем, кто живет воровским. И вот этих самих воров и грабителей надо бы выделить из остальных, ясно показать греховность, жестокость, постыдность их деятельности.

И таких людей имя – легион. 1) Монархи, министры: а) внутренних дел, с насилием полиции, казнями, усмирениями, в) финансов – подати, с) юстиции – суды, d) военные, e) исповеданий (обман народа), и все служащие, всё войско, всё духовенство. Ведь это миллионы. Только бы уяснить им, – что они делают.

Вчера думал о том, что надо поговорить с катей о том, что жизнь ее ужасна, но прошедшее – прошедшее, в настоящем же ей предстоит хорошее дело: свою душу спасти и вместо с нею душу Анд[рея], который так любит ее. Она мало поняла и приняла. Может быть, я не прав. Дай Бог.

10 янв. 1909. я. п.

Вчера писал почти с охотой, но плохо. Не стоит того, чтоб делать усилия. Нынче совсем нет охоты и вчерашнее кажется слабым, просто плохим. Третьего дня разговор с Андреем оч[ень] для меня поучительный. Началось с того, что они, все братья, страдают безденежьем.

я. отчего?

О[н]. Да всё дороже стало, а живем в известной среде.

я. Надо жить лучше, воздержнее.

О(н). Позволь возразить.

я. Говори.

О[н]. Ты говоришь, что надо жить так: не есть мяса, отказываться от воен[ной] службы. Но как же думать о тех миллионах, которые живут, как все?

я. Совсем не думать, думать о себе.

И выяснилось мне, что для него нет никакого другого руководства в жизни, кроме того, что делают все. Выяснилось, что в этом – всё, (Зачеркнуто: [0,]9999) что за крошечными исключениями все живут так, но могут не жить так, потому что у них нет другого руководства. А потому и упрекать их и советовать им другое – бесполезно и для себя вредно, вызывая недоброе чувство. Человечество движется тысячелетия веками, а ты хочешь годами видеть это движение. Движется оно тем, что передовые люди понемногу изменяют среду, указывая на вечно далекое совершенство, указывая путь (Христос, Будда, да и Кант, и Эмерсон, и др.), и среда понемногу изменяется. И те опять как все, но иначе.

Интеллигенты, это те, которые так же «как все» интеллигенты.

Ничего нынче не делал и не хочется. Пишу вечером, 6 часов. Проснулся, и две вещи стали особенно, совершенно ясны мне: 1) то, что я оч[ень] дрянной человек. Совершенно искренно говорю это, и 2) что мне хорошо бы умереть, (далее густо зачеркнуто: что если я на что годился, то я сделал это) что мне хочется этого.

Очень я зол нынче. Может быть, живу я еще затем, чтобы стать хоть немного менее гадким. Даже наверное за этим. И буду стараться. Помогите, Господи.

11 ян. 1909. я. п.

Странно, чем кончил вчера, с того начинаю нынче. То, о чем просил Бога, нынче понемногу исполняется. Чувствую движение к лучшему. Оч[ень] долго спал и испытываю какое-то необычное чувство: ясности, неторопливости и внимательности. Получил оч[ень] много книг и писем хороших и значительных: о браке, о вивисекции, от Глебовой о Петровой, от Варнав[ского], мою брошюру и разговор с реб[енком] из Вены. Записать нынче имею или слишком много или ничего. Казненных пропасть, и убийства. Да, это не звери. Назвать зверями клевета на зверей, а много хуже.

Чувствую потребность что-то сделать. Неудержимое требование, а не знаю еще, что. Вот когда от души говорю: помоги, Господи! Хочу, ничего не хочу для себя. Готов на страдания, на унижения, только бы знать сам с собой, что делаю то, что должно. Какое легкое или страшно трудное слово: что должно. Кажется, ничего больше не нужно и не хоч[ется] писать.

Нынче в 2 часа обещал быть у Ч[ертковых].

12 янв. 1909. я. п.

Сегодня хорошо очень себя чувствую. Но до 12-го часа ничего не делал, кроме пасьянса. Вчерашняя музыка очень взволновала меня. Был у Ч[ертковых]. Очень приятно – не приятно, а гораздо больше – равенство общения со всеми. Разумеется, и там неполное, но нет мучительного присутствия («прислуги»), подающих сладкие кушанья, к[отор]ых им не коснуться. Все тяжелее и тяжелее жизнь в этих условиях. Но не знаю, как благодарить Бога, что рядом с увеличивающейся тяжестью увеличивается и сила для перенесения. Вместе с бременем и силы. А от сознания сил несравненно больше радости, чем тяжести от бремени. Да, иго Его благо и бремя легко.

Сейчас много думал о работе. И художественная работа: «был ясный вечер, пахло...» невозможна для меня. Но работа необходима, п[отому] ч[то] обязательна для меня. Мне в руки дан рупор, и я обязан владеть им, пользоваться им. Что-то напрашивается, не знаю, удастся ли. Напрашивается то, чтобы писать вне всякой формы: не как статьи, рассуждения и не как художественное, а высказывать, выливать, как можешь, то, что сильно чувствуешь. А я мучительно сильно чувствую ужас, развращаемость нашего положения. Хочу написать то, что я хотел бы сделать, и как я представляю себе, что я бы сделал. Помоги Бог. Не могу не молиться. Жалею, что слишком мало молюсь. Вчера с С[оней] нехорошо, нынче с просителем.

Да, помоги, помоги мне.

14 ян. 1909. я. п.

Вчера начал писать: не знаю, как озаглавлю. Горячо желаю, но написал слабо. Но возможно. Приезжает Ландов[ска], сам не знаю, хорошо ли. Хочу И[вану] И[вановичу] мысли для детей собрать.

1) После Смерти. Сон похож на смерть, только та разница, ч[то] и просыпаешься и засыпаешь на виду в этой жизни, а когда рождаешься, то не знаешь, из какой жизни пришел, и когда умираешь, не знаешь, в какую жизнь уходишь.

2) Какое скверное соединение: вера, надежда и любовь, такое же ложное (вероятно, ради троицы), как красота, истина и добро. Какое безобразное соединение. Вера почти всегда ложь, даже всегда, если это не признание временного продела разума. Надежда же есть ложь, т. е. жизнь в будущем. Любовь же есть все высшее и вернейшее – и благодетельнейшее из всего открытого нам. То же и с красотой, под фирмой к[отор]ой возвеличивается похоть. Истина же есть только отрицание лжи, а положительного ничего не включает. Добро же есть всё. (далее зачеркнуто: (2) (В д[етскую] мысль) (Зачем ты) что ты нынче делал?.. Отвечает: встал, пил чай, пришел сюда, (гов[орил]) Зачем ты это делал? Затем, ч[то] мне этого хотелось. Что значит: хотелось? Значит, ч[то] мне лучше б[ыло] это сделать, чем не сделать. Всё ли можно и нужно делать, ч[то] хочется? Не всё, п[отому] ч[то] то, от чего мне лучше, может быть хуже другому. Что же можно и чего нельзя делать?)

3) Что такое религия. Зачем ты живешь? Не знаю. А если ты не знаешь этого, то никогда не будешь знать и того, что тебе надо делать и чего не надо делать. А плохо жить тому, кто не знает этого. А потому с тех пор, как живут люди, они думали о том, зачем живут люди, и, поняв это, учили людей, что надо и чего не надо делать. Вот это-то учение и называется верой.

4) Д[етская] м[ысль]. (1) Индейцы говорят, что только одна их вера браминская истинна, китайцы говорят, что истинна только буддийская вера, татары, турки, персы – что истинна только Магометова вера, евреи говорят, что истина в их вере, христиане говорят, что все эти веры неправильны, а правильна одна христианская, но сами разошлись на разные веры: католическую, греко-рос[сийскую], лютеранскую

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru и разные протестантские веры. – Истинна вера только та, которая одна для всех людей. И это одно нужное для всех людей есть во всех верах. Одно это истинно, и этого надо держаться.

5) Д[етская] м[ысль]. (2) Если спросишь людей, тебе скажут, когда, в каком году ты родился и сколько тебе лет. Но сам про себя ты не можешь сказать, когда ты начался: ты знаешь про себя, что ты всегда был; что если бы тебя не б[ыло], ничего бы не было. То же и про смерть: люди говорят, что ты помер, но ты про себя знаешь, что тебе нельзя умереть. Тело твое началось, растет, будет стареться, помрет, но то нетелесное, что живет в твоём теле: дух Божий, помереть не может.

6) М[ысль] Д[етская]. (3) Ты знаешь, что ты жив п[отому], ч[то] в тебе живет дух Божий, а если другие люди живут, то ведь и в них живет дух Божий, а потому дух Божий один во всех.

[7]) (4) (в подлиннике ошибочно: 3) Отчего ты радуешься, когда другой человек радуется, и печалишься, когда другой печалится? А от того, что радуется и печалится в другом человеке тот самый дух, какой живет в тебе.

Хотел писать мысли для детей, но не могу. А хочется. Отложу пока.

15 ян. 1909. я. п.

Вчера приехала Ландовска. Впечатление слабое. Устал очень. Хорошо ходил. Ничего не писал. Как-то стыдно, стыдно, всё стыдно. Дурно спал. Письмо от Божьего Полка.

Ив[ану] Ив[ановичу]. На рождение можно смотреть, как на засыпание, и тогда жизнь – сон, и смерть – пробуждение. И можно смотреть на рождение, как на пробуждение от сна, и на смерть, как на засыпание. Можно смотреть еще и так, что рождение есть и засыпание к этой нашей телесной жизни и вместе с тем пробуждение от прежнего сна, а также и на смерть, как на пробуждение от этой жизни и засыпание в новую жизнь.

И то, и другое, и третье верно. Пробуждение и сон, сон и пробужден[ие] есть наивернейшее представление во времени, нашей жизни.

16 ян. 1909. я. п.

Как-то совестно за отношения с Ланд[овской], и музыка. Вообще душевное состояние недовольства собой, но не тоскливое, а напротив. *Fais ce que doit...* ([Делай, что должно...]), и хорошо. Важное письмо от Божь[его] Полка. Нынче посетитель, с к[оторым] дурно поступил, но поправился. Не пишется, а хочется и думается. Может быть, и выйдет. Оч[ень], оч[ень] хочется сказать, душит потребность. Но не как я, а как Ты. Не знаю, хорошо ли это или дурно, то, что после общения с людьми всегда совестно, всегда чувствуешь, что делал не то, что нужно – *l'esprit de l'escalier* [задним умом.] Так б[ыло] с Власов[ым], а можно бы хорошо поговорить. Недовольство же в том, что не то делаю с людьми, думаю, ч[то] хорошо. Надо учиться. Разумеется, легко бы одному, а вот учись с людьми!

17 ян. 1909. я. п.

Оч[ень] дурно спал. Слабость, и все утро ничего не делал. Думал, и, кажется, на пользу. Оч[ень] себе гадок. Весь в славе людской. Занят последствиями. Прочел отчет об Альманахе и увидел все свое ничтожество: как меня всего занимает суждение людей. Слава Богу, благодарение Ему опомнился. Кстати и Кр[уг] чт[ения] нынешний как раз об этом. – Как не то ч[то] трудно жить всегда перед Богом, а как забывчиво, как легко отклониться от этого. Хорошо, что сейчас же тоскливое состояние, подлое состояние заботы о мнении людей – каких? всяких – больно напоминает об этом. Да, да, помнить, помнить всегда, ч[то] жизнь только тогда, когда живешь по Его воле, для Него, в Нем. И какая тогда свобода, радость, какое высокое сознание или, скорее, сознание высоты своего

человеческого значения, достоинства. То, ч[то] будут читать это[т] дневник, портит мое отношение к Нему.

Почувствовал нынче, в то время, как стало больно от сознания своей слабости,

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru подлости заботы о славе людской, живо почувствовал важность предшествующей работы в хорошие минуты. Было, к чему вернуться. Да, в этом истинная молитва. Проложить след, пробить дорожку лучших мыслей, лучшего, высшего, доступного мне в лучшие минуты понимания жизни, и потом в слабые минуты укрыться (в подлиннике описка: украсться) под это понимание. Нынче особенно ясно б[ыло] так. Особенно низко пал, и особенно радостно было спастись в прежнее, уже знакомое, свободное. радостное состояние общения с одним Им, сознанием себя Его органом. Ох, помоги, помоги оставаться в этом!

Затеянная мною вторая вещь мож[ет] быть страшной силы. Это не значит, что я ожидаю ее действия на людей, видимого действия, а страшной силы обнаружения Его закона. Оч[ень] хочется писать, но не приступаю нынче, п[отому] ч[то] чувствую себя слабым.

Вчера был оч[ень] близкий и сильный чело[век] шеерман. Оч[ень] хорошо беседовали. Я выразил то, ч[то] смерть есть то освобождение, к к[оторому] идешь, и потому благо. Так что же самоубийство? Я ночью задал себе этот вопрос. Кажется, можно ответить так: Смерть благо для того, кто положил жизнь в освобождении себя в жизни. Нет, не ясно. Подумаю еще.

18 янв. 1909. я. п.

Исправить подчеркнутое надо так: Смерть благо только тогда, когда исполняешь волю Пославшего (воля же Его в освобождении себя от личной жизни).

День пропустил. Оч[ень] б[ыл] физически слаб вчера целый день и ни вчера, ни нынче ничего не писал. Нынче написал только маленькую прибавку к статье о Ст-не, прибавку о царе, с тайной целью вызвать против себя гонения. И цель не совсем хороша, а уже совсем нехорошо нелюбовное отношение к нему. Надо будет исправить. А поправил немного статью и улучшил. Слава Богу-славу людскую, кажется, победил.

Вчера ночью оч[ень] нездоровилось, но испытал оч[ень] приятное чувство ожидания смерти без желания ее, но и без малейшего противления, а отношение к ней, как ко всякому естественному и разумному поступку или событию. Кажется мне, что во всяком случае она- смерть - скоро - т. е. неделями, много месяцами должна наступить. Нынче всё утро делал пасьянс, но не принимался за работу, чувствуя свою слабость. А темы оч[ень] уж хороши, не хочется их портить. Пришла в голову новая тема. Это - отношение к газете, к тому, что написано в газете, человека свободного, т. е. истинно религиозного. Показать всю степень извращения, рабства, слабости людей отсутствия человеческого достоинства. Оч[ень] хоро[шо] думалось. Не знаю, как удастся написать. Мож[ет] быть, завтра. Теперь вечер. Жду Ч[ерткова], ничего не буду затевать.

19 янв. Е[сли] б[уду] ж[ив].

[20 января 1909. я. п.]

Был жив и 19, и нынче, 20 я. 1909. я. п., но очень слаб. Давно не был так слаб и телесно и умственно. Не скажу, чтобы духовно. Только бы не проявляться. В этом воздержании главное дело духовной жизни в периоды слабости. - Не делай только того, что противно Его воле и воле твоего настоящего «я», и ты будешь делать то самое нужное и хорошее, что ты можешь сделать. Всё то, что мы считаем важным - хотя бы содействие вступлению людей на путь истинной жизни любви, блага, как это кажется важным, а как это несомненно явно ничтожно: ничтожно, во 1-х, в сравнении с той, только чуть смутно прозреваемой нами всей жизнью, к[оторой] мы, как бесконечно малая, но все-таки частица, служим своей жизнью, а во 2-х, п[отому] ч[то] мы в своей ограниченности не можем видеть, в чем наше служение.

Да, наше служение только тогда действительно, когда мы не знаем, в чем оно, а знаем только то, чего мы должны не делать.

Делать, хотим мы этого или не хотим, мы будем. Усилие наше только в том, чтобы не делать против Его воли - не сбиваться с дороги.

Самая, казалось бы, очевидная, благая, разумная деятельность, вполне самоотверженная для блага людей - но только революционная, но распространение той истины религиозной, кот[орую] мы считаем несомненной, может быть не только тщетной, но вредной, если не противной, то не согласной с Его волей. (Пути Его

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru (неисповедимы), а воздержание от поступков, самые ничтожные поступки, в самом малом кругу, могут быть тем самым, чего Он хочет, и самым плодотворным для того самого, что желает Он и сам в себе и в моей душе.

Особенно чувствую это теперь при моей слабости. (Как полезно для души все то, что бывает с нами, и в особенности то, что мы считаем и называем злом!) В эти дни слабости я не испытываю затемняющего стремления деятельности, особенно живо чувствую неправду жизни – ложь жизни. Постоянно совестно. Особенно за разговоры. Надо быть сдержаннее.

Очень хорошо бы ясно, пожалуй в образах высказать мысль о том, как вредно и тщетно это устраивание жизни не только других людей, но и самого себя – это empiement, [захват, присвоение] вторжение в дело Божие. Почти всё зло, 0,99 (в подлиннике описка: 0,01) в мире от этого.

Вчера было много народа и надо б[ыло] говорить. И разумеется, всё не нужно б[ыло] говорить, ч[то] говорил. – Постараюсь воздерживаться. Вчера же, вследствие этой слабости, болтовни и невоздержности особенно живо почувствовал недостаточное памятование о том, ч[то] жизнь только в настоящем. Загадывания, предположения, желание видеть распространение своих мыслей, увеличение числа единомышленников, желание написать такое, ч[то] вызвало бы сочувствие, похвалу – всё это губит жизнь. Ничего не нужно, кроме памятований в настоящем своего положения органа Божества.

Вчера, читая газету, живо представил себе отношение ко всем этим известиям человека религиозного, свободного, знающего свое назначение, и живо представилась статья об этом. Нынче хотел писать, но не в силах. Так у меня на верстаке три работы. Едва ли сделаю хоть одну. Впрочем, это о будущем. Мож[ет] быть, мой разговор с Дурочкой Парашей важнее и нужнее этих работ. Только вспомнить всю сложность событий мирских, в к[оторых] участвуют и люди, чтобы ясно понять, почувствовать всю легкомысленность, тщету и вредность предположений служить общему делу.

Вчера узнал, что архиерей хотел заехать ко мне. Утром сходил в школу и сказал учительнице, чтобы она передала ему, что прошу заехать.

Мне всегда жалки эти люди, и я рад этому чувству.

Кончаю тетрадь, думал, что не допишу, а вот прошло 2 1/2 года – и дописал. Не помню, записал ли то, что б[ыло] ночью дня три тому назад: почувствовал близость, совсем близость смерти, сейчас, и было спокойно, хорошо, ни радостно, ни грустно, ни страшно.

22 янв. 1909. я. п.

Начинаю новый дневник в очень телесно слабом состоянии, но душевно не так дурно – помню себя и свое дело, хоть не всегда, но большей частью.

(Зачеркнуто: никак) Вчера б[ыл] Архиерей, я говорил с ним по душе, но слишком осторожно, не высказал всего греха его дела. А надо было. Испортило же мне его рассказ Сони об его разговоре с ней. Он, очевидно, желал бы обратить меня, если не обратить, то уничтожить, уменьшить мое, по их зловредное влияние на веру в церковь. Особенно неприятно, ч[то] он просил дать ему знать, когда я буду умирать. Как бы не придумали они чего-нибудь такого, чтобы уверить людей, что я «покаялся» перед смертью. И потому заявляю, кажется повторяю, что возвратиться к церкви, причаститься перед смертью, я так же не могу, как не могу перед смертью говорить похабные слова или смотреть похабные картинки, и потому всё, что будут говорить о моем предсмертном покаянии и причащении – ложь. Говорю это п[отому], ч[то], если есть люди, для к[оторых] по их религиозному пониманию причащение есть некоторый религиозный акт, т. е. проявление стремления к Богу, для меня всякое такое внешнее действие, как причастие, было бы отречением от души, от добра, от учения Христа, от Бога.

Повторяю при этом случае и то, что похоронить меня прошу также без так называемого богослужения, а зарыть тело в землю, чтобы оно не воняло.

Вчера читал с большим интересом в Современном Мире ст[атью] Лукашевича о жизни. Нет конца, но удивительно всё направление статьи: найти определение жизни вне

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
сознания, а в наблюдении и изучении внешнего мира.

Если бы и б[ыло] доказано, что кроме механическ[их], физич[еских] и химич[еских] сил есть еще силы (пускай назовут их, как хотят), останется тайна отделенности каждого организма – существа, живущего, умирающего и порождающего себе подобных. Тайна «я», отделенности, тайна большего или меньшего сознания.

Если бы и удалось свести жизнь к общим законам, то почему отдельность сознания?

Всё дело в том, что человек знает прежде всего себя, свое я, и находит это я связанным пределами пространственным и временным, и наблюдая и изучая явления простр[анственные] и временные, приходит к признанию сначала таких же, как и он, отделенных существ – организмов, а потом и к признанию существ, уже не отделенных, а сливающихся в одно: кристаллен, молекул, атомов. И естественно видит, в них тот предел пространственный и временный, к[оторый] его ограничивает. Натывается на бессмысленность бесконечности признанием мира таким предметом, центр к[оторого] везде, а пределы нигде. Т. е., исходя от самого известного: себя, своего сознания, разумный чело[век] невольно приходит к познанию сначала ближайшего к себе, потом более отдаленно[го] и наконец к сознанию непостижимости. – Матерьялисты же исходят из наблюдения и, дойдя до атомов, до бесконечности миров, не останавливаются перед этим, а от атомо[в] и бесконечности миров, т. е. от непознаваемого, исходят для познания познаваемого, т. е. себя.

Читал Лозинского. Необыкновенно хорошо. Только жалко, что слишком бойко, газетно-журнально. Предмет же настолько важный, что требует самого серьезного, строгого отношения.

24 янв. 1909.

Два дня не писал, нездоровилось, да и теперь не похваюсь. С[оня] уехала в Москву. Вчера б[ыл] в тяжело раздраженном состоянии. Боролся. И то спасибо. Хорошие письма. Сейчас читал Fellowship. Много хорошего. Бегаи очень интересны. Нынче гуляя думал о двух: Детская мудрость и о воспитании, о том, что как мне в детстве внушено б[ыло] всю энергию мою направить на молодечество охоты и войны, возможно внушить детям всю энергию направлять на борьбу с собо[й], на увеличение любви.

Думал: Любовь отвечает на все требования добра. Чистота телесная, полая, кажется, совсем чуждое любви свойство, а подумай только о том, ч[то] ты делаешь тому, с кем только сладострастно совокупаешься, и любовь помешает тебе отдаться дурному чувству. А богатство, экономическое неравенство тоже кажется далеким, а борьба против него, как весь социализм, только проявление любви.

Читал два дня Лодзинского и очень одобрял. Написал ему письмо.

Сейчас кинул книгу на полку, она соскользнула, упала на пол, я рассердился и выбрал книгу. Так же должна быть ясна и стыдна злоба на человека, не делающе[го] того, чего мне хочется.

2 фев. 1909. я. П.

Шесть дней не писал. кое-что работал по двум письмам, к[оторые], кажется, кончил. Нездоровилось. Нынче совсем плох, целый день лежал. Сейчас 11-й час, только встал и пишу, но очень слаб. Но как хорошо болеть. Нынче во время болезни и слабости думал 4 вещи. Три помню, хотя и плохо, по 4-ю забыл. Вот что:

Да, забыл сказать, ч[то] за эти дни ходил на деревню к бедным и получил сильное, полезное впечатлен[ие]. Итак:

1) о жизни «я», 2) о разуме, 3) о связи со всем. (Не то.)

[1] Жизнь, какую я сознаю, никак не есть жизнь моего «я». Я иллюзия, нужная для этой жизни, но иллюзия – как бы леса, подмости, орудие для работы, но не в нем сама работа. Напротив, перенесение интереса на него – на «я» – губит, останавливает работу. А работа не только нужная, хорошая, но радостная. В чем она? До конца не дано знать нам, но отчасти, насколько нужно, видно. Та работа настоящая, в к[оторой] делаешь то, что нужно, но не для тебя. (Было очень хорошо

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
утром в мыслях, а теперь не то.)

2) Разум, к[отор]ому мы приписываем такое решающее, высшее значение, для истинной жизни не имеет не только такого важного значения, но не имеет никакого. Он нужен только для жизни «я». Он только здесь, среди людей имеет такую важность, обязательность, но если представить себе жизнь после смерти, то не только можно ее представить себе без руководства разума, но должно представить ее таковою. Там будет другое руководство занимать то место, к[отор]ое здесь занимает разум.

3) (я вспомнил теперь; это б[ыло] о времени.) Рассуждая о том, что будет после смерти, мы рассуждаем о том, о чем не можем рассуждать: рассуждаем временно, т. е. с участием времени, о том состоянии, к[отор]ое будет вне времени. Время ведь есть только, также и пространство, форма нашей жизни. А мы из нее уйдем. Как же тогда время.

4) Даже в этой жизни есть нечто в нашей деятельности невременное и непространственное, и оно-то и самое нужное, важное и благотворное. А мы так привыкли к времени и пространству, ч[то] при представлении о загробной жизни переносим их туда.

Времени нет. Есть моя жизнь. А она только написана на времени. Есть сочинение, а нет строк, букв. Оно написано только посредством строк и букв. И то, что хорошее сочинение написано строками и буквами, никак не доказывает того, что дальнейшие строки и буквы книги будут продолжать сочинение или составят подобное же сочинение.

5) (в подлиннике запись ошибочно помечена цифрой 4) Время и пространство и вещество-обман, и мое я -обман (не обман, а фикция, мечта), а жизнь есть и не обман мое участие в ней, в не скажу вечной, но вневременной, внепространственной жизни. И то, что я не «буду» жить в теле после смерти и что не будет мое «я», не только не уменьшает мою веру в загробную жизнь, но непоколебимо утверждает ее. То, что я называю и сознаю своим «я», есть вневременное, одно истинно существующее, – есть – не могу сказать: часть, п[отому] ч[то] в части есть понятие пространства и вещества, но есть сама жизнь. – Надо бы яснее, да не осилю.

4 фев. 1909. я. п.

Вчера б[ыл] оч[ень] плох физически. Ничего не делал. Боролся с недобр[ыми] чувствами. Читал Арц[ыбашева]. Талантлив, но та же неблаговоспитанная литературная небрежность, в особенности в описаниях природы. Маленькие и большие таланты, от Пушкина и Гоголя, работают: «Ах, не ладно, как бы лучше». Нынешние: «Э! не стоит, и так сойдет».

У Арц[ыбашева] не только талант, но и мысли; к несчастью, зная всё неточное, легкомысленное, что думано о вопросах в жизни, они все, и он тоже, поразительные невежды во всем том, что сделано великими мыслителями прошедшего. Они часто с сознанием своей великой смелости и мудрости позволяют себе по-своему оч[ень] слабо усумниться в том, что исповедуется всеми в их кругу, и не знают того, что не только их сомнения, но всё то, ч[то] вытекает из их сомнений, давно передумано и уяснено, так ч[то] в этих вопросах уже нет подлежащей открытию Америки. Но всё-таки у Арц[ыбашева] работает – и самобытно – мысль, чего нет ни у Горьк[ого], ни у Андреева. Простой талант без содержания у Куприна; у Арц[ыбашева] и талант и содержание. Но всё-таки они несравненно выше Анд[реева] и Горьк[ого], особенно Арц[ыбашев]. Рассказ Кровь – прекрасно. Хорош и Гололоб[ов]. Куприян страдает небрежностью описаний того, чего не знает авт[ор].

Ну, довольно об этом.

Приезжал вчера из Р[усского] Сл[ова] об архиерее, я продиктовал, нынче корректура. Отослал. Подписал письмо старообрядцу. Интересные письма, особенно одно о неверии в народе.

1). По ощущению того, как это неприятно терпеть, понял – смешно сказать: в 80 лет – то, что не надо говорить с другими о том, ч[то] тебя занимает, а ловить то, ч[то] их занимает, и об этом говорить, если есть что.

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
2) Всё яснее и яснее становится для меня то, что наша жизнь есть ничто иное, как только сознание нашей отделенности, то, ч[то] мы называем своим «я» и что есть ничто иное, как только сознание жизни всего. Для того, чтобы быть отделенным, надо, чтобы было то, от чего мы сознаем себя отделенными. А это-то то, от чего мы сознаем себя отделенными, мы не можем понимать [иначе], как бесконечным в смысле матерьяльном, и не можем понимать иначе, как нераздельным с собою в смысле духовном.

Вот это-то нераздельное со мно[й] и есть то, ч[то] мы называем Богом. Если позволить себе приписывать по установившейся привычке намерения этому Богу, то Он дает нам этой нашей отделенностью и сознанием нашей духовной неразделенности со всем, даст нам жизнь и ее благо. Смерть есть прекращение сознания отделенности. Чем оно заменяется? Уничтожается ли только это сознание? Одно несомненно, что оно, то сознание себя, не может уничтожиться, п[отому] ч[то] одно есть. Кроме него ничего не существует. (Неясно.)

Вечер. Всё думаю о том, ч[то] писал нынче утром. Да, если мы сознаем себя отделенными, то это от того, что мы были (слово: «были» неверно, п[отому] ч[то] выражает время тогда, когда дело идет о вневременном) нераздельными, или скорее: то, что мы сознаем себя отделенными, это только иллюзорное, или «временное» сознание, а в действительности мы не перестаем быть одно со всем (на религиозном языке это значит, ч[то] в нас живет Бог). Эта-то одновременная отделенность и нераздельность дает нам власть, свободу, всемогущество, дает нам жизнь и ее благо. Так что смерть есть только уничтожение иллюзорного, временного сознания отделенности. Заменится ли оно другим сознанием или нет, мы не знаем и не можем знать и не должны знать, п[отому] ч[то] знание это уничтожило бы свободу нашей жизни. (Всё неясно.)

Да еще то хотел записать, что деятельность во имя сознания нераздельности есть высшая, всегда свободная и дающая благо деятельность. Деятельность же во имя сознания отделенности исполнена всегда страданий, страхов, неудовлетворенных желаний. (Вся запись под N. 2 в подлиннике отчеркнута красным карандашом)

3) Еще хотел записать то, что я волей неволей принужден верить, ч[то] мне сделали какую-то несвойственную мне славу важного, «великого» писателя, человека. И это мое положение обязывает. Чувствую, что мне дан рупор, к[оторый] мог бы быть в руках других, более достойных пользоваться им, но он volens-nolens [хочешь – не хочешь] у меня, и я буду виноват, если не буду пользоваться им хорошо. А я последнее время, кажется, больше для пустой болтовни, повторения старого пользуюсь им. Будем стараться.

Еще 4). Слышу и получаю письма, вероятно и в печати, упрекающие меня за то, ч[то] я не отдал землю крестьянам. Не могу не признать, ч[то] было бы лучше, не боясь упреков семьи, отдать землю крестьянам (каким?), но можно б[ыло] как-нибудь устроить, но дурно ли, хорошо, я не сделал этого, но никак не п[отому], ч[то] дорожил этой собственностью. Я 20 лет и больше ненавижу ее и не нуждаюсь и не могу нуждаться в ней и благодаря моим писаниям, и если не писаниям, то моим друзьям. – Единственная выгода того, ч[то] я не отдал землю, та, ч[то] меня за это осуждали, ругали, осуждают и ругают.

Теперь же после моей смерти я (Зачеркнуто: оч[ень]) прошу моих наследников отдать землю крестьянам и отдать мои сочинения, не только те, к[оторые] отданы мною, но и все, все в общее пользование. Если они не решатся исполнить обе мои посмертные просьбы, то пускай исполнят хоть одну первую, но лучше будет – и для них – если они исполнят обе.

Нынче 5 ф. 1909. я. П.

Ночью думал, мало спал, думал, «le monde est une sphere don't le center est partout et la circonference nulle part»(мир-это шар, центр которого-везде, а окружность-нигде]. Прибавлю к этому, что этот центр – я и всякое живое существо. Жить значит чувствовать, сознавать себя центром вселенной, Всего.

И очевидно, что действительно существующее есть то, что мне представляется сферой бесконечной только п[отому], ч[то] я так же, как и всякий человек не только современный, но живший сотни тысяч лет назад, понимаю себя центром, из к[оторого] исходят бесконечные радиусы; только это, представляющееся мне сферой, но не могущее иметь никакой формы, только это действительно существует, мы с

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru червяком – воображаемое, как и всё матерьяльное, весь матерьяльный мир есть только воображаемое, – воображаемое п[отому], ч[то] матерьяльное, не имеющее пределов, есть бессмыслица, contradiction in adjecto [противоречие в понятии].

Действительно существует только то нечто духовное, от к[оторого] я чувствую себя отделенным.

2) Димочке надо сказать, ч[то] брак не даст полноты жизни, а лишит ее полноты в лучшем случае, в худшем будет лишним препятствием к достижению назначения – блага.

6 ф. 09. я. п.

Не знаю, записано ли:

1) Тем хорошо признание Бога любовью, ч[то] общение с ним только одно: любовь к людям. И общение такое, при к[отор]ом Его чувствуешь, Он отвечает тебе.

2) Легко сказать: «жить только перед Богом», а как трудно, но и как хорошо!

3) Четыре ступени жизни: 1-ая животная, младенцы, 2-я подражание, подчинение внушению, «что люди, то и я» – детство, 3-я для славы людской юность, 4-я для души, для Бога – настоящая жизнь. Во всей жизни остаются все четыре. Вторая – традиция, инерция, гипноз, как люди, так и мы – главный двигатель 0,99 всей деятельности людской и в семье, и в общественных обычаях, и в государстве, и в религии.

Молитва: Хочется просить помощи у Бога. Но Бога никто же нигде же не видел, т. е. Бога мы не можем понять; не можем понять, но можем вступить в общение с ним любовью. Если мы любим, то мы в Нем и Он, в нас. Так будем же любить всех и ближних, и дальних, и любящих, и ненавидящих нас. И будем всегда любить всех и мыслью, и словом, и делом. В этом одном и помощь от Бога и в этом высшее благо, к[отор]ое Он дает нам.

7 фев. 1909. я. п.

Всё нужнее и нужнее становится для меня короткая молитва, и я составил такую:

Помещу на другой стороне. Вчера б[ыло] оч[ень] хорошо и в теле и на душе. Нынче хуже, но держусь.

Молитва.

Хочется помощи Бога. Понимать же Бога могу только любовью. Если люблю, то Он, во мне и я в Нем. И потому буду любить всех, всегда, в мыслях, и в словах, и в поступках. Только в такой любви найду помощь от Бога.

Думал о том, что сознание отделенности дает через чувство осознания понятие непроницаемости. Понятие же непроницаемости дает понятие вещества. Хочется уяснить себе это. Но до сих пор еще не ясно.

8 ф. 09. я. п.

И вчера [и] нынче ничего не делал. Занят мыслью о молитве. Думал об этом и нынче ночью. Да, мне нужны три молитвы, три напоминания себе о том, кто я и что мне свойственно и должно делать. Одна первая и главная:

1) Знаю, ч[то] если люблю, то Ты во мне и я в Тебе. И потому хочу любить всегда и всех и в мыслях, и в словах, и в делах.

Вторая:

2) Хочу не думать о суде людском, а делать только то, что мне перед живущим во мне Тобою должно и можно делать.

Третья:

3) Внешние события будущего скрыты от меня, но я знаю, что они совершаются по

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Твоей воле, и потому не хочу желать в будущем тех или иных, зная, что то, что совершается по твоей воле, всегда благо.

9 ф. 09. я. п.

Во всем да будет не то, чего я хочу, и не так, как я хочу, а то, чего Ты хочешь и как Ты хочешь. Не хочу желать и ожидать чего-либо в будущем, ни успеха в деятельности, ни славы людской, ни сил телесных, ни самой жизни. Одного хочу, хочу, чтобы быть в Тебе и с Тобою, любить всегда и всех (далее по недосмотру осталось незачеркнутым: как) и в мыслях, и в словах, и в делах.

Да будет со мною не то, чего я хочу, и не так, как я хочу, но то, чего Ты хочешь и как Ты хочешь. Не хочу в будущем ни успеха деятельности, ни славы людской, ни телесных сил, ни продления жизни. Одного хочу: хочу для того, чтобы быть в Тебе и Тебя сознать в себе, любить всех и в мыслях, и в словах, и в делах.

Всё не могу удовлетвориться формой молитвы. Сейчас вечер 9-го. Хочу выразить еще иначе – вот так:

Ничего не желаю в будущем, зная, что всё, что будет, будет благо; не желаю и похвалы людской, зная, что назначение мое не в любви людей ко мне, а в моей любви к ним, любви в делах, в словах, в мыслях.

11 ф. 09. я. п.

Ничего не пишу уже несколько дней, но на душе хорошо, особенно нынче. С[оня] не приехала. Думал о том, что молитва моя не годится для последних минут жизни, при смерти. А если не годится для смертного часа, то и вообще не годится, п[отому] ч[то] смертный час всегда, всякую минуту. Подумал сначала, ч[то] не годится в особенности для смертного часа усилие избавиться от заботы о славе людской. Но подумав еще, увидел, ч[то] это неверно, ч[то] соблазн славы людской не покидает человека и в минуты смерти, часто, напротив, в эти минуты еще усиливается – как во всех тщеславных героических подвигах. Даже едва ли не во всех их двигатель тщеславие. Да, тщеславие, забота о славе людской – одно из главных препятствий для отдачи своей жизни служению духовному началу вне себя и в себе: вне себя, все яснее и яснее постигая его требования, и в себе, всё больше и больше подчиняя свою жизнь этим требованиям. Так что молитву оставляю такую, как записал. Разве прибавлю то, ч[то] выражает сознание, память о неизбежности, близости, естественности и благе смерти.

Знаю, что умираю, и в виду смерти не могу желать ничего внешнего в той жизни, из к[отор]ой ухожу; не могу тоже желать и похвалы от людей, п[отому] ч[то] она не нужна умершему. Но не могу не желать и желаю одного: любить всегда одинаково всех и делом, и словом, и мыслью, всякую минуту и до последней минуты.

12 фв. 1909. я. п.

Всё так же ничего определенного не работаю. Нынче поправил письма. Одно, матерьялисту, кажется, не дурно. Приехал вчера и нынче Вайсов, Сергеенко, Трегубов. Да, вчера думал о том, как действительны слова умирающего. От чего? А от того, ч[то] умирающий не думает о мирском. Да ведь мы все умирающие. Только не думай о мирском – и твои слова будут так же действительны, если только слушатели будут чувствовать твою отрешенность от мирского. Думал нынче гуляя:

1) Какой это неразрывный круг: добрая жизнь – дела – усиливают веру, вера производит дела. От этого ясно, как не может быть веры – а только подобие ее – самая страшная ложь – у властителей, воин[ов], грабителей, судей, лжеучителей.

14 фев. 09. я. п.

Вчера нездоровилось, но счастлив, не могу не благодарить. Ничего не писал. Был Николаев милый. Письма все хорошие. Не выходил перед обедом, а лежал.

Отрываюсь, после допишу.

И нынче чувствую себя слабым, в особенности для писания: ничего не хочется. А между тем нынче утром думал оч[ень], кажется, важное, именно:

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

1) Говорят: «разве возможно жить по закону любви, без удержания насилем злых?» То, что люди говорят это, показывает, ч[то] говорящие верят в закон насилия, верят в то, что насилие учредит жизнь. Они верят в это, и действительно, закон насилия отчасти, только отчасти учреждает, или нам кажется, что учреждает жизнь. Что бы было, если бы мы верили в закон любви так же, как верим в закон насилия? Всё дело в вере в то или другое. И я думаю, что вера в закон любви придет и сделается столь же общей, какой была вера в закон насилия. (Я говорю: была, п[отому] ч[то] теперь уже является сомнение в действительности зак[она] нас[илия].) А как только вера эта сделается общей, так уничтожится большая часть тех зол, от к[оторых] страдает теперь человечество.

2) Часто отдаешься унынию, негодованию о том, ч[то] делается в мире. Какая это непростительная ошибка! Работа, движение вперед, увеличение любви в людях, сознание ее возможности, ее применения, как закона жизни, рост в человечестве и положительным путем – признание ее благодетельности, и отрицательным – признание всё ухудшающегося и ухудшающегося положения людей вследствие признания закона насилия. Да, надо видеть этот двоякий рост, а не отчаиваться.

3) Смертные казни в наше время хороши тем, ч[то] явно показывают то, ч[то] правители дурные, заблудшие люди, и ч[то] поэтому повиноваться им так же вредно и стыдно, как повиноваться атаману разбойничьей шайки.

15 ф. 1909. я. п.

Вчера нехорошо говорил вечер с Зосей – осуждал, зло. Здоровье хорошо, говорил с Ваней. Не могу без слез. Нынче поутру думал как будто новое думал так радостно, что:

1) Осуждать за глаза людей подло – в глаза неприятно, опасно, вызовешь злобу. И потому одно возможное, разумное, а потому и хорошее отношение к людям, поступающим дурно – такой для меня б[ыл] Столыпин с своей речью – сожаление и попытка разъяснить им их ошибки, заблуждения.

2) Сейчас б[ыл] нищий, мужик, бывший солдат, говорит иностранными, ненужными словами, но смысл речей один: ненависть к правителям, к богатым, зависть и оправдание себя во всем. Страшное существо. Кто это сделал? революционеры или правительство? Оба.

3) Религиозно нравственное положение народа ужасно, как будто нет выхода. Но он есть, только во времени. Наелся дурной, вредной пищи или напился пьян, и мучаешься, и кажется, ч[то] нет выхода, п[отому] ч[то] сейчас действительно нет выхода, но выход есть. Желудок переварит, организм переработает, так и в этом.

4) Какое ужасное зло сделано революционной литературой: указать прежде не признаваемое, спокойно переносимое зло и предложить, как единственное средство избавления, средство, не избавляющее, а увеличивающее зло – это ужасно жестоко. И это самое сделано революционерами с народом.

18 ф. 09. я. п.

Вчера не писал. Целый день был вял – хуже, был грустен, почти зол. Как вспомнишь о чем-нибудь, так кажется, ч[то] это мне неприятно, и неприятно не то, о чем думал, а то, как думаю, чем окраше[на] мысль. Поправлял «Слово», и всё не хорошо. Вечером был Булыгин, рассказывал поразительное о смерти жены. – Нынче с утра не думается, не работается. И хорошо. Чего же еще?

1) Сейчас думал очень для меня важное: Всё хочется – не знаю, по старой ли привычке или по свойству души человеческой – хочется молиться, обращаться к кому-то, к Богу. Я последнее время, стараясь ясно определить себе Бога, как и должно было быть, пришел к признанию невозможности отношения к Нему, к отрицанию Его для разума, но потребность жива. Бог, Ты, Ты – всё, чего я смутное проявление в теле, в отделенном от Всего теле, Ты – Весь, во всем совершенстве, помоги мне. Говорю это – и мне хорошо на душе. Не знаю, кто Тот, Кого я прошу о помощи, но мало того, что знаю, ч[то] Он есть, но знаю и то, что чем больше, искреннее, горячее прошу Его о помощи, тем больше чувствую эту помощь. Да. Помоги мне освободиться от тела, соединиться с Тобо[й] – и чувствую, что Ты уже помогаешь, и – хотел бы сказать, ч[то] люблю Тебя, но «люблю» не то слово. Чувство мое к Тебе и не так горячо, как любовь, и не так узко, телесно. Это не

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
любовь. В любви есть желание блага, а в этом только желание соединения.
–(Чепуха.)

2) Я всё придумывал молитву краткую и молюсь составленной длинной молитвой. Это нехорошо. Молитва не может быть одна и та же на все дни, на все часы. Нынче мне нужно: «помоги». А иногда нужно: «благодарю». Иногда нужно только созерцание, и иногда память о Нем и о Себе.

Не знал и не знаю ни одной женщины духовно выше М[арьи] А[лександровны]. Она так высока, что уже не ценишь ее. Кажется, так и должно быть и не может быть иначе.

19 ф. 09. я. п.

Хорошо спал. Поправил «Непонятное», начал «Детск[ую] мудрость». Просмотрел «Дьявола». Тяжело, неприятно. Хорошо думал во время верховой езды. Думал первое то, что

1) Надеяться, ожидать чего-нибудь разумный человек может только одного: смерти.

2) Надо в жизни не ожидать будущего, а готовиться к жизни в настоящем.

Очень ясно чувствую, испытываю радость, успокоение, свободу жизни только для Бога, в Боге.

20 Февр. я. п.

Всё так же, как вчера, тяжелое физич[еское] состояние. Вероятно, печень, и ничего не могу работать. взял б[ыло] Павла, перечитал. Могло бы быть не дурно, но нет охоты. Нет охоты и к Детскому. Письмо от Петрова – не совсем. Надо отвечать. Тут Миша с женой и свояченицей. Оч[ень] приятны. Записать нечего. Едва ли буду в состоянии писать художественное. Поправил Номер Газеты – нехорошо. Вчера и третьего дня с Ч[ертковым] хорошо говорил[и]. Но к вечеру страшно слаб.

21 Фев. 1909. я. п.

Вчера хорошо гулял пешком, и среди не думанья вдруг мысль, и хорошая, и оч[ень] хорошая. Запишу. Попробовал «Павла». Вижу возможность. С Ч[ертковым] хороший разговор. Нехороший, задорный разговор с Зосей об искусстве. Записать:

1) Мы, крошечные отделенные существа с нашими случайными внешними чувствами (таких чувств может быть миллионы разных. Мы и видим разные у животных), мы этими чувствами творим мир, нами познаваемый, с микроскопическими животными и небесными телами, и живем в полной уверенности, что мир действительно такой, и такой только и есть. Какая глупость! Не говоря уже о том, ч[то] мир-то этот нелепый в бесконечном времени вперед и назад и в бесконечном пространстве, с бесконечно великими частями материи и такими же бесконечно малыми частицами материи, т. е. совершенная чепуха, не говоря уже об этом, разве не очевидно, что то, что мы называем действительно существующим миром, есть произведение чувств одного, случайно одаренного известными, исключительными чувствами существа человека. Так что тот мир, к[отор]ый мы воображаем, ч[то] существует один, есть только одна из бесчисленных возможных случайностей. Знаем же мы, что это так, п[отому], ч[то] знаем по участию в нем, что есть другой мир, независимый от тех или иных чувств, мир духовный, – один, только один. Этот другой мир мы не можем сказать, ч[то] знаем, но можем и должны сказать, ч[то] он есть. И знать то, что он есть – великое благо.

Забыл записать: Забота о славе людской, о мнении людей не есть одна из слабостей людских, один из соблазн[ов], как думают многие, нет, это соблазн из соблазнов. На нем почти все, если не все грехи людей: и богатство, и ученость, и властолюбие, и раздражение, и ненависть, и отчаяние, всё на этом. Для того, чтобы почувствовать всё губительное значение этого ужасного соблазна, стоит только представить себе жизнь, свободную от него, жизнь, посвященную всю исполнению воли Бога, с совершенной беззаботностью о суждении людей. Только представить себе это живо во всех случаях жизни – и представится удивительная, неиспытанная свобода и сознание своего человеческого, божественного назначения. (Не умел ясно выразить, ч[то] чувствовал.)

22 Фев. 1909. Я. П.

Вчера хорошо ездил далеко верхом и хорошо думал. Дома вечер большая слабость. Был ч[ертков]. Как всегда, хор[оший] разговор. Нынче опять чудное утро, но очень слаб. Записал оч[ень] плохо д[етскую] м[удрость] и ничего не могу делать. А многое хочется. Что-то надо б[ыло] записать важное – забыл. Одно помню: о «свободе воли». Как неправильно говорить о «свободе воли». Точно как будто кто-то от чего-то освободился.. Свобода света, свобода тяготения. То, что называют свободой воли, есть сама жизнь, то, что мы называем жизнью, но что и называть-то ничем нельзя. Свободой воли мертвые люди называют ту жизнь, к[отор]ую они утратили и о к[отор]ой удержали смутное воспоминание.

25 Ф. 1909. Я. П.

Третье[го] дня, т. е. 23, совсем не помню. Кажется, ничего не писал, кроме писем о непротивлении и о школе. Оч[ень] холодно. 23-го, кажется, ходил пешком. З[ося] за мной ездил. 24-го хорошо писал Павла. Может выйти. Оч[ень], много хорошего и полезного можно сказать. Был посетитель, одуренный и развращенный революцией. Всех ненавидит, осуждает, а для себя всё можно. Читал V. Hugo. Прекрасно – проза, но стихи не могу.

Нынче с утра писал застарелые письма – очень бодро и охотно написал не менее 15. Ходил до поручика. Слаб, но хорошо. С радостью чувствую освобождение от славы людской.

1) Вспомнил насмешки Соловьева о том, что я говорю, что не земля вертится, а солнце ходит, и подумал, что несомненно разумнее полагать и думать и говорить, что солнце ходит, чем-то, ч[то] земля вертится. То-первое-несомненное, общее для всех, окончательное данное чувств, второе вывод ума, во 1-х, не всем одинаково доступный, во 2-х, рассуждение не окончательное, а требующее еще менее доступных всем, и не окончательное рассуждение, а ведущее в область бесконечных и неоконченных, неясных рассуждений.

27 Ф. 1909. Я. П.

Вчера чувствовал себя совсем больным, ничего не ел, и слабость телесная, но духовное состояние – напротив. Продиктовал кое-что не дурно. Не выходил. Вечером, как всегда, хорошо с ч[ертковым], б[ыли] еще фельт[ен] и Страховы.

Чувствую близость смерти, и если умирать-это то, что я чувствовал вчера и отчасти нынче, то это одно из лучших состояний, испытанных в этой жизни.

Саша, несмотря на то, ч[то] мы мало говорим с ней, мне не достает.

Только бы быть в любви со всеми.

1 Марта 1909. Я. П.

Вчера не писал, но б[ыл] здоров. Утром читал и записал д[етскую] м[удрость]. Верно, лишнее ходил, и нога заболела. Вечером картины Инд[ии] у ч[ертковых]. Очень хорошо. Нынче проснулся бодрый, хотя мало спал, и думал вот что:

Нынче 2 М. 1909.

Неподвижно сидел вчера от ноги, также сижу и нынче. Вчера совсем ничего не делал, кроме чтения. Были с Инд[ейскими] картинами. Поправлял английский перевод письма к Индусу. Вечером б[ыл] замечательно религиозно сильный человек из Тулы – как всегда, бывший революционер Михаил Перепелкин. Читал Грабовского Geistige Liebe [Духовная любовь.]. Много оч[ень] глубокого и хорошего. Надо вникнуть. Переписать из зап[исной] книжки:

1) Смертная казнь хороша тем, что показывает ясно, что правители злые, недобрые люди, и повиноваться им так же стыдно и вредно, как повиноваться атаману шайки разбойников. (Дальнейшее, кончая записью от 1 марта 1909 г., внесено в тетрадь Дневника переписчиком. Редакцией здесь, как и в других подобных случаях, исправлены неточности по подлиннику (Записная книжка N. 1)).

1) Смертн[ая] казнь хороша тем, ч[то] ясно показывает то, что правители – злые,

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
недобрые люди, и что повиноваться им так же стыдно и вредно, как повиноваться шайке разбойников.

2) Ничего не желаю для себя в будущем, потому что верю, что всё безразлично, и если я делаю, что должно, для меня всё благо. Не ищу похвалы от людей, потому что знаю, что искание славы людской мешает исполнению воли Бога. Желаю и ищу одного: чтобы я всякую минуту жизни одинаково любил всех, любил и делом, и словом, и мыслью.

13 февр.

Читал Croft Hiller'a. Неверно, искусственно допущение насилия для восстановления прав Бога. Только любовь, а любовь только без насилия любовь. Главное же, в чем я ошибся, то, что любовь делает свое дело и теперь в России с казнями, виселицами и пр.

14 февр.

1) Для того, чтобы закон любви учредил жизнь, надо верить в него так же, как мы верим в закон насилия.

2) Губительный вред революционных писаний.

3) Любовь к людям, животным, природе, к себе.

4) (Д[етская] М[удрость]. Осуждение.)

5) Наш мир только частный случай.

28 февр.

1) Жизнь есть стремление к соединению с Началом всего, с Богом, так как же может быть страшна смерть для того, кто понимает истинный смысл жизни. Как же ему бояться того, в чем исполнение его стремлений.

2) Умирая, испытываешь то, что брошенный ребенок, возвращаясь к любящей и любимой матери.

3) Как рабочие сами виноваты. Цель не должна быть освобождение, а цель – достижение лучшей духовной жизни – цель религиозная, общая, и тогда и только тогда попутно достигнется цель политическая, частная.

4) Наивность недоумения сегодняшнего рабочего о том, что «этак можно получить много неприятностей».

1 марта.

1) Бог есть любовь. Любить Бога значит любить любовь.

2) В первый раз испытал чувство, которое могу назвать похожее на любовь к Богу. Сейчас не могу по произволу вызвать это чувство, но могу вспоминать о нем.

3) Смерть есть прекращение жизни в пространстве и времени. Для того, кто не сознает жизни вне пространства и времени, она есть прекращение всего.

4) Подати самое могущественное орудие порабощения, и потому освобождение возможно только при освобождении от участия в собирании податей и – страшно сказать (и вместе с тем радостно) – только при освобождении от корысти, при готовности к бедности, при отказе служения богатым.

5 марта.

Никак не думал, что 4 дня не писал. – За эти 4 дня оказалась болезнь ноги, усадившая меня в кресло и поставившая в зависимость от помощи других. Не похваляюсь духовным состоянием, особенно по вечерам. Но не слабею, знаю, что плохо. Недоволен тем, ч[то] нет радостного любовного состояния. Вчера целый день только написал два Н Д[етской] М[удрости] и всё читал Гоголя. О Гоголе записано в книжке. Саша впишет сюда: (Дальнейшие 4 абзаца машинописная копия, написанная

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru на вклеенном в тетрадь Дневника листке, с одним исправлением Толстого).

1) Гоголь – огромный талант, прекрасное сердце и слабый, т. е. несмелый, робкий ум.

Лучшее произведение его таланта – Коляска, лучшее произведение его сердца – некоторые из писем.

Главное несчастье его всей деятельности это его покорность установившемуся лжерелигиозному учению и церкви и государства, какое есть. Хорошо бы, если бы он просто признавал всё существующее, а то он это оправдывал, и не сам, а с помощью софистов славянофилов и был софистом и очень плохим софистом своих детских верований. Ухудшало, запутывало еще больше склад его мыслей его желание придать своей художественной деятельности религиозное значение. Письмо о «Ревизоре», вторая часть «Мертвых душ» и др.

Отдается он своему таланту – и выходят прекрасные, истинно художественные произведения, отдается он нравственно религиозному – и выходит хорошее, полезное, но как только хочет он внести в свои художественные произведения религиозное значение, выходит ужасная, отвратительная чепуха. Так это во 2-ой части «Мертвых душ» и др.

Прибавить к этому надо то, что всё от того, ч[то] искусству приписывает несвойственное ему значение.

(С[аша] впишет сюда.) (Дальнейшие 4 абзаца – копия записи от 3 марта « Записной книжке)

3 Марта. 1) Любить Бога значит любить божественное в себе. В себе оно ограничено, только вне себя оно полно. Предмет любви к Богу есть то, что во мне ограничено, но вне меня полно.

2) Любить Бога и ближнего значит любить в себе то, что не ограничено, в других же и то, что ограничено (не то).

3) Да, Бог сотворил мир, но не какой-нибудь особый Бог, и а тот Бог, который во мне. Он сотворил весь видимый мир.

4) Опасность игры слов и всякого красноречия.

6 Марта 1909. Я. П.

Очень – хотел сказать: дурно, – не дурно – хорошо, – а слабо себя чувствую: сердце сжимается, и не могу ничего последовательно думать. И нога хуже. Не знал, что делать? И спросил себя: что перед Богом, перед хозяином делать? И сейчас ясно стало по крайней мере то, чего не надо, не стоит делать.

1) Читал газету и о казнях, и о злодействах, за к[оторые] казни, и так ясно стало развращение, совершаемое церковью – скрытием христианства, извращением совести, и государством – узаконением, не только оправданием, но возвеличением гордости, честолюбия, корыстолюбия, унижения людей и в особенности всякого насилия, убийства на войне и казней. Казалось бы, так несомненно ясно это, но никто не видит, не хочет видеть этого. И они – и церковь, и государство, хотя и видят всё увеличивающееся зло, продолжают производить его.. Происходит нечто подобное тому, что бы делали люди, умеющие только пахать и имеющие только орудия пахоты и только своей работой, пахотой могущие существовать, если бы эти люди пахали бы поля, на к[отор]ых уже взошли всходы.

Если могли быть нужны в свое время дела церкви и государства, они явно губительны в наше время и продолжают совершаться.

7 Мар. 1909.

Грустное известие вчера. Ч[ерткова] высылают. Он приехал больной, слабый, взволнованный. Как мне ни больно лишиться его, мне б[ыло] жалко только его – разрушения всех его не личных планов. Но это ему испытание и наверно на благо, на истинное благо. Вчера чувствовал себя оч[ень], оч[ень] слабо. Ничего не писал, ч[то] редко со мной бывает. С[оня] написала письмо и возмущена. Ах, если

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
бы она умела подниматься над собой... Пытался вчера писать комедию-нейдет и не хочется.

Много думал о Гог[оле] и Белинском. Очень интересное сопоставление. Как Гоголь прав в своем безобразии, и как Белинский кругом неправ в своем блеске, с своим презрительным упоминанием о каком-то Боге. Гоголь ищет Бога в церковной вере, там, где он извращен, но ищет все-таки Бога, Белинский же, благодаря вере в науку, столь же, если не более нелепую, чем церк[овная] вера (стоит вспомнить Гегеля с его «Alles, was ist, ist vernunftlich» [всё, что существует, разумно] и несомненно еще более вредную, не нуждается ни в каком Боге. Какая тема для нужной статьи! Записать надо:

1) Хорошо бы написать о том, как наша жизнь, богатых классов, есть непрерывающее воровство, грабёж, к[отор]ые смягчаются хотя отчасти для тех, кто родился, воспитан в этом грабеже, но кот[ор]ые для тех, кто увеличивают грабёж (далее в подлиннике написано слово: или, которое следует считать незачеркнутым по ошибке, так как после слов: у правительства зачеркнуто: или нажи[вой]) получением мест у капиталистов, у правительства, есть подлость. Для всех же есть лицемерие.

2) Не говоря о многих и многих благах, присущих только старости: долгого опыта, свободы от сладострастия (огромное благо), забвения, равнодушия, спокойствия, самое большое или, по крайней мере, одно из больших это то, что всё, что делаешь, [делаешь] уже не для своей телесной личности, зная, что ее скоро не будет. Так для меня особенно важно сознание того, (далее в подлиннике следуют слова: что то, которые следует считать незачеркнутыми по ошибке, так как после слов: ч[то] я зачеркнуто: пишу) ч[то] я не услышу похвал, не буду знать о впечатлении, к[отор]ое произведет написанное. Так что могу писать только перед Богом, с одной мыслью, ч[то] эта моя деятельность хороша, угодна Ему, тому, кто меня послал.

3) Всё яснее и ярче и настоятельнее требует изложения мысль о том, что одна из главных причин бедствий, переживаемых человечеством, это инерция, признание добрыми отжившие формы жизни: церковь, государство, наука. Пахать по всходам, надевать на себя взрослого детскую одежду, разрывать, зашивать, прилаживать ее, а не понять то, что она уже не нужна, ч[то] надо ее бросить, а строить новую.

Как сильно это думал в постели, а теперь забыл, испортил. Теперь 9 часов. Я часа 1 Г проснулся, а уж ослабел. И то хорошо. Даже оч[ень] хорошо. Не притворяясь чувствую благодарную радость жизни.

9 марта 1909.

Вчера не писал сюда, да и вообще не писал. Только продиктовал недурное письмо священнику. Черткову отсрочил по просьбе его матери государь. Он слаб физич[ески], отчасти и духовно -ему жалко и семьи, и дела. Но он знает себя. А это главное. Выписал из дневника, что нужно. Саша выписала. Был вечером Мих. Новиков. Написал о «Новой вере». Оч[ень] много хорошего, но длинно, однообразно. На душе хорошо. Здоровье лучше. Нынче думал с большим раскаянием о письме, к[отор]ое я написал для Андр[ея] Тимирязеву. Надо в приемах жизни выражать свою расценку людей: сострадательное отвращение к П. Столышам и всяким Герш[ельманам] и министрам, и уважение к мужику, и сострадательного уважения к рабочему босяку. И вчера и нынче с большой яркостью и силой пробегают мысли, но не могу сосредоточиться. Попытался комедийку, попытался Д[етскую] М[удрость]. Ни то, ни другое нейдет. Буду ждать. Я уже и так разболтался. Записать нечего.

(Записи 10 и 12 марта, кончая: Да, ужасно! внесены в тетрадь Дневника переписчиком)

10 марта 1909. Я. П.

1) Все бедствия от предания, инерции старины. Кофточка разлезлась по всем швам, так мы из нее выросли, а мы не смеем снять ее и заменить такой, какая впору, и ходим почти голые всё от любви к старине.

2) Тип Попова, крестьянина, пришедшего к своим убеждениям, Сютаева, Федота Дмитриевича, Новикова и многих.

3) Приписывать себе значение можно, только забывая о Боге и о своем отношении к

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Нему. Как бы ты ни был важен и полезен для людей, перед Богом-то что ты? И какая разница между тобою и самым кажущимся тебе ничтожным человеком?

4) Важность, значительность последствий наших поступков нам не дано знать. Доброе слово, сказанное пьяному нищему, может произвести более важные и добрые последствия, чем самое прекрасное сочинение, верно излагающее законы жизни. И потому руководиться в выборе своих поступков нельзя предполагаемыми последствиями, а только нравственным для себя достоинством поступка.

12 марта 09. Я. П.

1) Я забыл почти всё, что было, особенно ближайшее, но что же я меньше «я», меньше сознаю жизнь от того, что я забыл? Напротив: я больше «я», больше сознаю жизнь.

Разве не то же самое случилось со мной, когда я родился?

Я не принес ничего, а только был.

То же самое совершается при смерти.

2) Бдение и сон, необходимые условия жизни, не суть ли указания того, что есть наша жизнь: пробуждение от сна, усталость и засыпание.

То, что мы не можем понимать и всю нашу жизнь до рождения и после смерти иначе, как во времени, не доказывает того, что вся жизнь во времени. Это доказывает только то, что теперь мы не можем понимать жизнь иначе, как во времени.

3) Хорошо бы описать наше устройство жизни, как оно есть, некоторых властвующих над многими посредством обмана мысли: религии, науки, внушения, опьянения, насилия, угроз.

Да, ужасно!

12 марта.

Целый день слаб и нездоров, жар 37,6. И ничего не могу делать. Думал вот что:

1) Религиозное сознание людей не переставая подвигается в смысле уяснения, упрощения, доступности. А между тем люди дорожат и передают друг другу и считают неизменными преимущественно внеш[ие] [формы], кот[орые] не подлежат ни упрощению, ни уяснению, и такими же неизменными считают те основы, к[отор]ые должны и не могут не изменяться.

16 марта.

Как ни совестно признаться, вчера, 15 марта, я ждал чего-то, самого вероятного-смерти. Она не пришла, но здоровье всё плохо, всё жар. Только нынче немного лучше. Ничего не пишу. Оч[ень] много хочется писать: и «Стражника», и Павла, и Старца, и Дет[скую] мудрость.

Записать надо:

1) Довольно одного благословения церковью такого брака, как Андреев, чтобы обличилась вся подлость и лживость церкви.

2) К «Стражнику»: Огромное количество рабочих кладут свой труд на производство предметов роскоши: туалет[ы], мебель, произведения искусства, и всё не успевают занять все руки рабочих. Стоит только стать массе народа в положение хоть небольшого недостатка, и рабочих не хватит, чтобы удовлетворить их потребности – жилья, одежды, пищи, удовольствий!

3) Борьба с половой похотью было бы в сто раз легче, если бы не поэтизирование и самых половых отношений и чувств, влекущих к ним, и брака, как нечто особенно прекрасное и дающее благо (тогда как брак, если не всегда, то из 10000 – 1 раз не портит всей жизни); если бы с детства и в полном возрасте внушалось людям, ч[то] половой акт (стоит только представить себе любимое существо, отдающееся этому акту) есть отвратительный, животный поступок, к[оторый] получает

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
человеческий смысл только при сознании обоих того, ч[то] последствия его влекут
за собой тяжелые и сложные обязанности выращивания и наилучшего воспитания
детей.

4) Мужик думает своим умом о том, о чем ему нужно думать, интеллигент же думает
чужим умом и о том, о чем ему совсем не нужно думать. Но думает мужик так только
до тех пор, пока он дома, в своей среде; как только он приобщился интеллигенции,
так он думает уже совсем чужим умом и говорит чужими словами.

Соня в Москве. Вчера и 3-го дня написал несколько писем – о магометанстве и
другие.

Нынче 20 Мар. 1909.

Несколько дней не писал, чувствовал себя телесно оч[ень] дурно и душевно
подавленным, но не злым, слава Богу. Писал пустые письма и читал. Приехали милые
Поша, Ив[ан] Иванович и Николаев. Нынче чувствую себя так хорошо, как давно не
было. Черт[ков] подавлен, и мне больно и за него и за себя. Всё живее и живее
чувствую потребность писать для grand monde[большого света], и только для него.
Ив[ан] Ив[анович] с своими маленькими книжечками оч[ень] подсушежил это желание.
Нынче всё утро читал легенду о Кришне. И то самое, что (Ударение Толстого) я
отверг, имея в виду наш круг, превосходно для народа: легенда, подобная
Христианской, среди другого, чуждого народа. Мы решили:

- 1) Очерк Индии, ее истории и теперешнего положения,
- 2) Легенда Кришны и 3) Изречения Кришны. Можно потом
- 4) Изречения новейших – Рамакришны и Вивикананды. Потом
- 5) Обзор Китая и 3 религии, 6) Буддизм, 7) Конфуиц[ианство],
- 8) Таосизм, 9) Магомета изречения, 10) Бабизм.

Завтра возвращается Саша и 5 Сухотиных – радость. Вчера были два посетителя:
интеллигент калмык, литератор, возвращающийся к земле, и революционерка – просила
1000 р[убле]й для освобождения брата 15 лет на 12 лет каторги.

21 Мар. 1909.

Нынче слаб, стеснение в груди, и нет непосредственной доброты и благодарности.
Приехала Таня с своими. Оч[ень] приятно. Не могу побороть недоброго чувства.
Когда вспомню, что это материал для работы, тогда лучше. Рад Саше. Вчера так
легко казалось писать художественное для народн[ых] книжечек. А нынче нет охоты,
а потому и силы. Да будет не моя, а твоя воля. Да, нет свободы воли. Хочется
сказать: есть свобода делать зло, но нет свободы делать добро. Зло это моя
работа, добро, к[отор]ое я делаю, не моя, а Его работа. Что же я могу? Могу не
делать зла, не губить то добро, какое есть во мне. (Неясно, а что-то есть.)

Я в таком состоянии, что ничего не могу делать, и мне это неприятно, но это
обман времени. Мне хочется делать что-то во времени. А это не нужно. Это всё
равно, что хотеть делать во время сна. (Опять чепуха, и опять что-то есть.)

Сейчас сидел в унынии за пасьянсами, и вдруг мне стало ясно, ясно до восторга и
умиления то, что нужно бы сделать. Стало мне ясно то, что в существующем зле не
только нельзя обвинять никого, но что именно обвинения-то людей и делают всё
зло. Вспомнил Марк[а] Авр[елия] или Эпиктета (не помню), к[оторый] говорит, что
на делающего зло не только нельзя, не должно сердиться, но его-то и жалеть надо.
А тут сердятся на людей, воспитанных в том, что хозяйственность (как говорит
Тарас) – добродетель, что хорошо наживать, хорошо не промотать отцовское,
дедовское, – сердятся и готовы убивать их за то, что они делают то, ч[то]
считают должным, и мало того: стараются владеть этим как можно безобиднее,
делаю[т] всякие уступки, лишая себя. И их считают врагами, убивают те, к[оторые]
и не подумают сделать этого. Убивают и тех, к[оторые] воспитаны на том, ч[то]
стыдно не занимать в обществе то же положение, к[отор]ое занимают отцы, деда, и
занимают эти места, стараясь смягчить свою власть. И убивают те, к[оторые]
желают власти не менее, [не имея] для этого даже и повода наследственности.
Одним словом, надо и хочется сказать то, что надо войти в положение людей и не

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru судить их по их положению (к[отор]ое образовалось не ими, а по тысячам сложнейших причин), а по их доброте. Т. е. внушить то, что все мы знаем, ч[то] мы все люди, все братья, и нам надо судить себя, а не других. Положение же улучшиться может никак не наказаниями (т. е. мстью, злыми чувствами и делами), а только добротой. Хочется сказать:

То, что живем дурно и в чем эта дурнота, сказано и пересказано и не переставая говорится – нечего повторять это. Надо думать, как исправить. А исправить есть только одно средство – доброта ко всем и строгое суждение к себе – религия добра – любовь, любовь, любовь. E pur si muove [А все-таки она вертится].

22 Марта.

Вчера вечером б[ыл] оч[ень] вял. Нынче тоже не похваюсь. Был кореспонд[ент] Рус[ского] Сл[ова]. О Гоголе написал и дал. Мож[ет] б[ыть], это отвлекло от работы. Ничего не мог писать. Только письма. Был ч[ертков]. На душе б[ыло] оч[ень] хорошо утром и потом, когда читал и отвечал письма, и всё время за исключением того, когда говорил с коресп[ондентом], а это жалко. А как радостно, когда живешь перед Богом. Записать есть много. После.

23 Мар. 1909.

Встал рано. Мало спал и слаб. Думал одно:

Как хорошо говорится: 70 лет живу на этом свете. Живу-то безвременно, а на этом свете столько-то.

Записать:

1) никакие грехи: воровство, блуд, убийство и др. в 1 /100.000 доле не делают того зла, какое делают оправдания хотя бы самой малой слабости.

(Дальнейшее, кончая записью от 21 марта, внесено в тетрадь Дневника переписчиком)

Все ужасы, совершаемые правительствами, и безумия, распространяемые церквями, основаны на таких оправданиях религиозных, патриотических, социалистических.

19 Марта 09 г. я. п.

[1)] Как прост вопрос о земле с точки зрения владельцев ею. Я огораживаю от всех кусок земли и допускаю пользоваться ею только под условием служения мне.

При личном рабстве владелец заставляет известных людей, под угрозой битья, убийства, служить себе; при земельном рабстве владелец заставляет неизвестно кого, каких-то людей, под угрозой голода, даже смерти, служить себе. Как просто! И удивительное дело: сколько веков вообще и сколько десятилетий после уничтожения личного рабства прошло, пока люди начинали сознавать свое положение. И при этом-то всемирном, освященном законом рабстве, называемом священной собственностью, люди хотят устроить какое-то социалистическое благоденствующее государство. Удивительно, как мало человек пользуется своим разумом.

2) Возведение брака в какое-то, с одной стороны, таинство, с другой – в форму высшего блага жизни человеческой есть грубое заблуждение, совершенно подобное тому, какое было бы, если бы приятие пищи возведено было в таинство или в одно из высших благ.

21 Марта, 09 г. я. п.

Прежде всего надо понять, что нет и не может быть никакого подвига, никакого геройства, ничего «великого». Есть только исполнение и неисполнение долга. Всё равно, как если бы конюх, убирая конюшню, пахарь или косец говорили бы о том, какой они сделали подвиг, какое геройство, великое дело совершили вчера, убирая конюшню, или допахивая поле, или докашивая луг.

24 Марта 1909.

Вчера написал длинное воззвание. Кажется, недурно. Хочу продолжать.

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Художественное не идет. И не надо. Были Николаев и Страхов. Оба очень приятны.
На душе хорошо – тихо. Нога не совсем.

26 марта 1909.

Вчера не писал. Здоровье всё хорошо. И душевное состояние. Читал Канта: Религия в пределах только разума. Очень близко мне. Нынче читал то же. Как я счастлив, ч[то] делал то же. Как счастлив, как благодарен. Сейчас перед сном болезненно захотелось молиться Богу, молиться Богу, просить Его помощи, чувствовать, сознать Его, Его помощь, и болезненно я радостно до слез. И молился, и просил и помощи и того, чтобы Он был со мной. И Он был и есть. И сейчас пишу, и до слез радостно.

кто Он? Он тот, то, что я знаю любовью, и общение с Ним есть, и не могу не желать и в форме прошения, моления не могу не выражать этого общения.

Вчера написал плохонькую «Детск[ую] Мудр[ость]». Нынче писал «Революцию сознания» – недурно. Утром б[ыло] особенно хорошо с С[оней], – как радостно. Нехорошо в мыслях с Л. Надо, надо победить. «Так помоги мне. Господи».

27 мар. 1909. Е[сли] б[уду] ж[ив].
[27 марта 1909. я. п.]

жив. Встал оч[ень] рано. Утром ч[ертков] делал портреты. Это не помешало писать. Поправил «Революцию». Всё не знаю, как назвать. Выбрал прекрасные эпитафии. Записать:

1) Жить во времени значит жить в прошедшем и будущем. Из известного прошедшего строить предполагаемое будущее. И какое счастье, когда, как у меня теперь, почти исчезло прошедшее, меньше, но все-таки исчезло и будущее. И ровно насколько исчез интерес к прошедшему (даже всё забыл) и к будущему, настолько увеличился интерес к настоящему, т. е. к настоящей жизни.

2) Я непосредственно сознаю только одну частицу мира – свое тело, но то, чем я сознаю, единое со всем, что живет, т. е. сознает себя. И я посредственно, через свои чувства и разум, сознаю и весь мир.

3) Мотив революционеров едва ли не главный – молодечество, потом тщеславие, потом самообман любви к народу.

Записано кое-что для Революции].

28 мар. 1909. Е[сли] б[уду] ж[ив].
[28 марта 1909. я. п.]

жив. Писал недурно Стар[ое] и Нов[ое]. Записать только одно:

1) Чем старше становишься, тем короче становится прошедшее и будущее, тем сосредоточеннее в настоящем. В смерти полное сосредоточение в (contradiction in adjecto) (противоречие в понятии] безвременном моменте.

Получаю всё хорошие письма. Пишу сейчас в 5-м часу, ложусь спать.

29 и 30 м.

Третьего дня после обеда пересматривал составленное Страховым] изложение. Казалось оч[ень] хорошо. А вчера утром смотрел – и показалось оч[ень] плохо. Вчера писал порядочно С[тарое] и Новое]. Нынче утром тоже. Думал:

1) До сих пор не понимал всей важности работы над своими мыслями. Эта работа происходит почти только в настоящем: сегодня подумал дурно – и сейчас поправился, и ничто не мешает. А как важно! Подумаешь о Л., о Г., о себе, ч[то] я сделаю, и сейчас поправишься; и я вижу, как я этой работой подвигаюсь более, чем всякой другой.

Пришел мальчик очень милый, вегетар[ьянец] и бывший революционер.

Вчера письмо от Граубергера об отказавшемся лойцнере. Сейчас 11 часов, хочется начерно кончить Ст[арое] и Нов[ое]. Помоги, Х. Х – не Христос, а икс, т. е. неведомый, но сознаваемый Бог.

То, что читают и списывают мои дневники, портит мой способ писания дневника. Хочется сказать лучше, яснее, а это не нужно. И не буду. Буду писать, как прежде, не думая о других, как попало.

1 Апр. 1909.

Вчера уехал ч[ертков]. Я хотел ехать проводить, но б[ыл] очень слаб и ничего не писал, начал и бросил. Был в оч[ень] дурном духе, и теперь не похваляюсь. Мучительна мне это безумная (больше, чем безумная, рядом с бедной на деревне) [жизнь], среди к[отор]ой уже сам не знаю как обречен доживать. Если не в чем другом, так в этом сознании неправды я явно пошел вперед. И роскошь мучительна, стыдна, отравляет всё, и тяжелы сыновья своей чуждостью и общей всей семье самоуверенностью исключительной, – то же у дочерей. Хочется сказать про это С[аше], чтоб она поняла, как хорошо быть правой, но как во много раз лучше, радостнее быть виноватым перед собой, и самое лучшее, когда сомневаешься, виноват или нет, и все-таки признаешь себя виноватым.

Третьего дня много писал. Нехорошо, но подвигаюсь. Были мальчики. С ними мне легче всего.

Звонили, и гудел гудок, корда я сидел на балконе. Да, сесі tuera, а tue[Это убьет то, убило].

Еще думал, как губительна, развращает детей гимназия (Вол[одинька] Мил[ютин] – Бога нет), как нельзя преподавать рядом историю, математику и Зак[он] Бож[ий]. Школа неверия. Надо бы преподавание нравственного] учения.

Читал вчера Корн[ея] Вас[ильева] и умилялся.

3 Апр. 1909.

Вчера хорошие письма: Краснова. Отвечал ему и другим. Немного писал. Всё нехорошо. Заглавие – Новая Жизнь. Вечер как-то совестно с картами. Роскошь жизни, объедание все мучает. Нынче опять хорошие письма. Отвечал. И писал Новую] Ж[изнь] немного. Слаб. С[оня] уехала в Москву. Хочется написать в Д[етскую] М[удрость] о наследстве. и ив[ану] ив[ановичу] две книжечки и Павла.

8 Апр. 1909.

Ночью выпал снег. Никак не думал, что так долго не писал. За это время был нездоров, кажется 5-го, ничего не ел полтора суток. И было оч[ень] хорошо. Письма опять хорошие. Ils m'en diront tant [Они мне наговорят столько], ч[то] я точно поверю, ч[то] я оч[ень] важный человек. Нет, не надуют. Они надувают, да я пока еще выпускаю дух. Вчера да и 3-го дня порядочно писал Новую Ж[изнь]. Но всё это старое, старое, только забытое и другими людьми, и мною. Вчера занимался тоже Конфуцием. Кажется, можно написать. Приятно было вчера или 3-го дня в то время, как я как раз думал о том, как я счастлив, сказать пришедшей здороваться С[о]н[е], что я счастлив, и причина этого и она. Много, кажется, нужно записать и одно главное, ч[то] подчеркну.

1) Много читал о древней китайской и индус[ской] религии, и как ясно стало их преимущество о том, ч[то] у них насилие есть религиозное начало, нужное для благоустроенной жизни, у нас же, у христиан (будучи противным исповедуемой нами религии), есть только грех и прелесть греха насилия, власти.

2) Да, Б[ог] дышит нашими (всеми отдельными существами) жизнями. Что Он делает через нас? мы не знаем и не можем знать. Одно мы знаем, что в этом наша жизнь, и когда мы знаем это, то и нам хорошо, и легко делается, как по маслу, и наше и Его дело.

3) Выбора нет людям нашего времени: или наверное гибнуть, продолжая настоящую жизнь, или de fond en comble [сверху донизу]изменить ее.

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
4) Всё растёт и вырастая изменяется. Неужели неизменно одно то, на основании чего живет человечество?

5) Приучать себя думать о себе, как о постороннем; а жалеть о других, как о себе.

6) Да, подчиняться и ставить выше всех других может и должен человек только одному закону: тому, к[отор]ый свойствен всем людям и в исполнении к[отор]ого все люди находят свое благо.

7) Человек и родится, и живет, и умирает один, и сам же, один же получает награду – не в каком-либо неизвестном, а в этом мире за добрую и наказание за дурную жизнь. Зак[оны] Ману.

8) И теперь самое для меня дорогое, важное, радостное; а именно:

Как хорошо, нужно, пользительно, при сознании всех появляющихся желаний, спрашивать себя: чье это желание: Толстого или мое. Толстой хочет осудить, думать недоброе об NN (Так в подлиннике), а я (Слово я подчеркнуто дважды) не хочу. И если только я вспомнил это, вспомнил, что Толстой не я, то вопрос решается бесповоротно. Толстой боится болезни, осуждения, и сотни и тысячи мелочей, к[отор]ые так или иначе действуют на него. Только стоит спросить себя: а я что? И всё кончено, и Толстой молчит. Тебе, Толстому, хочется или не хочется того или этого – это твое дело. Исполнить же то, чего ты хочешь, признать справедливость, законность твоих желаний, это – мое дело. И ты ведь знаешь, что ты и должен и не можешь не слушаться меня, и что в послушании мне твое благо.

Не знаю, как это покажется другим, но на меня это ясное разделение себя на Толстого и на Я удивительно радостно и плодотворно для добра действует.

Нынче ничего не писал. Только перечитывал Конфуция.

11 Апреля.

Два дня не писал. Здоровье нехорошо. На душе уже не так хорошо, как было. Толстой забирает силу надо мной. Да врет он. Я, Я, только и есть Я, а он, Толстой, мечта и гадкая и глупая. Холод, снег. Письма хорошие вчера. Так радостно! Отвечал кое-какие. Всё не могу, как хочется, ответить Булгакову. Постараюсь написать нынче. С дочерьми – хорошо. С Николаевым поправлял Кришну. Сегодня хотел и хочу заняться китайцами, – Конфуцием. Записано только одно:

1) Сознание божественности своей души – это разумная (метафиз[ическая]) основа жизни. Любовь – это проявление в жизни этого сознания своей божественности (религиозная основа жизни). Воздержание от страстей, грехов, соблазнов, препятствующих проявлению любви, – это добрая жизнь (нравственная основа).

12, 13 Апр.

Вчера писал несколько писем, нездоровится. Разделение менее ясно и радостно, но есть. Как всегда, движение оставляет след, и след чувствительный. Писал статью и вчера, и сегодня. И не дурно. Подвигается. Хочется Д[етскую] Мудрость]. Хороший вчера б[ыл] разговор о воспитании. Нынче я оч[ень] не в духе. Всё раздражает. Держусь, и слава Богу, деление помогает.

14 Апреля 1909.

Всё нехорошо себя чувствую телесно. Душевно не могу жаловаться. Вчера, несмотря на дурное расположение духа, б[ыл] лучше, чем третьего дня. Разделение чувствовал. Нынче проснулся в 5 и не мог спать; занялся статьей, и кажется, недурно. Записать надо, кажется, уже записанное:

1) Основа всего – моя отделенность, сознание моей отделенности. Сознание же отделенности есть сознание себя отделенным и того, от чего отделен. Из отделенности моей вытекает, первое, мое представление о веществе, составляющем меня, и того, от чего я отделен, и, следовательно, о пространстве, в к[отор]ом оно проявляется, и второе – мое представление о движении, т. е. изменении отношений отделенного от того, от чего оно отделено, и, следовательно, о последовательности этих изменений, о времени. (Кажется, хорошо.)

15 Ап. 1909.

Всё так же слаб, возбужден и раздражен. Не могу работать, но думается хорошо, и я большей частью сознаю отдельно.

Чувствую и умиление – плакать и благодарить хочется, и с трудом удерживаюсь от раздражения. Всё дела[л] пасьянсы. И хорошо. Зачем писать. Уж и так много лишнего написано. Читал вчера о полов[ом] вопросе. Всё сказано. Ч[ертков] те мапши [мне недостает.] А то, ч[то] он пишет Столыпину], меня оскорбляет за него.

1) Да, три сорта людей: воры, нищие и работники. Я к первым; мы, воры, неприятны, но хуже их нищие – просители: кому денег, кому совет, кому место, кого спастись. Да, vivre et laisser vivre [жить и давать жить.]. Эгоизм самое дурное чувство и самое хорошее, когда эгоист тем, что никого, кроме себя (и Бога), не нужно и просить никого ни о чем не нужно.

2) «Чем хуже, тем лучше». Это так: лучше для того, кто живет для души (как хорошо, ясно, просто это выражение!). Худое – это только матерьял и поощрение работы для души. А эта работа лучшее благо.

Вчера не писал, нынче 17 Ап. 1909.

Оч[ень] б[ыл] слаб вчера и раздражителен. Держался кое-как. Просители и личные и письменные раздражали. Дело это надо обдумать. Был Николаев, милый, всегда добрый, всегда серьезный. Вчера прекрасное письмо от отказавшегося. И я говорил Мише о солдатстве – безнадежно. Ездил к Гале, она расплакалась. Добрая, умная. Ничего не работал. Одну главку в статье. Кажется, вся статья –напрасно. С[а]ш[а] огорчительна своей раздражительностью. Нынче пер вый день спал достаточно и бодрее.

1) К заповедям: но убий, не укради, не прелюбод[ействуй], надо прибавить: не проси.

2) Чем нелепее вера, тем она упорнее, тверже: вера в искупление, бессмертн[ики], малеванцы; чем разумнее, тем подвижнее, не упористее: всегда уясняется, проверяется.

3) Всё живое, настоящее растет незаметным ростом, и также истинная вера в душе одного человека и всех.

Утром встал бодро, писал письма и статью, слабо. Статью, кажется, брошу. Общее состояние дурное. Сердце слабо, и тоскливое, недоброе настроение. Получил письмо о Петражицком и о «право». Хочется написать. В общем же, как ни стыдно признаться, хочется умереть.

18 Ап. 1909.

Нынче лучше себя чувствую. Писал письмо [о] Петражицк[ом] и педагогическое. Ничего больше не делал. Отделение чувствую.

1) Да, Толстой хочет быть правым, а я хочу, напротив, чтобы меня осуждали, а я бы перед собой знал, ч[то] я прав.

19 Апр.

Только встал и чувствую себя, как и вчера, довольно бодрым. Видел во сне, что кто-то передает мне письмо или молитву Оптинского старца (забыл, как зовут) – старца учителя, я читаю и восхищен этим писанием. Там много всего прекрасного, спокойного, старчески мудрого, любовного, но я всё забыл, кроме одного, особенно тронувшего меня: то, что он никого ни учить не может, ни советовать поступить так или иначе. Учить не может, во 1-х, п[отому], ч[то] не считает себя выше и умнее кого бы то ни было, во 2-х, п[отому], ч[то] все, что нужно знать человеку, сказано и в откровении (так говорит старец), и в сердце каждого. Советовать же не может сделать то или другое п[отому], ч[то] никто не знает и не может знать, какое положение, какой поступок, тот или другой, даст большее внешнее, телесное благо. Всякое положение, всякий поступок по отношению к внешнему благу и к

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru возможности внутреннего истинного блага – безразличны. Только бы мне самому всегда поступать по воле Бога! Всё это так плохо размазано, записано здесь, а во сне это было удивительно на У печатной странички. Особенно тронула меня вера в то, ч[то] всё, ч[то] совершается во внешнем мире, безразлично для нас, п[отому] ч[то] наверное хорошо – благо для всех и всего, и ч[то] надо оставить заботу об этом, предоставив всё Ему, и тем больше направить все свои силы на то одно, ч[то] в нашей власти, – на исполнение в себе Его воли, – воли, состоящей в совершенствовании в любви. Сила, жизнь есть, требует приложения. Чем больше прилагаешь ее на внешнее, тем меньше остается ее для внутреннего, и наоборот. – Это совершенно подобно (хотя и неверно в отношении размеров) – подобно положению рабочего на огромном заводе. Рабочий приставлен к оч[ень] маленькому, вполне доступному его силам делу: вертеть, качать, цеплять что-нибудь, и он знает, ч[то] чем точнее он будет исполнять то, к чему он приставлен, тем лучше ему самому будет и тем лучше пойдет всё дело непонятного ему во всем устройстве завода. И точно так же, как ошибочно и губительно для себя будет поступать рабочий, если, отвлекаясь от назначенного дела или вовсе оставляя его, будет заниматься общими, не предоставленными ему делами завода, будет учить, поправлять других рабочих в виду наилучшего хода всего завода, устройства к[отор]ого он не знает и не может знать, – точно так же, как губительно (только для себя будет поступать такой рабочий, п[отому] ч[то] у хозяина рабочих без конца, и неработающий будет заменен работающим, ход же завода обеспечен), – точно так же поступает и человек, оставляя то дело внутреннего усовершенствования и проявления его в любви, к к[оторому] он приставлен, и отдавая свои силы на содействие тому делу, к[оторое] вне его власти и хода к[отор]ого он не знает и не может знать.

Что-то надо б[ыло] записать и оч[ень], казалось, хорошее, а теперь забыл. Вспомнил, вот что:

2) Если человек ясно только поймет, в чем его дело, и то, что не (Слово: не в подлиннике подчеркнуто дважды) его дело, то для такого человека будут совершенно одинаковой ценности поступки: поступок, к[отор]ый спасет от смерти тысячу человек, и поступок, состоящий только в том, ч[то] человек удержится от злого, осудительного, обличительного слова против человека, обидевшего его. Последствия того и другого поступка и всех наших поступков недоступны, непонятны нам; добрый же, нравственный поступок, если он вполне нравственный, добрый, не имеет никаких других побуждений, кроме добра, не может быть ни больше, ни меньше, все такие поступки равны.

Два мои дела одинаково мучают меня: отказ Жаровой в семенах и проявление тщеславия при показывании карточки с картиной обо мне.

20 Апр.

Сейчас вышел на балкон, и осаждали просители, и не мог удержать доброго ко всем чувства. Вчера поразительные слова Сергея: «Я, говорит, чувствую и знаю, ч[то] у меня такая теперь сила рассудительности, ч[то] я могу всё верно обсудить, решить.... Хорошо бы было, если бы я к своей жизни прилагал эту силу рассудительности»), добавил он с удивительной наивностью. Во всей семье – мужской особенно – самоуверенность, не знающая пределов. Но у него, кажется, больше всех. От этого неисправимая ограниченность. Нарочно пишу, чтобы после моей смерти он прочел. А сказать нельзя. Вчера же получилось в Ру[ссских] Ведомостях] письмо к Инд[усу]. Я прочел, с волнением переживая те мысли; и тотчас вслед за нею воспоминания актера Ленского. Не мог не расхохотаться. Так резко контраст. Ездил верхом. Был француз – приятный. Черткова письмо умно, хорошо, но лучше бы не писать. Написал вчера утром о Вехах и письме крестьянина. Нездоровится, голова болит. Хотелось писать вчера. Начал о труде в Детскую М[удрость].

23 Апр.

Два дня не писал. Вчера 22-е. Вечером б[ыл] Никол[аев], читал Кришну. Ездил с М[ихаилом] Сергеевичем] и Таней к милой Гале. Утром читал М[ихаилу] Сергеевичу] о воспитании и поправлял. 3-го дня вечером б[ыл] Страхов, рассказывал об Орлове, играл с девочк[ами]. Утром поправлял о Вехах. О Вехах, кажется, ненужно. Недобро. Оч[ень] тронуло записанное в Кр[уге] Чт[ения] о том, ч[то] с людьми нельзя иначе обращаться, как с любовью. До сих пор не забывал этого, вспоминая при общении, и оч[ень] хорошо. Разделение себя слабее чувствую. Но чувствую

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru иногда. Всё радостные письма. Нынче оч[ень] нездоровится. Всё утро ничего не делал. Читал Вехи. Удивительный язык. Надо самому бояться этого. Не русские, выдуманные слова, означающие подразумеваемые новые оттенки мысли, неясные, искусственные, условные и ненужные. Могут быть нужны эти слова только, когда речь идет о ненужном. Слова эти употребляются и имеют смысл только при большом желании читателя догадаться и должны бы сопровождаться всегда прибавлением: «ведь ты понимаешь, мы с тобой понимаем это».

Странное дело, рассказы Страхова вызвали во мне желание художеств[енной] работы; но желание настоящее, не такое, как прежде – с определ[енной] целью, а без всякой цели, или, скорее, с целью невидной, недоступной мне: заглянуть в душу людскую. И оч[ень] хочется. Слаб.

24 Апр. Е[сли] б[уду] ж[ив].
Нынче 26 Ап.

Третьего [дня] начал писать (Зачеркнуто: расс[каз]) художественное и много написал, но не хорошо и не переписывал. Но не разочаровался и хочу и знаю, как исправить. Вчера поправил Право. Думал, что кончил, но нынче поправил гораздо лучше. Поправил тоже об образовании. Теперь лучше гораздо. Читал вчера Лозинск[ого]. Оч[ень] хорошо отрицание, хотя натянуто, но заключение оч[ень] плохо. Записать можно и нужно только одно:

1) Горький пишет об индивидуализме. Этим словом на интеллигентном жаргоне называется жизнь личности. И им кажется, ч[то] они открыли что-то новое, когда пришли к тому, что «индивид[уализм]» нехорошо, а хорошо социализм, коммуна, народ et tout le tremblement [со всем блеском и треском.]. Им и в голову не приходит то, ч[то] в противоположении личности, отделенного «я» от Всего Сознании этого Всего (Бога) вместе с «я», ч[то] в этом вся суть и тайна жизни, тысячи лет тому назад сознанный людьми, но только с той разницей, ч[то] они противуполагают личность какому-нибудь собранию людей, а в действительности она противуполагается Всеми, т. е. Богу и всему человечеству, всему живущему, всему.

Душан нашел у меня гангрену на пятках ног. И хорошо, оч[ень] хорошо. От Ч[ерткова] письмо, и ему письмецо написал. Сейчас еду к Гале.

27 Апр. 1909.

Нынче могу написать со смыслом: «если буду жив», п[отому] ч[то] чувствую себя слабо очень, спал 10 часов прекрасно, но чувствую близость не смерти – (смерть скверное, испорченное слово, с к[оторым] соединено что-то страшное, а страшного ничего нет) – а чувствую близость перехода, важного, и хорошего перехода, перемены. Хотел сказать: перейду к Богу; и это не верно. Если бы во мне не б[ыло] Бога, то я мог бы сказать: пойду к Богу, а как же я пойду к самому себе. – Чтобы точно выразиться, надо сказать, ч[то] я перестану быть человеком. И в этом нет ничего ни дурного, ни хорошего, а только то, ч[то] должно быть, как нет ничего ни дурного, ни хорошего, ч[то] я б[ыл] Левочка, а теперь стал отходящий (отходящий лучше) старик. Такое состояние близости к перемене оч[ень], смело скажу, радостно. Так ясно видишь, ч[то] нужно делать, чего не нужно. О Вехах совсем пуст[ое]. О праве ничего, и о Воспитании можно. Художественное и да и нет. А о революции оч[ень], оч[ень] нужно. Ну, прощай, до завтра, е[сли] б[уду] ж[ив].

28 Апр. 1909.

Вчера целый день не ел и б[ыл] оч[ень] слаб, но духовно оч[ень] хорошо. Поправил о праве, вписал кое-что. Нынче спал тоже хорошо и просыпаясь думал хорошо. Вчера б[ыл] славный мальчик малорос. Также письма хорошие. Записать кажущееся мне важным:

1) Для своего блага (истинного) и для служения людям (исполнения своего назначения в мире) нужно два свойства: 1) довольство всеми теми внешними условиями, в к[оторых] живешь, и [2)] всегдашнее недовольство своим душевным состоянием. – Ничего не делать для изменения своего внешнего состояния и все силы направлять, сосредоточивать на улучшение своей души. Большинство же людей делают обратное: всегда довольны своей душой, и всегда недовольны своим положением – стараются улучшить его, этим самым еще больше вреда душе. – Это

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
оч[ень] важно в особенности п[отому], ч[то] (забыл). (Вспомнил.) Для своего
блага это важно тем – и это главное – [то] (далее подлиннике следуют, слова:
ч[то] то, которые следует считать незачеркнутыми по ошибке.) при довольстве
внешнем и недовольстве внутреннем всё, на что направлены силы, в моей власти;
при обратном же то, на что направлены силы, вне моей власти.

Был американец мало интересный, уехал милый М[ихаил] С[ергеевич]. Соня ездила
Москву и сейчас вернулась.

2) Забота о мнении людей, о славе людской скрывает – не скрывает, а уменьшает,
ослабляет радость исполнения доброго, хорошего только для удовлетворения
требований своего духовного «я» (воли Бога).

3) Не знают ни Бога, ни богов, знают один нравственный закон (как они его
понимают), и насколько они нравственно, т. е. весь народ, выше наших христиан.

Сейчас 6-й час, мне лучше.

29 Ап.

Опять спал оч[ень] хорошо и для 80 л[ет] оч[ень] здоров. На душе хорошо. Вчера
хороший разговор с М[арьей] Александровной. Какая невидная нам работа идет в
душах людей (там, где она идет). – Черт[ков] вызывает Таню в Петербург. Я рад за
Таню, о последствиях не думаю. Добрые письма.

1) Как странно, что не хочется видеть увядание тела: выпадение волос, сыпь на
ухе, морщины, мозоли... Отчего же радовался на возрастание, укрепление тела,
мать так радуется при своем ослаблении от беременности, рождающийся кричит от
боли и радости, а я, старик, не радуюсь признакам приближения к новой жизни?
Дурная привычка. Давно пора откинуть ее и радоваться признакам приближения к...
смерти не хочется сказать, к новой жизни? – не имею права, – приближения к тому,
ч[то] так же естественно и должно быть и хорошо, как возмужание.

30 Апр.

Мало спал, но здоров. Вчера, кажется, совсем кончил о воспитании. Нынче утром
еще поправил по совету Гусева. Вчера в середине дня б[ыло] состояние умиления до
слез, радости сознания жизни, как части – проявления божества и благодарности
Кому-то, Чему-то великому, недоступному, благому, но сознаваемому. Вчера же Соня
говорила мне, огорчаясь, о том, как в дневниках моих она видит мое недовольство
ею. Я жалею об этом, и она права, что я in the long run [в конце концов] б[ыл]
счастлив с нею. Не говоря уже о том, ч[то] всё хорошо. Хорошо и то, ч[то] я
жалею, что огорчал ее. Она просила написать о вымарках в дневнике, ч[то] они
сделаны мною. Оч[ень] рад сделать это.

Пока записать нечего. Нешто то, ч[то] оч[ень] хорошо, радостно на душе.

1 Мая.

Вчера приехал Пастерн[ак] с женой и Могилевск[ий]. Могилев[ский] превосходно
играл. Я плакал не переставая. Утром отдал статью, кажется, недурно. Ездил к
Гале. Всё так же с ней хорошо. Проснувшись, узнал, ч[то] Андр[ей] с женой
встретились с Ольгой. Женщины были даже милы, добры, дружелюбны друг к другу, но
Андр[ей] ужасен. Доволен, как медн[ый] грош. Ничем, не пробиваемое
самодовольство. Поразительно то, ч[то] две хорошие женщины не могут поделить
между собой... Знаю, ч[то] дурно это и писать и думать, но не могу. Мож[ет]
б[ыть], когда-нибудь прочтет это и почувет свою вонь.

Чудная погода, спал мало. – Да, забыл то, что вчера пришел Молочников. Оч[ень]
рады ему. Но записал самое, самое вчерашнее главное: это то, ч[то] уехала милая
Т[аня]. С умилением провожал и с радостной любовью и умилением думаю о ней.

2 Мая.

Вчера почти не работал. Статью подписал. Чувствовал себя хорошо, но не мог
работать. Ездил к Ч[ертковым], б[ыл] у милых Николаевых. Вечером приехал
Сер[ежа] и пришел Николаев с Молочн[иковым]. Хорошо. Саша не хороша. И я не
хорош. Не говорю с ней серьезно. Спал мало. Хочется работать. Надо б[ыло]

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
записать что-то хорошее – забыл.

3 Мая.

Много работал над статьей. Оч[ень] подвинулся. Кажется, не дурно. Написал разговор Д[етской] М[удрости]. Тяжело, т. е. я дурно себя веду с обоими С., не любящими друг друга именно потому, ч[то] оч[ень] похожи друг на друга. Надо тем мягче быть, чем они жестче. Пришли Мол[очников], Стр[ахов], обоим рад, но усталый вошел от работы и напрасно не сказал им. Ездил приятно верхом. М[арья] Ал[ександровна], Оля с детьми. Вечер читал и разговаривал. Опять б[ыло] тяжело. И с Саш[ей] на балконе поговорил. Боюсь, что она непроницаема... еще. Записать в ответ на вопрос Мол[очникова].

1) Мы не можем понимать иначе нашу жизнь здесь, как в пространстве и времени. Но сознавать мы нашу настоящую жизнь не можем иначе, как вне пространства и времени, всегда в моменте настоящего. И потому, говоря о жизни вне условий этой жизни, о жизни «до» рождения и «после» смерти, мы не можем, не должны приписывать ей условий пространства и времени, говорить, где будет жизнь. – Мы знаем только то, ч[то] жизнь и до рождения была и после смерти будет не такая, какая она есть теперь, т. е. не была а не будет пространственной и временной. Какая же она будет? не знаем, не можем знать.

4 Мая 1909.

Вчера порядочно поработал над статьей и Вехи. Не совсем дурно. – Ел лишнее – стыдно. И весь вечер изжога. Приехала Таня милая. Дело плохо. Но духовное всё хорошо. В письмах ничего особенного. Сейчас приехал нарочно из Харьк[ова] крестьянин. Весь переродившийся. Такая радость. Не мог без слез слушать. Чувствую себя оч[ень] слабым. Мало спал. Записать нечего. – Пока. Жалко Ч[ерткова] очень. Мол[очников] уехал. Я вижу, он производит на моих близких не привлекающее впечатление. Я это понимаю, но не разделяю. Одно боюсь – слишком быстрого движения и потом назад. А умен очень.

5 Мая.

Вчера плохо работал. Даже ничего. Готовил для Ив[ана] Ив[ановича] Конфуция и Лаотце. Неопределенно. Ездил с Дунканом к М[арье] А[лександровне] хорошо. Спал. Приехал серб оч[ень] приятный. Целый день был не в духе. Боролся. Всё не умею быть – не казаться, а быть любовным ко всем. Хорошие письма. Тоскливое состояние – недовольство – очевидно внутреннее, п[отому] ч[то] во сне то же самое состояние – во сне всё чего-то не выходит. Оч[ень] значительно было для меня чтение Лаотце. Даже как раз гадкое чувство, прямо противоположное Лаотце: гордость, желание быть Лаотце. А он как хорошо говорит: высшее духовное состояние всегда соединяется с самым полным смирением.

Сейчас вышел на террасу. 9 человек просителей, нищих, самых несчастных, и Курносенкова. И сейчас же не выдержал доброты со всеми. Пора, кажется бы, выучиться, а всё плохо подвигаюсь, не то ч[то] выучиться. Когда проснулся в постели, так хотелось писать, а теперь ничего уж не хочется, кроме пасьянса. А должно быть, это-то и хорошо. Ну и довольно. Записать нечего.

Нынче, 5 Мая, в первый раз испытал радостное новое состояние, а именно: Подумал о том, что будет мне за то, ч[то] я буду жить хорошо, любовно, какие последствия для меня будет иметь эта жизнь? И вдруг ясна стала нелепость этого вопроса: какая награда мне будет за то, что я сольюсь с Богом, буду жить Богом? Какая награда мне будет за то, что я поем, когда голоден? Какие последствия будут от того, ч[то] я вступлю в то высшее состояние? Последствие то, ч[то] я найду себя. Хочется спать, и потому не хорошо выразил, а пережил сильно. – Пишу вечером, 12-й час. Записать оч[ень] мне показавшееся важным:

1) Самое лучшее и самое худшее – себялюбие, эгоизм. Вопрос только в том: кто тот, кого я люблю больше всего? Если телесный я – дурно, если духовный я, то самое лучшее, что может быть. И этот-то духовный эгоизм я нынче в первый раз на деле в жизни почувствовал, и почувствовал всё благо этого. Началось с неприятного чувства от нищих просителей. «Да ведь это твоя работа, твой матерьял для работы – любить нелюбящих, неприятных». И сейчас исчезло всё неприятное, тяжелое. И благодаря этому применению применял несколько раз сегодня в общении с людьми, в всегда с успехом. И оч[ень], оч[ень] хорошо. Только бы продолжилось.

6 Мая.

Вчера поправлял Вехи и половину статьи – не хор[ошо] и не дур[но] средне. И потом вдруг то радостное чувство, к[оторое] записал вчера. Главн[ое] – радость в сознании на опыте возможности жить только перед Богом. Я пишу: только п[отому], ч[то] Бог не допускает посторонних лиц, а только tete a tete* [один на один.]. Two is company, teree is none [Где двое, там третий лишний.].

Как только чувствуешь его судьей – нет и не может быть мысли о суждении людей.

Погода дождливая. Не ездил. И весь вечер провел хорошо. Письма больше от женщин и от Балаш[ова], на к[оторые] надо ответить. Сейчас проводил Таничек. Очень она мне дорога старшая и мила младшая.

7 Мая.

Поправлял статью и отложу. Всё нехорошо. Тоже и Вехи плохо. Приехал Семеновс[кий] офицер – как бы действовавший противоположно Семеуовцам. Дай Бог, чтоб б[ыла] правда. С ним говорил хорошо. Ездил к Гале и Оле. Как всегда, хорошо. И она, Г[аля], несет хорошо спую долю.

Дома Успенский, вечером письма и (Зачеркнуто: бра[нная]) недобрая брошюрка Восторгова. И я вот потерял свое отношение к Богу и огорчился суждением людей. А стоило только вспомнить, чей один мне важен суд, и как всё легко – не то что легко стало, а всё исчезло. Нынче утром, сейчас так понял. Помоги, помоги – кто? Кто бы там не был, но знаю, что есть кто-то, кто может помочь. И прошу Его, и Он помогает, помогает. Вечер провел с Николаевым и Успенским нехорошо. Помнил больше о них, о их суждении, а не о Его. – Читал им напрасно о Вехах и письмо. С С[оней] всё не говорил. Спал хорошо, но мало. Не знаю сам, ч[то] б[уду] делать. Да, читал милый дневник Гагиной. Записать:

1) Мы, я, только говорим о том, что в нас, в каждом человеке живет, проявляется Бог. Но ведь это не слова, это несомненнейшая истина. Так надо и жить по пей. А что значит жить по ней, по той истине, по к[оторой] Бог в каждом человеке? Значит то, что при встрече, при общении с человеком помнить, ч[то] я имею дело с проявлением Бога, т. е. при всяком общении с человеком быть в торжественно набожном, молитвенном настроении. Молитва это молитва, вызывание в себе высшего духовного состояния, памятование о своей духовности. Общение с человеком – это таинство общения с Богом, причащение. Ах, если бы всегда помнить это! А можно. И буду пытаться.

Приехал ив[ан] ив[анович]. Сейчас буду беседовать с ним.

Особенно дурного ничего не б[ыло]. Занимался статьей и Вехами. Dans le doute abstiens toi (В сомнении воздерживайся.). Вехи бросаю. Ездил верхом с Душ[аном] хорошо. Кажется, не нарушал или оч[ень] мало таинство любви. Немного только с С[оней] по случаю чтения Купр[ина] Ямы. Есть движение. И то хорошо. Чувствую себя слабым. Хочется написать о том, в чем истинное христианство и почему церковн[ая] вера извращает его, уничтожает всё это значение для жизни. Хочется и Н[ет] в М[ире] в[иноватых] писать. Холод. С[аша] уехала во Мценск. Много суетливой работы я набрал, надо освобождаться и делать то, что нужнее перед Богом. Врем[ени] уж остается мало.

Вчера читал брошюру Восторгова – брань меня. Не могу сказать, как тот мудрец, что хорошо, что он еще не всё знает мое дурное, но б[ыло] больно сначала, а потом, как только вспомнил, ч[то] это матерьял работы, мой экзамен, ч[то] мне нужно только перед Ним быть или приближаться к тому, чем Он хочет, чтоб я б[ыл]. И тотчас не только прошло тяжелое чувство, но заменилось радостным. Как бы передать это людям? Боюсь ошибиться в свою пользу, но кажется, чувствую перемену отношения к людям от памятования о сущности закона жизни – любви. Вчера на езде верхом рассердился на лошадь за ее пугливость и стал мстить и дергать ей рот. И вспомнил, что и в лошади тот же дух жизни, и ч[то] и с ней надо обращаться религиозно, любовно, и тотчас изменилось отношение. То б[ыло]: я тебе испугаюсь – и хлыст; а то: ну, милая, не бось. И это отношение к животным оч[ень] важно. Оно лучше, легче всего подготавливает к такому же любовному отношению к людям: люди лгут, тщеславятся, язвят нарочно, главное, лжемудрствуют, и с ними труднее удержаться. А привыкнешь к животным – легче будет с людьми.

Работать ничего не хочется, и потому не буду, но на душе оч[ень], оч[ень] хорошо. Теперь скоро 12.

9 Мая.

Проснулся оч[ень] рано. На душе хорошо. Вчера. Поправлял статью (нехорошо, особенно конец). Проводил милых Ив[ана] Ив[ановича] и М[арью] А[лексапдровну]. Был крестьянин баптист, проситель. Держался. Ездил далеко верхом с Душаном. Вечером читал статью и Купр[ина]. Оч[ень] плохо, грубо, ненужно грязно. Идет снег и вчера и нынче. С[аша] с Варварой] М[ихайловной] уехали. Записать две:

1) Смотрю на весеннее выступление жизни – силы жизни одной и той же во всем: и в траве, и в почках деревьев, и в цветках, и в насекомых, и птицах. И подумал, ч[то] мы, люди, имеем свойство, отчасти подчиняясь этой силе, сознавать ее в себе. (Не могу ясно выразить.) И другого не помню.

Вспомнил, ч[то] надо записать – именно:

2) Живо представил себе повесть или драму, в к[оторой] нет злых, дурных, все добрые для себя и все невиноватые. Как бы было хорошо и как ярко выступила [бы] из-за этой доброты, невинности людей недоброта и виновность устройства жизни.

Не знаю, приведет ли Б[ог] сделать это, а оч[ень] бы хотелось.

Нынче кончил все текущие дела, письма и поправил о «Вехах», но брошу (Слова: но брошу приписаны, карандашом.).

10, 11 Мая.

Вчера не записал. Третьего дня не помню. Вспомнил: писал о любви (Это предложение вписано над строкой). Ничего ни особенно дурного, ни хорошего не делал. Ездил к Гале. Ч[ерткову] грубый отказ. Почувствовал гнев – зло к Столыпину, но, слава Б[огу], удержался и перешло в искреннюю жалость. Вечером прекрасный разговор с Николаевой. Б[ыл] Трегубов.

Вчера встал оч[ень] рано. Написал пустяк Трег[убову].

Но думал оч[ень], оч[ень] важное.

Во 1-х, то, что надо написать письмо, к[оторое] С[аша] пересдаст, в к[отором] просить о том, чтобы подумала о своей душе, об истинной жизни; во 2-х, о том, чтобы не давать дневника и не писать для издания при жизни. Исключение делаю теперь для того, ч[то] пишу о любви. Это нужно. Ошибаюсь я или нет, но это огромной важности. Письмо от Молочн[икова] с письмом от Александра. Ездил в Овсянник[ово]. Оч[ень] приятны все Горб[уновы] и М[арья] А[лександровна] – нечего говорить. Приехала Зося. Оч[ень] и легкомысл[енна] и самоуверенна. Вечером б[ыл] оч[ень] слаб, но здоровье хорошо. Нынче встал поздно. Прохожий молод[он] человек, я с ним по-человечески обратился, и так радостно. Как мы gaite de soeur [с легким сердцем] лишаем себя лучших радостей любви. Записать:

1) Человечество и каждый человек переходит от одной поры (saison) к другой, следующей, от зимы к весне, сначала ручьи, верба, трава, береза и дуб пробрался, а вот цветы, а вот и плод. Как будто чувствую и в себе, и в человечестве созриван[ие] плода.

2) Сержусь, досажаю на нищего просителя, а только бы помнить, ч[то] это оселок для точения, повод для укрепления привычки любви. (Сейчас б[ыл] такой, и я не вспомнил.) (А часто, к радости, среди разговора вспоминаю и дергаюсь.)

3) Самоотречение?! Разве можно отречься от себя, когда «я»-только я телесное. Самоотреч[ение] есть отречение от того, ч[то] я ошибочно считаю собою. Самоотречение есть признание своей божественности, вечности.

4) (В оригинале ошибочно помечено цифрой 3, после чего и все дальнейшие записи этого числа помечены на единицу меньше, чем следовало) Умиравшему приводят священника. Он умоляет, чтобы его не заставляли на пороге смерти осуждать, обличать обманы церкви.

5) Пишет жене: Прости меня. Я же простил тебе, но не могу не сказать хоть из-за гроба того, чего не решался сказать живой, чтобы не раздражить, и потому не успеть и даже навсегда не успеть помочь тебе, не решался сказать, ч[то] ты живешь дурно, для себя дурно, мучая себя и других и лишая себя лучшего блага - любви. А ты способна – и оч[ень] –ко всему самому лучшему. Я много раз видел эти зародыши в тебе. Помоги себе, милая. Только начни – и увидишь как ты сама, твое лучшее, истинное я поможет тебе.

6) Всё дело в том, чего человек хочет достигнуть – в чем его идеал: хочет он богатства, почестей, славы, удовольствий – будет одна жизнь; хочет любви своей ко всем людям – будет совсем другая. Всё в идеале. Хочет человек богатства, почестей, славы, удовольствий – и будет он обдумывать, как отобрать побольше от других себе, как бы поменьше расходовать, давать другим; хочет почестей – будет потакать, услуживать, покоряться – тем, кто во власти, будет горд, будет отделяться от людей, будет презирать тех, кто не нуж[ны] ему для успеха. Хочет славы – будет всем жертвовать, и чужой и своей жизнью, для успеха. Хочет удовольствий – будет придумывать средства увеличения наслаждений, переменяя и придумывая наиболее сильные. Если же хочет человек любви своей ко всем людям, то будет он, когда дела один сам с собою, вспоминать о том, как он в прежней жизни, вчера, нынче, не соблюл любви с человеком, как сделал, сказал, подумал недоброе, нелюбовное, и будет думать, что помешало ему в этом: какие пороки, соблазны, привычки, и будет думать о том, как избавиться от них. Когда же на людях, будет стараться помнить, что одно нужно для исполнения воли Пославшего и для его истинного блага, нужна только любовь к людям, и, помня это, будет обходиться с каждым чело[век]ом одинаково, как с братом, стараясь не только о том, чтоб не сделать ему вред (один из самых больших – раздражить его), но о том, чтобы сделать ему то добро, к[отор]ое можешь. Будет, главное, воздерживаться от всего того, ч[то] может нарушить благо других людей, что несовместимо с любовью. Если хочет чел[овек] любви, то будет он естественно и в делах, и в словах, и в мыслях воздерживаться от того самого, ч[то] для человека, живущего не по закону любви, представляет главную цель жизни, – будет воздерживаться от собиран[ия] и удерживания богатства, от достижения почестей, славы, от всех удовольствий, доступных не всем людям и приобретаемых всегда одними людьми в ущерб другим. Люди говорят: это трудно. Но они говорят так только п[отому], ч[то], не испытав радости любви, не знают ее и не верят в нее.

Трудно жить по любви! Трудно жить несогласно, противно любви. А стоит только человеку испытать жизнь по зак[ону] люб[ви], чтобы никогда уже не захотеть никакой другой.

7) Любить Бога значит любить проявление Его. Проявление яснее всего (прежде всего) сознавалось это проявление Его во мне. Но проявление Его я не могу не видеть везде: в небе, в земле, в камне, песке, в звездах. Разница во всех этих проявлениях только та, ч[то] одни ближе ко мне (не по месту ближе, а по роду проявления), а другие дальше. Чем ближе ко мне, тем больше можно и должно любить. Самое дальнее от меня: земля, камень, песок, небо, планеты, звезды, – мне естественно любить и их, но дерево, растение ближе ко мне, и я больше люблю их, еще больше – животных, больше всего самого близкого к себе, человека. Но еще больше, больше всего на свете не могу не любить себя, свое я, только не телесное, мерзкое я, к[оторое] должно мне быть так далеко, как всякое животн[ое], даже как камень, песок, но свое духовное я, любовь к к[оторому] есть сама любовь, есть любовь ко всему. Отвратителен эгоизм телесный, и нет ничего выше эгоизма духовного, перенесения своего сознания в духовное, вечное, всемирное я. И перенесение это совершается любовью и дает такое благо, испытывая к[отор]ое ничего больше не нужно. Как же не благодарить Того, То, ч[то] дало нам это благо?!

8) Отчего я совершенно не признаю жизнь в камне, песке, а не отрицаю возможности жизни в звездах? Я думаю, от того, что камень я познаю всеми внешними чувствами и все-таки не признаю в нем жизни, звезды же я познаю только одним чувством зрения и потому допускаю возможность жизни. Но это не доказывает того, ч[то] в камне нет жизни, а в звездах может быть, а только то, ч[то] все мои внешние 5 чувств недостаточны для того, чтобы проникнуть в жизнь камня. (Чепуха.)

9) Чувствую эти последние дни особенно радостное, спокойное, удовлетворенное духовное состояние. Спрашиваю себя: не от физич[ески] ли здорового состояния? и больно так думать. Ах, если бы это б[ыло] последствием нового, более живого

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
понимания любви и зависимости от одного Бога!

10) Одна из главных ошибок, мешающих осуществлению закона любви, это—представление о том, что для жизни по учению Любви нужно полное осуществление каждым человеком своей жизни закона любви. Нужно не осуществление — полное осуществление невозможно, если бы оно совершилось, не б[ыло] бы жизни, — нужно приближение к осуществлению. В этом приближении жизнь и ее благо.

Люди же обыкновенно, признав учение в полном осуществлении закона любви и видя невозможность это[го] осуществления и для отдельных лиц и для всего человечества в данное время, решают дело тем, что признают учение прекрасным и вместе с тем неосуществимым. Одних это заводит в отрицан[ие] всякой религии, других в такое извращение христианства, при к[отор]ом невозможность эта исполнения всего учения исправляется благодатью, верой в искупление, таинствами. Эта-то ошибка отводит людей от того ясного, вытекающего из учения о любви, понимания жизни в том, чтобы дело жизни полагать в этом приближении к совершенству, и в приближении непременно постепенном, т. е. в достижении сначала первых степеней совершенства, потом следующих и т. д. Как говорит китайск[ий] мудрец, что для того, [чтобы] взойти на гору, надо начинать с подошвы, в этой-то постепенности и главная задача практического учения любви. Нельзя стараться быть милосердным, собирая и удерживая ненужные для жизни богатства; нельзя быть смиренным, считая себя начальником, аристократом, высшим светским пли духов[ным] лицом; нельзя быть человеколюбивым, участвуя в военном деле или будучи военным.

В нашем обществе людям, желающим следовать законам любви, предстоит прежде всего деятельность отрицательная: не делать того, что делал и что делается вокруг тебя.

12 мая. Е[сли] б[уду] ж[ив].
[12 мая 1909.]

Жив и даже здоров, но не чувствую уже с прежней силой радость любви. Чувствую не с прежней силой, но, могу смело сказать, чувствую эту радость любви и подчинения себя одной воле Бога больше, гораздо больше, чем прежде.

Вчера писал этот дневник, потом ездил к Гале. Зося неприятна мне, и надо усилие, чтобы быть в любви. И прекрасно: матерьял. Немножко поправил о любви. Всё ужасно плохо в сравнении с замыслом и важностью предмета. Очень интересные письма. От студента о праве — доброе. Записать пока нечего.

13 мая 1909.

Вчера поправил о государстве и о любви. Мало и плохо. Ездил в волостн[ое] правление. С 3[осей] лучше, не сержусь. Вечером письмо ругат[ельное] от Великанова. Неприятно, но больше его жалко. Как я рад. Душевное состояние не от физ[ических] причин. Благодарю Бога. Погода лучше. Писал много о любви, средне, скорее, плохо. Записать надо одно:

1) Большие мыслители: Хр[истос], Лаотзе откроют истину, люди пониже их духом, ученики (Павел) принизят, приспособят к большинству. Большинство еще принизит, установит легенды. Чем больше круг, тем мельче. А потом явятся уж люди чуждые веры, к[оторые] закрепят. (Не то, глупо.)

Написал письмо ч[ерткову].

Сейчас выстрел и визг собаки. Верно, убили. Прямо почти физически больно и жалко того, кто убил. Благодарю и за это. Какая радо[сть] жить любовью!

Теперь 6 ч[асов], иду обедать.

Довольно много писал о любви. Не дурно, подвигается. За завтраком С[оня] б[ыла] ужасна. Оказывается, она читала «Дьявол», и в ней поднялись старые дрожжи, и мне б[ыло] оч[ень] тяжело. Ушел в сад. Начал писать письмо ей то, ч[то] отдать после смерти, но не дописал, бросил, главное, от того, ч[то] спросил себя: зачем? Сознал, ч[то] не перед Богом для любви. Потом в 4 часа она всё высказала, и я, слава Богу, смягчил ее, и сам расплакался, и обоим стало хорошо.

14 Мая.

Вчера вечер прошел, как обыкновенно. Приятные известия о Фельтене, его суде. Нынче встал рано, пошел в сад, написал письмо Молочн[икову]. Подслушал разговор Копылова с прохожим – скверные слова и неправда, и какое удивительное, ужасное безверие. (Далее в подлиннике начало недописанного слова, без которое следует считать незачеркнутым по ошибке). Тяжелое чувство испытал. Тяжелое чувство еще со вчерашнего. Лучше, чем прежде, но нет того радостного спокойствия, к[оторое] б[ыло] в начале. Письма получил тоже тяжелые – Копыл и крестьянин обличающий. И просители. Хочется, хочется умереть. И без недоброго отчаянного чувства, а просто уйти к Нему и уйти от них (Слово них написано очень мелкими буквами).

Никогда не испытывал такого сильного желания смерти, спокойного и твердого и радостного желания. Кажется, ч[то] нечего делать здесь. Разумеется, только кажется. Если держат меня здесь, то есть и дело, постараюсь делать его. Ohne Hast, ohne Rast [Без поспешности и без промедления.]. А слава Богу, опять от этого желания смерти стало на душе хорошо.

15 Мая.

Нет, нехорошо. Совсем не хорошо. Оч[ень] нравственно упал. Вчера целый день и вечер б[ыл] плох. Приехал Эйрот и пришел Никол[аев]. Я им стал жаловаться на свою жизнь. Кроме того, два злые письма – одно от Копыла, другое от крестьянина революц[ионер]а, да еще стихи о земле, всё это совсем победило меня. И куда делась преданность воле Б[ога] и радость того, ч[то] бранят, равнодушие к славе людской и сосредоточение жизни на любви ко всем. Оч[ень], оч[ень] плох. Признак того, ч[то] то состояние б[ыло] преимущественно физич[еск]ое. Теперь физическое худо – и ослабел. Но не сдаюсь и не сдамся. Болезнь опять есть матерьял, над к[оторым] работать. Держаться в неделании во время болезни.

Сейчас вышел: одна – Афанасьева дочь с просьбой денег, потом в саду поймала Анисья Коп[ылова] о лесе и сыне, потом другая Коп[ылова], у к[отор]ой муж в тюрьме. И я стал опять думать о том, как обо мне судят. – «Отдал, будто бы, всё семье, а сам живет в свое удовольствие и никому не помогает», – и стало обидно, и стал думать, как бы уехать, как будто и не знаю того, ч[то] надо жить перед Богом в себе и в нем и не только не заботиться о суде людском, но радоваться унижению. Ах, плох, плох. Одно хорошо, ч[то] знаю, – и то не всегда, а только нынче вспомнил. Что ж – плох, постараюсь быть менее плохим. Сейчас не мог удержаться, чтоб не отослать с досадой Копылову, поймавшую меня, когда я начал писать Дневник. Эйрот оч[ень] оригинальный и серьез[ный] человек, скромный, простой, глубок[ий]. Таничка занемогла – и на ноги всех докторов, и деньги швыряют, а на деревне мрут от нужды. Да, уехать нельзя, не надо, а умереть все-таки хочется, хоть и знаю, ч[то] это дурно, и оч[ень] дурно. Вчера поправлял статью Революция]... недурно.

4 часа. Писал статью Революция] слабо, плохо. Оч[ень] слаб. Духом лучше. Да, да, радуйся, когда тебя ругают. Ничто так не загоняет в себя. Написал маленькие письма. Поехал было верхом, вернулся от дождя.

16 Мая.

Вчера вечером пришла почта. Письма незначительные, но в газетах мои письма: священнику и Трегубову. И как пьянице вино, так мне эти письма, и сейчас забота о суждении людей. Должно быть, от того, что я не чувствую уже телесных похотей, я особенно болезненно чувствую тщеславие и не могу освободиться. Вчера, зная, ч[то] письма эти заставят меня говорить про них, подумал, что надо не говорить, особенно при сыне Сереже. Так что и воздержался от тщеславия ради той же заботы о мнении людей, ради тщеславия. Никогда еще так не страдал от изжоги, как вчера вечером и нынче всё утро. Спал хорошо, встал поздно. Человек 10 просителей, я всем отказал, без досады, но можно б[ыло] лучше. Потом пошел в сад поправлять корректуру Нового Кр[уга] чт[ения]. Очень он не понравился мне. Поправил. Сейчас пью кипяток, но ничего не ем. Записать:

(Дальнейшие записи этого числа печатаются по исправленной рукой Толстого копии, вложенной в тетрадь Дневника, все они отчеркнуты сбоку зеленым карандашом.)

1) Правда, ч[то] то болезненное сознание тщеславия, к[оторое] я испытываю, происходит от ослабления других соблазнов, но и помимо старости это один из

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru самых губительных соблазнов. Он губителен, главное, тем, ч[то] подменивает религиозное чувство или сознание. И потому это едва ли не худший, вреднейший из соблазнов. Для других вреден, противен сладострастник, скупец, гневливый, лжец, но для себя самого хуже всего тщеславный человек, делающий всё для мнения людей. – Там есть предел, здесь нет.

2) Только одна вера освобождает человека от этого рабства перед мнением людей.

3) В воспитании первое дело приучить детей (да и людей) к тому, чтобы у них были поступки, независимые от мнения людей.

4) Особенно могущественно это чувство п[отому], ч[то] оно соприкасается с любовью, преимущественно с желанием быть любимым, и представляется в виде любви. «Я не делаю противн[о] мнению людей, чтобы не огорчить их, и делаю по-ихнему; чтобы сделать им приятное». Да, хорошо упражняться в делании добрых дел, не одобряемых людьми.

6 часов. Ничего не работал, оч[ень] слаб. Ездил верхом. Записать:

1) Богопочитание любовью тем важно, что всякое другое богопочитание или вовсе не требует усилия, или, если требует, то усилия легкого, внешнего встать, пойти в церковь, произносить слова молитвы и т. п., тогда как богопочитание любви к людям требует внутреннего, духовного усилия: вспомнить, что перед тобой проявление Бога, и вызвать в себе то высшее духовное состояние, на к[оторое] способен.

2) Бог не в храмах, не в изображениях, не в словах, не в таинствах, не в делах человеческих, а в человеке, в самом человеке; перед ним, перед проституткой, палачом, пригова[рива]телём к казням, перед этим благоговею, созерцая в них Бога.

17 Мая.

Опять много спал. Очевидно, переутомление мозга, чувствую его. Дурного нет, но мешает служению. Довольно много работал. Думаю, что кончил неизбежный шаг. Милые крошки девочки. Такая же, как Танечка, Кандаурова. Позвал. Саша дала гостинцы.

Боюсь ошибиться, но кажется, начинаю привыкать к душевному состоянию свободы от заботы о людском мнении – и какое спокойствие, твердость! Состояние это возможно только при полном перенесении жизни в исполнение Его воли, требований Его через совесть, сознание в себе Его.

[19 мая 1909. я. п.]

Вчера, 18, не писал. Нынче 19 Мая. То, чем кончил 3-го дня, ч[то] привыкаю к сознанию своей зависимости только от Бога и потому независимости от мнения людей, как раз вчера вечером и нынче оказалось неверным. Читал о себе глупую статью по случаю Эртеля – и стало неприятно, и не мог восстановить спокойствия и твердости в Боге. Вчера день провел хорошо. Поправил письмо о религиозн[ом] воспитании и неизбежный Переворот не дурно. Оч[ень] тяжелый разговор С[они] о цене за отдав[аем]ую ею(далее в подлиннике написано слово: за, которое следует считать незачеркнутым по ошибке) землю. Я не говорил, но слушать б[ыло] тяжело, а всё от того, ч[то] потеряна связь с ним. Был два раза милый Николаев. Какой удивительный работник по Г[енри] Дж[орджу], да и вообще какой хороший. Ездил верхом, говорил по телефону с Грушецк[им], читал Гёте и газеты. Всё бы хорошо, но вечером при чтении статьи потерял. Сейчас как будто опять нашел. Помогли! А Ты уж и помог. Приятно, полезно перечитывать молитвы краткие.

Пишу в саду. Спал мало, но бодр. Жду известий о Таничке.

20 Мая.

Вчера поправил о воспитании, Переворот и письмо американцу. Письмо всё еще не то, что могло бы быть. Ездил в Телятинки. Вечер как обыкновенно. Читал письма. Оч[ень] гонял близких мне людей. Статья Рузевельта обо мне. Статья глупая, но мне приятно. Вызвала тщеславие, но вчера было лучше. Да, два дела, две работы: помнить, когда я с людьми, помнить одно то, ч[то] важно и нужно мне не одобрение их, одобрение Бога во мне, и другое то, что люди передо мной не только люди, но

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Бог в людях, ч[то] я перед Богом и в себе и, в них. Т. е. не заботиться о том, чтобы они любили, уважали меня, а самому любить и уважать их, как божественное.

21 мая.

Начинаю всё больше и больше помнить это. Вчера, казалось, помнил почти всегда. Так ч[то] думается, ч[то] мое радостное состояние не от «желудка». Вчера поправ[ил] письмо амер[икан]цу и Переворот. Нынче с утра не одеваясь переделал всё пись[мо] ам[ерикан]цу – не переделал, а поправил. Вчера утром б[ыл] корреспонд[ент] Рус[ского] Сл[ова]. Я рассказал и продиктовал ему о Вехах. Особенно худого нет, но лучше б[ыло] бы не делать. Письмо мужика уж оч[ень] – и законно – хочется сделать известным. Приехала Лина с детьми. Душан вернулся, опасность миновала «пока». Вечером, кажется, огорчил Лину, говоря о детском религиозном воспитании – дурно. Весна чудная. Теперь 11-й час. На душе хорошо, но нет охоты писать. И прекрасно. Вчера б[ыл] оч[ень] интересный человек, пришедший пешком из Симбир[ска]. Много он сказал хорошего, но лучше всего то, что по его мнению: Главное, в чем нуждается теперь народ – это в духовной пище.

22 мая.

Вчера пачкал письмо ам[ерикан]цу и о любви. Веду себя недурно, но нет при общении с людьми памяти о богопочитании Бога в человеке. Всякий раз esprit de l'escalier [задним умом.]. Московский рабочий бойкий, говорун, но говорящий, но не слушающий. Ездил в Телят[инки]. У Николаевых. У Гали. У обоих оч[ень] хорошо. Дома Липа, Маша, дети. Вечером Сер[ежа] огорчил меня разговором о праве. Письма хорошие. Сегодня встал рано. Ходил по саду. Сел отдыхать, вижу – идет баба ко мне. Вспомнил хорошо, ч[то] идет в ней Бог. Оказалась Шураева, бедная, у ней умерла внучка, просит денег, я (Зач.: принял в ней участ[ие]) постарался войти ей в душу, в основе к[оторой] тот же Б[ог], какой во мне и во всем, и так хорошо стало. Помогай Бог. Всегда бы так. (Дальнейшее, до конца записи от 22 мая, в подлиннике отчеркнуто сбоку зеленым карандашом, что, очевидно, служило указанием на. требование переписать отчеркнутые мысли на отдельных листах)

1) Чествование мое плохой признак. Навело меня на эту мысль чествование Мечн[иков]а. Оба мы, очевидно, оч[ень] пустые люди, если так потрафили толпе. Утешает меня немного то, ч[то] меня ругают – не завистники, а серьезно ругают и революционеры, и духовенство, и церковники.

2) Есть два оч[ень] грубые и вредные суеверия: одно-ч[то] есть Б[ог], к[оторый] сотворил мир и человека и дал ему определенный, выраженный словами закон; другое-ч[то] мир, познаваемый нашими чувствами, такой в действительности, каким он нам представляется, и наша жизнь, т. е. закон нашей жизни, определяется нашим отношением к этому миру. Первое суеверие распространено среди масс и как ни грубо оно, менее грубо и менее вредно, чем суеверие образованного меньшинства о руководстве жизни, выводимом из отношения к миру, познаваемому нашими чувствами, не признающих свое мировоззрение верою, тогда как это мировоззрение есть только вера, и оч[ень] нелепая.

3) Неравенство имущественное, разделение государств делают, во 1-х, то, что изобретательность направляется на выдумки для удобств, потех некоторых, на военную борьбу и, во 2-х, и деятельность направляется на угождение им: лакеи, актеры, писатели, артисты.

4) Для того, чтобы была независимость от условий жизни мира, нужно непрерывающее сознание зависимости от Него, Того, кто во мне и в Себе.

5) «В чем смысл жизни? Ч[то] добро, ч[то] зло? Ч[то] такое Б[ог]? что дух, ч[то] материя?» и т. п. Всё это спрашивает студент мальчик, воображая, ч[то] он один так умен, ч[то] может ставить эти вопросы, погибать... А он, бедняга, такой невежда, и безнадежный, самоуверенный невежда и глупец, что не знал и не подумал о том, ч[то] не могли эти вопросы не возникнуть перед величайшими умами мира и не вызывать ответов, о к[оторых] он и понятия не имеет. Это невежество самое обыкновенное и свойственно только глупцам.

6) Муштина смешон, когда хвастается своим лицом и грацией, а женщина своей силой и умом.

7) Говорить серьезно о праве, когда есть право земельной собственности, всё

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
равно, что говорить о праве на владение рабами, о порядке продажи их.

23 Мая.

Вчера поправил о любви, не дурно. Запутался в письме американцу. Недоброе чувство к Сер[еже] за право. Потом прошло. Ездил верхом. Да, забыл. Трогательный купец полуслепой. Мы с ним оба расплакались от хорошего умиления. Вечер ничего не делал. Письмо Ч[ерткова] хорошее и др. – Нынче Томский купец старообрядец. Трогателен его отец, сочувствующий мне. Что-то будет нынче. На душе хорошо.

24 Мая.

Опять кое-что писал о любви и о воспитании. Мало. Ездил к Ч[ертковым]. Нехорошо поступил с расследователем Черт[ковского] дела, не подал руки, а потом не сумел сказать, ч[то] нужно. Мих[аил] Сергеевич] приехал-как всегда, приятный. Вечером опять купец Летьшев. Долго говорил о своей теории, мистически объясняющей таинства. Потом Калачев и милый Николаев. Оч[ень] я устаю мозгом. Нынче встал рано. С[оня] приехала. Всё заботы и недобрые чувства. Поленова прекрасный альбом. Писал и о Люб[ви] и америк[анцу], кажется, не совсем дурно. Здоровье хорошо. И на душе так же. Записать, казалось важно:

1) Без любви не к Н. Н. (так в подлиннике), а к ближнему вообще нет и не может быть никакой нравственности, а без недопущения насилия, т. е. без непротivления, нет и не может быть любви к ближнему, и потому без непротivления не может быть никакой нравственности. Проповедь же или признание любви без непротivления есть гадкая ложь и лицемерие. Лучше закон борьбы без лжи нравственной. .

25 Мая.

Вчера как будто кончил и о любви и амер[иканцу]. Приехала С[оня]. Оч[ень] жалка она. Поехал верхом в Тулу на бега. Съездил хорошо. Дома М[ихаил] Сергеевич], дал ему прочесть неизбежный] Пер[еворот]. Он сделал верные замечания. Голденв[ейзер]. Сегодня встал нерано, ходя по саду (далее в подлиннике стоит союз и, который следуем считать незачеркнутым по ошибке), думаю о быстроте, а главное, об однообразии времени: день, ночь, и опять, и опять, и пролетают года, десятилетия. И вдруг особенно живо почувствовал:

(Дальнейшее, до окончания записи 25 мая, в подлиннике отчеркнуто сбоку зеленым карандашом. Здесь же вложена машинописная копия этой записи (2 лл.), в которой Толстым сделаны исправления. Печатаем данную запись по исправленной автором копии)

1) Время есть только та форма, в к[отор]ой я сознаю свою жизнь, имею радость творить ее. Жизнь же моя вся уже есть для Начала жизни – Бога. Бог через меня и бесконечное количество существ живет и дает радость, благо жизни мне и всем этим существам. – То, ч[то] мы называем свободой воли и что и есть свобода, это – допущение или не допущение в себя Бога с тем, чтобы Он мог через меня творить жизнь – жить. Недопущение же Его в себя лишает меня блага жизни, но Ему не может мешать жить, так как он живет в бесконечном количестве существ, т. е. непонятно для меня. Кроме того, Он живет и в тех существах, к[отор]ые сознательно не допускают Его в себя. И живя в них, достигает тех же своих целей. Важно тут только то, ч[то] человек, каждый из нас, имея бессознательное благо жизни, может иметь и величайшее сознательное благо – быть орудием Бога, непосредственно соединяясь с Ним и за одно творя и Его и свою жизнь.

Дождь поливает поля, леса, степи, и живущие уже на них злаки, деревья, травы имеют вследствие восприятия влаги радость роста, цветения, плодоношения, но влага, дождь действует и на голую землю, размягчая ее, приготавливая ее к возможности принимать семена и растить их. То же и с людьми – и сознательно участвующими в жизни божеской, и не сознающими Бога и все-таки участвующими, сами но зная того, в Его жизни. (Так думалось неясно, н је m'entends[я понимаю то, что хочу сказать.])

26 Мая.

Вчера продолжал писать «Никто не виноват», и – порядочно. Но нынче не пошло. Вчера приезжал Пунга и Оля. Написал письмо Ч[ерткову]. С Соней тяжелый разговор о хозяйстве. Я жалею, что не сказал о грехе земли. За обедом тоже она, бедная,

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru запуталась. Интересное существо она, когда любишь ее; когда не любишь, то слишком просто. Так и со всеми людьми. Ездил верхом. Вода выше брюха лошади. Не спал перед обедом, б[ыл] слаб. Нынче немного пописал: Никто не виноват, и бросил, нехорошо. И нет настоящей охоты писать. И баста. Записать нечего.

27 Мая.

Вчера вечером оч[ень] трогательное общение с Студ[ентом], приехавшим для свидания с Кавказа. Гусев сказал, ч[то], кажется, проситель. Он подал мне конверт, прося прочесть. Я отказывался, потом стал читать с конца. О монизме и Геккёле. Я недобро стал говорить ему. Он страшно взволновался. Потом я узнал, ч[то] он чахоточный, безнадежный. Он стал уходить и сказал, что чтение «О жизни» было для него событием. Я удивился и попросил остаться. Я прочел его записку. Оказалось, совсем близкий человек. А я оскорбил, измучал его. Мне было и больно и стыдно. Я просил его простить меня. Он остался в деревце ночевать. Нынче утром пришел, и мы умиленно говорили с ним. Оч[ень] трогательн[ый] человек. Я полюбил его.

Нынче думал, ч[то] не буду писать. А взял и написал довольно много. Мож[ет] быть, что-нибудь и выйдет. Только не знаю подробностей. Потом ездил верхом к Гале и Оле и видел Ник[олаева] и Голд[енвейзера]. Очень приятно б[ыло] у них. – Записать только одно:

1) Наша особенная, исключительная любовь к ближним только затем и нужна, чтобы показать, как надо бы любить всех. В проститутках видеть дочерей и так же, [как] за любимую дочь, страдать за них.

Иду обедать.

28 Мая.

Приехал Лев. Мне тяжело с ним. Слава Богу, не изменил требованиям любви, но не могу не сторониться, не молчать, слушая его. Не молчал только два раза: когда он говорил о своем недовольстве жизнью – я сказал, ч[то] я думаю о необходимости жить духовной жизнью, и другой раз выразил свое отвращение, когда он высказал сочувствие, оправдание убийствам Стол[ыпина]. Вечером он говорил оч[ень] глупо. Я всё молчал. Пришел мальчик портной. Один из тех, к[оторые] хотяя сразу изменить жизнь. – Нынче ночью очень (Подчеркнуто дважды) болела задняя левая часть головы, и не спал. Должно быть, от этого не пишется. Теперь 1-ый час. Был Евдоким[ов], сапожник. Единомышленник. Вчера, к стыду своему, б[ыло] неприятно письмо, осуждающее меня за мое распоряжение имуществом.

[29 мая.]

Были семинаристы. Я говорил с ними с усилием и опять без памятования о Боге в них.. Ходил тихо по саду. Миташа Об[оленский].

29 Мая. Встал здоров. Вышел. Тульск[ие] просители. Опять забыл и недобро говорил с ними, отказывая. Пошел в сад и оч[ень] хорошо думал. Запишу. Вчера хорошее письмо ч[ерткова] к Кузьмину. Нынче чуть-чуть поправил «Н[ет] в м[ире] в[иноватых]» и занялся о любви. Недурно поправил. Ездил хорошо в Колпну. Записать:

1) Общение человека с человеком есть единственное и величайшее таинство: сознание себя (Бога) в другом. Только бы понимать его таинство.

2) Люди, мало мыслящие и занятые своими целями, не могут переноситься мыслью в других. – А это-то и важно.

3) Сходясь с людьми, не думай о своей выгоде, а о том, как ты будешь судить о себе, а думай о выгоде того, с кем сходишься, и не думай о том, как он будет судить о тебе.

4) Оч[ень] хотелось бы в Н[ет] в[иноватых] показать, как все люди живут одним своим и глухи ко всему остальному.

Милый Ив[ан] Ив[анович] огорчился на ч[ерткова]. Письма довольно приятные. Написал О Женщ[ипах] письмо и ответ на осуждения. Поразительная история

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Кашинской. Спор о вегетарьянстве Николаевой (В подлиннике описка: Николаева)
с.... (забыл). Я вмешался и огорчил, вероятно, NN. (Так в подлиннике). И мне
больно стало.

30 Мая.

Мало спал, встал рано. Приехал Мечник[ов] и корреспонденты. Мечн[иков] приятен и
как будто широк. Не успел еще говорить с ним. Приходил безногий проситель. И я
хорошо, помня о нем, обошелся с ним, помня о том, что

1) Надо, обращаясь с людьми, не думать о своих желаниях, а помнить о желаниях
тех, с кем имеешь дело; но не думать о суждении о себе тех, с кем имеешь дело, а
думать о том суждении, к[оторо]е будешь иметь о своем отношении к этим людям.

2) Надо б[ыло] усилие, чтобы вспомнить о моем отношении и к безногому. А это
п[отому], ч[то] это отношение б[ыло] такое, какое должно быть, т, е. хорошее.
Радовать нас не могут и не должны наши хорошие поступки. Радость, благо не в
поступках, а в том спокойствии, в той свободе, к[отор]ую они дают.

Теперь 12 часов, полдень.

31 Мая.

Продолжение 30 мая. Меч[ников] оказался оч[ень] легкомысленный (Зачеркнуто:
односто[ронний]) человек – арелигиозный. Я нарочно выбрал время, чтобы
поговорить с ним один на один о науке и религии. О науке ничего, кроме веры в то
состояние науки, оправдания к[отор]ого я требовал. О религии умолчание,
очевидно, отрицание того, что считается религией, и непонимание и нежелание
понять того, что такое религия. Нет внутреннего определения ни того, ни другого,
ни науки, ни религии. Старая эстетичность Гегелевско-Гётевско-Тургеневская. И
оч[ень] болтлив. Я давал ему говорить и рад оч[ень], ч[то] не мешал ему. Как
всегда, к вечеру стало тяжело от болтовни. Голд[енвейзер] прекрасно играл.

Встал поздно, с вечера не опал. Видел ужасный сон... Складывается тип и ученого
и революционера. Хотел писать, но стал поправлять Един[ую] Зап[оведь] и
проработал все утро. Приезжал репортер, и неприятно б[ыло], фальшиво. Приехала
Вер[а] Пироговск[ая]. Тяжело вспоминать ее положение. Вел себя недурно. Не
б[ыло] недоброго чувства ни к кому. Но безумие людское и самоистязание удручает.
Иду обедать.

[1 июня.]

После обеда три посетителя: рабочий Союза Р[усского] Народа], выпивший,
уговаривал меня вернуться в церковь, добродушный, но совершенно безумный, потом
женщина с двумя огромными конвертами, требующая, чтоб я прочел...»крик сердца». И
тщеславие, и мания авторства, и корысть. Я огорчился – надо б[ыло] спокойнее.
Потом репортер Раннего Утра. Как я рад, ч[то] с левой мне перестало быть тяжело.
У Веры так и не осилил спросить об ее ребенке. – Как и это сделалось?

1 июня. Проснулся в 5-м часу и записал много важного, хорошего: к Н[ет]в м[ире]
в[иноватых], и к Е[диной] Запо[веди], и еще о Боге, Еще конспект беседы с
курс[истками]. Очень ясно, живо понял, странно сказать, в первый раз, что Бога
или нет или нет ничего, кроме Бога. Начал писать оч[ень] хорошо Ед[иную]
Зап[оведь], но скоро, к 12-му часу, ослаб умом и оставил. Был издатель
Вегет[арьянского] журнала. Ездил верхом немного. Записать:

2 июня.

Вчера вечером читал письма. Мало интересных. Нынче спал много и встал таким
свежим, каким давно, давно не чувствовал себя. Телеграмма от сына Генри Джоржа,
потом из Р[усского] С[лова] с корректурами о Мечникове]. Поправ[ил] корект[уры] и
написал о Ген[ри] Дж[ордже] и послал в Р[усское] С[лово]. Верно, не напечатает.
Потом просмотрел весь «Неизбежный Пер[еворот]». Всё, до 8-й главы хорошо. Над
концом надо поработать. Писал до 3-х, не завтракал и не ездил верхом, походил по
саду. Дождь. Теперь 5 ч[асов]. Ложусь. Записать:

1) жестокость несвойственна человеку и объясняется только узостью цели,
сосредоточенностью усили[й] жизни на цели. Чем уже эта цель, тем возможнее

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
жестокость. Любовь целью ставит благо других и потому, исключая цель,
несовместима с жестокостью.

4 Июня.

2 вечером не помню. Разболелась нога. Забинтовал. Вчера. Утром писал немного Ед[иную] Зап[оведь], становится лучше. Хорошее письмо от Ч[ерткова]. Провел весь день в кресле. Вечером были Николаевы. Прекрасные его укоры за то, ч[то], говоря о Г[енри] Ж[ордже], обращаюсь к правительству, ожидаю чего-либо от правительства. Сами виноваты. Та же мысль, как в письме Ч[ерткова]. Письма не интересные. Соничке читал о вере. Не то. Нынче ноге лучше, но весь слаб. Приехал Троян[овский]. Ничего не писал, попробовал молитву Соничке, письмо на вопросы, во что я верю, и немного Ед[иную] Запо[ведь]. Общее состояние нехорошо. Иду обедать. Записать:

1) Непротивление. – Не могу писать, не могу думать. Оч[ень] слаб.

5 и.

Оч[ень] приятно играл вчера Троян[овский]. Были Черт[ков] и Голд[енвейзеры]. Здоровье всё плохо. Нынче ничего не делал: чуть-чуть поправил Ед[иную] З[аповедь] и статью о Джор[дже]. Приехал сын Дж[орджа] с фотогр[афом]. Приятный. Всё не могу приучить себя к молитвенному состоянию, входя в общение с людьми. Записать молитву Соничке.

1) Утренняя молитва. Верю, что Бог живет во мне и в каждом человеке, и потому хочу любить и почитать его в себе и в других и для этого не делать ничего противного Ему. Никого не обижать, не бранить, не осуждать, всем уступать, всем делать то, что себе хочешь, всех любить.

Вечерняя молитва: Верю в то, что Бог во мне и во всех людях, и потому хочу ничего не делать противного Ему, а вот сделал то-то и то-то. Подумаю, от чего я сделал это и как сделал, чтобы опять не сделать того же?

6 и 7 и.

Вчера написал письма довольно серьезные, особенно одно о Геккеле и самоубийстве. Кажется, немного Е[диную] З[аповедь]. Опять вечером играл Трояновский. Нынче встал немного бодрее. Оч[ень] много работал над Е[диной] З[аповедью] с большим напряжением. Послал телеграмму Тане, ч[то] едем с Со[фьей] А[ндреевной] завтра. Записать:

1) Познание Бога мож[ет] б[ыть] троякое: а) верою, б) разумом и в) любовью. Можно поверить, что Бог есть то, что мне сказали про Него. Можно рассуждением притти к признанию Начала всего, к существованию чего-либо вневременного и внепространственного, не разрушаемого, необходимости признания либо конечности, либо бесконечности, включающих в себя признак нереальности. Не так выражаюсь, хочу сказать, ч[то] всё то, что телесно и занимает ограниченное пространство в пространстве бесконечном и происходит во времени бесконечном в обе стороны, всё это не действительно есть. Есть то, что есть вне времени и пространства. А так сущее есть только то, ч[то] мы называем Богом. Можно притти к признанию существования Бога сознанием в себе этого внепростр[анственного] и вневрем[енного], это познание Его единством с Ним, выражаемым любовью.

2) Чувствую себя оч[ень] глупым, но зато и – смело скажу – хорошим. Так естественно, страстно, от всей души говорю, думаю, чувствую одно то, чтоб делать то, ч[то] Ему угодно, суметь быть Его органом. Всё глупо, бессмысленно, но на душе тепло, радостно, хорошо. Иду обедать.

Не помню, чтобы б[ыло] что-нибудь стоящего записи. Здоровье всё нехорошо-желудок, и тяжелое настроение. Но держусь.

8 Июня. [кочеты.]

Встал рано и поехал. Путешествие хорошо. Беседа с предводителем Мценск[им] – православным, консерватором, непромокаемым. Милая Таня и Миша и least not last [последняя в списке, но не последняя по значению] мал[енькая] Тан[ечка]. Особенно живо чувствовал безумную безнравственность роскоши властвующих и

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru богатых и нищету и задавленность бедных. Почти физически страдаю от сознания участия в этом безумии и зле. Здесь же меня поместили в безумную роскошь и привезли сам четверт: доктор, секретарь, прислуга. И, на беду 9 июня весь кр[уг] чт[ения] на эту тему. Научи меня Ты, что мне делать.

да, забыл. 7-го б[ыло] то, ч[то] Гаврилов, пришедший из Москвы, решил не доходить до тех пределов опрощения, нищеты, до к[оторых] он дошел.

9 Июн.

Всё то же состояние телесное, но душевное оч[ень] хорошее. Нынче чуть-чуть поправил о любви. Становится сносно. И из кратких молитв составил три, к[отор]ые постараюсь заучить. Буду пользоваться ими. Постыдное чувство испытал: досаду, что по дороге меня не узнают. Как пропиталась вся моя душа мерзким тщеславием. Записать:

1) В первый раз вчера испытал очень радостное чувство полной преданности воле Его, полного равнодушия к тому, что будет со мною, отсутствия всякого желания, кроме одного: делать то, чего Он хочет (я сейчас испытываю это). Я и прежде, давно уже познал это, как истину, открытую мне разумом, но только теперь испытал это как чувство – чувство обращения к Нему и желания получения указани[я] от Него: что же делать? – Привык к молитве и к ожиданию ответа на человеческие речи. Но это самообман. Ответ есть в душе. Благодарю Тебя. Как хорошо! Чую ответ, и так радостно, что выступают слезы.

2) Это по случаю созревшего яблока, вообще всякого семени. Не знаю, сумею ли выразить. Мысль вот в чем: Тело мое разрушается. Также разрушается тело созревшего яблока. Яблоко, оболочка семени созревает, остается семя, производящее другие яблони – яблоки. Еще яснее это на семенах, как злак, не имеющ[их] оболочки. Неужели назначение яблока только воспроизведение себе подобных? Неужели таково же и назначение человека? Но в яблоке уже есть то, что кроме семени воспроизводящего есть еще оболочка, имеющая назначение. Очевидно, и в человеке должно быть, кроме воспроизведения, еще другое назначение. И мало того, ч[то] есть другое назначение, и есть самое истинное, главное назначение; воспроизведение же – самое ничтожное даже не назначение, п[отому] ч[то] повторение одного и того же не имеет смысла. В чем же это назначение?

Не хочется писать и думать. И не буду.

10 Ин.

Сплю хорошо, но желудок не действует, и от того нет умственной энергии для работы. Вчера гулял по парку с большим напряжением. Но мысль работает. Говорил с копачами. Стар[ый] толпыга. По 25 под рожь. Земля у господ. Тоже вопиющее рабство. Как бы хотелось написать то художественное], [что] начал, и всё проникнуть этим. Записать две.

1) Хорошо бы ясно показать, что если речь о борьбе, то любовь, кроме своего внутреннего значения, есть самое могущественное орудие борьбы.

Читая Малатесту, так ясно видно, ч[то] анархисты – это люди, верующие в разумность и законность вывода и приложения к жизни закона любви, но не знающие и не признающие этого закона. Боже мой! Какое, мне кажется, ты мне дал радостное дело жизни.

Иду завтракать. Письма ничтожные. Нынче составил из всех молитв одну. Кажется, годится. А еще оч[ень] хорошо поправил о любви.

11 Июня.

Поправка О Л[юбви] плоха. Надо еще работать. С утра в постели писал молитву Соничке. Всё нехорошо. Ничего не работалось. Читал 41 письмо с недобрым чувством. Ездил верхом, оч[ень] устал. Главное же, мучительное чувство бедности, – не бедности, а унижен[ия], забитости народа. Простительна жест[окость] и безумие революционеров. Потом за обедом Свербеева, франц[узские] языки и теннис, и рядом рабы голодные, раздетые, забитые работой. Не могу выносить, хочется бежать.

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Читал Бакунина о Мадзини. Как много, много кажется, ч[то] нужно сказать. Помоги, Г[оспод]и, делать то, ч[то] перед тобой нужно. – Всё желудок плох. Не могу и тут писать.

Есть несколько хороших писем. Иду к чаю.

14 Июня.

Не писал три дня. Нынче оч[ень] хорошо работал над Ед[иной] Зап[оведью]. Потом ездил верхом, говорил с мужиками.

Вечное недовольство своей жизнью.

Вчера, 13-го, всё утро не работал. Только уже поздно немного занялся Зап[оведью] любви. Молодые люди – игра в теннис – недоброе чувство и несправедливое осуждение. Оч[ень] интересная книга о Персии. Теоретически земля не мож[ет] б[ыть] предметом собственности. Шах есть угнетатель и признается дурным человеком. Солдаты вербуются добровольно, и практически земля отнята, шах властвует и почитается, солдаты набираются, и правительственные власти на откуп.

3-го дня, стало быть, 12-го, кажется, ничего не делал, если не писал Ед[иную] З[аповедь]. Не ездил верхом. Всё мрачное от телесных причин настроение. Интересн[ый] вечером разговор с Дашкевичем. Записать оч[ень] много надо.

1) Ясно, живо вспоминал о своих гадостях: Акс[инья], Шув[алов]. И я смою осуждать людей. И как мне хорошо стало от этого сознания своей гадости.

2) Говорю о любви, а в мыслях не люблю, презираю, даже ненавижу. Вчера получил ядовитое обратительное письмо и вместо того, чтобы понять, суметь пожалеть, написал гадкое, такое же ядовитое письмо. Хорошо, ч[то] не послал.

3) Знаю Бога п[отому], ч[то] знаю в себе любовь к людям и всему живому. Знаю, что живу, только п[отому], ч[то] люблю и себя, и всё живое.

4) Не потому люблю людей и свою душу, ч[то] знаю Бога и Его волю, а знаю Бога и Его волю п[отому], ч[то] люблю людей и свою душу.

5) Знаю Бога п[отому], ч[то] знаю свою душу. А душу свою знаю п[отому], ч[то] люблю свою душу, и не одну свою душу, а и души других людей, душу всего мира.

6) Тело мое болеет и умирает; душа не болеет и не умирает. Душа это Бог, живущий в моем теле.

7) Живу я и телом и душой. Тело любит только себя, душа любит всех людей, всё живое. Тело болеет, стареет и умирает, душа не болеет, не стареет и не умирает. Буду же полагать жизнь свою в душе, а не в теле.

8) Бедственность теперь положенная Русского народа в одном: в ложном понимании людьми смысла жизни, в ложной вере. Правительство и Союз Р[усского] нар[ода] совершенно правы, всеми силами поддерживая ложную веру. Всё в этом.

9) Устроили Анну Каш[инскую]. Наказывают за мошенничество в подмеси к муке и т. п. А это страшное мошенничество спокойно совершается.

10) Вчера говорил с Любой и Алей о стихах. А надо б[ыло] спросить: знаете ли вы, как надо жить? А пока этого не узнаете, ничего нельзя изучать.

11) Возмущает жестокость и несправедливость только при первом впечатлении. Потом привыкаешь. А когда родишься и живешь в ней – как теперь, захват земли – то даже не можешь видеть ее.

12) Бог открывается одной любовью, но утверждается разумом.

13) Бог открывается человеку и любовью и разумом. Это две стороны Его, доступные человеку.

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
15 июня.

Утром походил. Начал писать, но скоро оставил, не кончив. Всё уясняется и усиливается. Помо[гай] Б[ог] кончить. Кажется, не заблуждаюсь, что важно. Нездоровится, болит голова и желудок. Написал письмо каторжному. Письма неинтересные. На душе оч[ень] хорошо. Записать нечего. Читаю буд[дийский] катехизис. Всё подвигаюсь в внутренней работе. Никогда не поверил бы, ч[то] это возможно в 81 год. Всё большая и большая строгость к себе и от того всё большее и большее удовлетворение. Главные две черты: преданность Его воле и неосуждение в мыслях. Теперь 10-й час.

[17 июня 1909.]

16 июня. (Вчера.) Оч[ень] нездоровилось. И целый день всё хуже и хуже. Утром опять поработал над Е[диной] З[аповедью]. Кажется, подвигаюсь. Не дурно. Продиктовал и подписал несколько писем. Ходил через силу. Соня уехала. Не читал К[руга] чт[ения]. Записать:

1) Человек знает, что умрет, и даже с каждым днем умирает. Казалось бы, довольно знать это, чтобы понять (то, чего никто не понимает), что смысл жизни не может не быть независимостью от временности существования, а имен[но], во всяком случае тот, чтобы исполнять в этом мире то, чего хочет пославшим, или то, что даст смысл всякому моменту жизни, а даст такой смысл только одно: исполнение, стремление к исполнению единого желания, в к[отором] одном свободен: нравственного совершенствования.

2) Когда я задался задачей подавлять в себе всякое чувство недоброжелательства, мне дело это казалось не важно, главное, п[отому], ч[то] я не верил в возможность его исполнения. Так мне казалось и первые дни. И вот прошло, я думаю, около двух месяцев, и я нынче думал на прогулке о том, к кому у меня есть недоброе чувство, стал вспоминать и – удивленье и радость – перебирал, кого мог, и не нашел никого.

Подумал, ч[то] мож[ет] быть это – хорошее расположение духа, в к[отором] я нынче. Но нет, и во времена самого дурного расположения духа у меня уже нет этого недоброжелательства, хотя и нет той любви ко всем, какую испытываю теперь. Главное при это[м] нужное и действительное: это ловить себя в недоброжелательстве в мыслях и подавлять, разясняя.

Как бы хотелось научить этому люд[ей]. Да не поверят – или подумают, что это-то, ч[то] одно нужно на свете – не нужно им.

Вчера приехал М[ихаил] С[ергеевич], привез расск[аз] о Парфении и царе и статью в Р[усских] Ведомостях]. В[от] с чем надо бороться: это с удовольствием, испытываемым от похвал, признания значения. Скверно это. Буду стараться.

Вчера прекрасные письма Молочныкова и Александра.

17 июня. Встал гораздо лучше здоровьем. Оч[ень] слаб, походил, напился кофе, записал дневник и сам не знаю, что буду делать. Художественное не тянет. В этом тоже, слава Богу, стал лучше. Не придумываю, ч[то] писать и писать ли вообще, а отдаюсь побуждению и думаю, ч[то] оно верно, если нет других.

18 и.

Вчера писал Ед[иную] Зап[оведь] много и недурно, но надо еще работать. Ходил довольно много. Письма неинтересные и гости неинтересные. Вечером делал пасьянсы, а на ночь опять Е[днную] З[аповедь]. Нынче оч[ень] мало спал, много, много думал. Кое-что записал. И очень хорошо, свежо, бодро. Записать:

1) Короткая молитва: Знаю, ч[то] если я в любви, то я с Тобой. А если я с Тобой, то всё благо. Так буду же всегда любить всех в делах, словах и мыслях. (Выучил наизусть.)

2) (Глупость.) Как редки и дороги люди, говорящие то, что точно думают.

3) Надо найти прежде, где замок и чем он держит, а потом найти ключ. Замок, запирающий всё, солдатство. Ключ, отпирающий замок – один: вера в Бога. Солдаты производят и держат солдат. Разумное соображение о том, что мы сами себя мучаем,

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
недостаточно, нужна вера.

4) (Очень важное.) Разум есть то, посредством чего мы познаем то, что есть Бог, – познаем любовь. Пока не познал любовь, разум представляется всем, Богом (Бог есть слово).

Нынче ночью пришла в голову постыдная, сумашедшая мысль, а именно то, что как удивительно, что я, мое мерзкое, жалкое, исполненное всяких гадостей «я», избрано Богом для проявления себя – бесконечно-малой, ничтожной, но все-таки части Себя.

19 Июня.

Вчера, кажется, немного работал над Ед[иной] Зап[оведью]. Ходил много. Спал, к обеду много народа. Пустота разговора тяжела. Вечером, спасибо Л[юбови] Д[митриевне], пришлось серьезно поговорить с девочками. Мальчики боятся.

Нынче много ходил. Теперь 10 часов. Хочет[ся] много работать.

1) человек ограбил всё селенье и сложил в кучу ограбленное и сторожит. Пришел раздетый и утащил рубаху. Грабит[ел]ь поймал и по закону, к[оторый] сам составил, наказал. Разве не то же самое со всеми богачами среди бедных и в особенности с земельными собственниками: не переставая грабят тысячи людей на миллионы. У них взяли корм с земли для коровы, лоша[ди] – судят и казнят не грабителя, а взявшего необходимое с земли, к[отор]ая его по самым неоспоримым актам.

Прежде чем составлять законы, запрещающие воровство хомута, дерева, сена, надо бы составить законы, запрещающие грабеж сам[ой] законной собственности людей: – земли.

20 Июня.

Вчера ничего не работал, если не считать поправки в Е[диную] З[аповедь]. Славно поговорил с Базилевск[ими] девочками. Как жалко всех таких. Права молитва Магом[ета] о бедности. Ездил верхом к столетнему жалкому, с раком на лице, старику. Бабы милые с ребятами. Вечером ничего не делал. Таня хороша. Тоже могла бы быть. Да, брак это главное препятствие к жизни настоящей. Идеал всего должен быть безбрачие. А никак не освящать эту гадость.

Да, читал вчера о Марксе Энгельса... Нынче проснулся от ясного, простого, понятного всем опровержения матерьялизма. На яву вышло не так ясно, как во сне, но кое-что осталось. А именно то, что матерьялисты должны допускать нелепость Творца, чтобы объяснить, отчего сложилась материя так, ч[то] из нее образовались отдел[ьные] существа, из к[оторых] первый я, и с такими свойствами, как чувства и разум.

Для нематерьялиста же ясно, ч[то] всё, что я называю миром вещественным, есть произведения моего духовного «я». Тайна для них главная отделенность моя и существ.

Не допишу. Теперь 10-й час. Походил, голова лучше.

21 Июня.

Попытался прочесть и продолжать художественное. Могу, но едва ли успею из-за других дел. Ничего не делал больше. Ездил верхом – на хуторе беседовал с мужиками. Оч[ень], оч[ень] устал. После обеда опять ничего, кроме чтения, не делал. Вечером разговор о палеонтологии, по случаю зуба мамонта. Чем дальше отодвигается что по времени – палеонтология – и пространству астрономия, тем очевиднее ничтожность всего вещественного в бесконечном пространстве и всех его изменений в бесконечн[ом] времени.

Сегодня встал не рано, гулял, много беседовал с ровесником стариком. Теперь 10 час[ов].

1) Как ни странно сказать, матерьялисты неизбежно должны признавать Творца для того, чтобы ответить па вопрос, почему материя, (Зачеркнуто: (приняла) сложилась

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru так, что из нее выросло сознание,) откуда явился матерьяльный мир с своими изменениями? Без признания основой всего сознания, и вещества в пространстве и времени единственной возможностью понимания окружающего мира, нет другого объяснения существования материи, как только Бог Творец. Матерьялисты гордятся своим безбожием, а все их учение implique[содержит в себе,], включает понятие Бога Творца. Extremes se touchent[Крайности сходятся.]. Только признание основой всего – сознания не нуждается в понятии Бога творца.

2) Злы, глупы и виноваты не люди, а зол, глуп и виноват только мир.

3) Два врозь и умные и добрые человека делаются и глупы и злы, когда сходятся. Что же может быть хорошего, когда сойдутся 20, 100, 1000, когда сойдутся все?

4) Как важно знать и помнить это на людях и быть настороже. От этого-то так и важно религиозное учение. Оно выводит из этой подчиненности толпе. Только оно одно.

(Запись в подлиннике ошибочно помечена цифрой 4)

5) Бог это то всё, от чего я сознаю себя отделенным.– Бог будет и у того, кто сознает себя отделенным от всего матерьяльного, но горе в том, что всё матерьяльное есть бессмыслица, так [как] оно бесконечно по времени и пространству.

22 Июня.

Сколько помнится, ничего не делал вчера, если не поправлял Е[диную] З[аповедь], и несколько писем, из к[оторых] одно обратительно[е] бросил. Потом поехал с тремя Танями в лес. Пошел оттуда и набрел на косцов – вся деревня. Говорил о многом с ни[ми], о земле, о солдатчине, о том, что сами себя поработают. О том, что трудно освободиться от бедности, а еще труднее от богатства. Что жить надо для души, и всё будет хорошо. Обедал, читал. Чувствовал себя сравнительно бодро.

Сегодня, – спал хорошо, походил, кое-что записал. Хорошо молился, живо понимал свое ничтожество и не величие– величие сказать мало, а бесконечность – не гадины Льва Толстого, а существа, сознающего себя Божественным. Неожиданно занялся опять Е[диной] З[аповедью], поправил хорошо и вписал эпитафии. Письма неинтересные. Ездил в лес верхом. Пообедал, играл в шахматы и, 8-и час, записываю.

1) Самые злые дела делаются из-за славы людской. – Делаются злые дела и из-за похоти, но похоть с годами ослабевает, соблазн же славы людской с годами только крепнет и усиливается.

2) Казалось бы, что может быть невиннее незлобивой веселой шутки, а между тем шутка есть одно из самых обычных и сильных, коварных средств для скрывания от себя людьми, не желающими ее видеть, серьезности жизни и своих грехов.

3) Старики забывают многое, почти всё. Умирая, забывается последнее. Если представить себе рождение и будущей жизни, то рождающийся ничего не помнит, вступая в свет, т. е. находится в том положении, в к[отором] в нашем мире находится всякий рождающийся ребенок (буддисты так и думают). Неверно тут только то, что при возрождении предполагается время, а забвение всего есть выход из условий времени. Смерть всегда останется возвращением к тому, из чего вышел, но никак не переход к другой жизни. Работник отработал свой урок и возвращается к хозяину за новыми приказаниями.

Теперь 9-й час, иду в гостиную.

[23 июня.]

Случилось неожиданное то, ч[то] я прочел вслух Е[диную] З[аповедь]. Ответ – молчание и явно скука.

23 и.

Спал оч[ень] хор[ошо]. Проснувшись, думал и о вчерашнем. Пора понять, что если хочешь служить людям, то работай для grand monde [большого света] рабочего

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru народа и его имей перед собой, когда пишешь. Наш брат в огромн[ом] большинстве безнадежен. А те жаждут. Записать:

1) Дурное расположение духа не только не вредно, но всегда полезно для работы над собой.

2) Нельзя ли вместо того, чтобы думать, что мысль плохо работает от прилива крови к мозгу, или на душе мрачно от того, ч[то] печень не в порядке, думать, что недостаточно прилива крови к мозгу и печень не в порядке от слабости работы мысли и от мрачности души. Одно нераздельно с другим. Что причина и что следствие. Признаем же мы обыкновенно вещество причиной духовного п[отому], ч[то] внимание наше направлено на вещественные изменения, а не на духовные.

3) Когда человек один, ему легко быть хорошим. Только сойдись с другими – и он становится дурен. И чем больше людей сходится вместе, тем труднее им удержаться от дурного. От этого – то так важна, нужна любовь. Только с нею, не делаясь хуже, могут сходиться люди.

Отец мой, начало любви, помоги мне, помоги в том, чтобы делать то, чего Ты через меня хочешь.

Теперь 11-й час. Сажусь за работу.

24 Июня.

Всё ничего не пишу, кроме поправок Е[диной] З[аповеди] и писем. Вчера начал поправлять, упрощая язык и форму. Но повело это только к перестановке глав и исправления[м]. Ходил гулять. Нога не хужеет. Вечер со всеми. Голицына. Тяжело говорить без цели. Нынче только проснулся – известие о Ч[ерткове]. Отказ. Написал ему и Гале письма. Опять занялся Е[диной] З[аповедью], погулял и теперь поеду в Велью к старику. Получил Июнь Кр[уга] Чт[ения]. На душе оч[ень] хорошо. Но всё не могу привыкнуть к молитве при общении с людьми. Надо и можно.

26 Ин.

Совершенно неожиданно пропустил день. Третьего дня опять поправлял Е[диную] З[аповедь]. Читал Н[овый] Круг Ч[тения]. Не дурно. Ходил пешком недалеко. Приехала Зося. Я ходил встречать и встретил Вас[илия] Панюшкина. Долго гуляя говорил с ним. Прекрасный юноша. В этих, только в этих людях надежда на будущее. Да хоть ничего не выходи из них, хорошо и для них, и для меня, и для всех, что они есть. – Вчера 25. Опять то же. Всё больше и больше просится «Казнь Евдокима». Ходил по парку. Большая слабость, сонливость. После обеда ходил к Ефрему. Только ограниченность большая и еще большее самомнение. Нынче ошибся часом и встал в 6. Погулял, начал новое Н[ет] в м[ире] в[иноватых] и кое-что сделал. Написал два письма. Слаб. Ездил с милой Таней. Письма от Оли и Ч[ерткова] и тяжелое от С[офьи] А[ндреевны]. Искренно жаль ее. Сашу жду, но она не едет. Гусев уезжает.

Теперь 4 часа, ложусь спать.

1) Всякий добросовестный работник знает радость исполнения дела. Такая же, только в много раз большая – та, к[оторую] испытываешь дело любви, когда поставил его делом жизни. Особенность же этой радости при исполнении дела любви та, что делу этому, а следовательно, и радости от него ничто не может помешать,

2) Буддисты говорят, что как старики забывают всё прошедшее, так и вновь нарождающиеся души не помнят прежних жизней. Прибавить к этому можно еще то, что, приближаясь к смерти (в старости), мы не только забываем прошедшее, но и теряем всякий интерес к будущему, т. е. выходим из жизни временной и приближаемся к безвременному началу жизни, к Богу.

Вечером неприятн[ый] разговор с Зосей, т. е. я приписываю важность тому, ч[то] ее не имеет. – Простился с милым Н[иколаем] Николаевичем.

27 Ин.

Проснулся слабым. Ходил по парку. Поправлял Е[диную] З[аповедь], кажется, не дурно. Письма хорошие. Сейчас ничего не хочется делать. От Саши (тяжелое о

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru (Соне). Она не едет.

Записать:

Всё вещественное даже не ничтожно, а ничто, п[отому] ч[то] всё всегда есть а/? = 0, часть бесконечного. Действительно существует только «я» – мое сознание. Скажут: «если так, то ничего нет; нет жизни или смысла ее». Это неправда. Жизнь в уяснении, а это уяснение может происходить только в мире временном и пространственном, к[оторый] сам в себе не имеет значения, но необходим для работы уяснения сознания. Магомет, кажется, сказал: Бог захотел не один испытывать бла[го] и сотворил людей.

Грустно, грустно, хочется плакать. 2-й час.

29 Ию.

Записать: 1) Как мы привыкаем креститься, произносить слова молитвы, так можно и должно привыкнуть любить и уважать людей. Благодарю Бога, недавно начал, а начинаю привыкать: делаю часто бессознательно. Помогите Бог! Как хорошо.

2) К Е[диной] З[аповеди]. – думать, что меня родила волшебница, к[оторой] я не вижу, а не мать, к[оторую] вижу, значит лишиться радости матер[инской] любви. А это самое делают люди, воображая себе Бога несуществующего, Бога– Творца всего мира и разных чудес, и потому не знающие своего истинного Бога, проявляющегося в любви.

Странное дело: вчера, 28-го, ничего не записал в дневник. Вчера после обычной прогулки почувствовал слабость и только дурно позаписал кое-что в Единую] З[аповедь]. Интересные письма, но не отвечал. От Ч[ерткова], ч[то] он придет. Послал ему телеграмму. Ездил верхом в Ломцы и оч[ень], оч[ень] устал и промок от дождя. За поздним обедом Сверб[еева], потом вечером играл в карты, Голицина. Зосья уехала. Смешно ее пристрастие ко мне. В роде ухаживания за человеком из-за его денег, когда человек знает, что у него их нет.

Нынче 29. Встал рано. Казалось, спал хорошо. Пошел гулять, хорошие мысли, нужные, но на половине прогулки ослабел, насилу дошел. И дома ничего не мог делать путного. Поправлял Е[диную] З[аповедь]. От Ч[ерткова] известие, что он не придет. Это лучше. Слабость всё хуже и хуже. Спал днем от 2 до 4-го часа. Теперь 5-й, встал и все-таки слаб.

30 Ин.

Вчера вечер ничего не делал. Прошелся. Немного свежей. Сегодня хорошо спал. Ч[ертков] приезжает. Поеду в час. Гулял. Написал новую главу о чудесах недурно. Хорошие письма от мужиков и Молочн[икова]. Письмо Александра. Записать:

1) Кажется, старое: истинное знание только одно: знать, как жить. Люди же знают оч[ень] многое, а не знают это и даже думают, что этого нельзя и не нужно знать. Ненужное знание забивает им головы и мешает знать то, ч[то] нужно.

2) Чудеса нужны тем, у кого нет разумной основы для веры.

3) При вере в любовь просить не о чем. Надо только делать.

3 Июля.

Два дня пропустил. 30 Июня. (Зачеркнуто: писал чуть-чуть Е[диную] З[аповедь] и, кажется, письма.) Поехал к Ч[ерткову]. Радостное свидание с ним. Вечером опять к нему. – I и Ю[л]я. Утром писал оч[ень] недурной ответ крестьянину об образовании. Не кончил еще. Поехал на ярмарку. Хорошо б[ыло], но ожидал большего. Вечером к Ч[ерткову]. Опять хорошо очень было. Он сделал замечания об Е[диной] З[аповеди] верные. – 2 и Ю[л]я. Страшно слаб. Чуть-чуть приписал к «0 науке» и ничего не делал. На душе недурно. Отложил отъезд. Как нарочно, вчера играла со мной в карты воспитанница Сухотина, директриса гимназии, с белыми руками, сытая, хорошая, выхоленная крестьянская сирота, к[оторой] дали образование...

Нынче встал рано, слаб, но хочу все-таки поехать.

Записано что-то, чего не могу ни разобрать, ни вспомнить.

5 июля [я. п.]

Поехал 3-го, как решил. Был у милого Абрикосова. Таня провожала до Мценска. Поехал в 3-м классе, и оч[ень] приятно- жандарм и переселенцы. Те люди, с к[оторыми] обращаются, как с скотиной, а к[оторые] одни делают жизнь и историю (если она кому-нибудь интересна). Дома хорошо. Саша всё такая же и хорошая. – Вчера, 4. Читал кучу писем. – Есть хорошие. Ездил к Гале проститься. Писал О Науке немного. После обеда пришел мил[ый] Николаев. Хорошо говорили, и поправил по его совету места в «Неизбежном Перевороте». Здоровье не дурно. На душе оч[ень] хорошо. Хочет[ся] обращаться к Богу, и все не наход[ил] обращения. Нашел наилучшее: благодарю, благодарю и благодарю за великое благо жизни. Проснулся в 5 и много думал обо всем – что и плохо.

Записать:

1) Самый трудный, критический возраст – это когда человек перестает телесно расти, сильнеть... я думаю, около 35 лет. Развитие, рост тела кончается, и должно начинаться развитие, рост духовный. Большею частью люди не понимают этого и про- должны заботу о росте телесном, и ложное взятое направление бывает губительно.

2) Не могу не удивляться, зачем Бог избрал такую гадину, как я, чтобы через нее говорить людям.

8 июля.

Третьего дня, 6-го. Не помню; кажется, поправлял немного о Науке. Ходил по саду. Ничего больше не помню. На душе хуже. Но не падаю. Ив[ан] Ив[апович] милый б[ыл], хорошо говорили. Вчера совсем ничего или почти ничего не писал. Ездил к М[арье] А[лександровне]. Олсуфьевы. Вечером Андрей. Мало борюсь с отвращением к нему. Хочу и буду бороться. Соня больна рукою. Олс[уфьевы] и Маша приятны. Читал Маше.

Нынче, 8-го, писал оч[ень] недурно. Да, забыл, вчера б[ыл] бестолковый разговорщик, я недобр был. – Ездил верхом один тихо. Сашины дела кончились. Стражника нет больше.

Нынче 11 июля.

Нынче оч[ень] хорошо доканчивал о Науке. Ездил с Оничкой к Чертковым. У нас Денисенки, к[оторые] мне оч[онь] приятны. Сейчас Леночка рассказала мне историю Веры. Я рад б[ыл] узнать.

Вчера тоже писал письма вечером, а потом О Н[ауке] и, главное, каже[тся], кончил Е[диную] З[аповедь] и письма.

Третьего дня помню только, что ездил верхом. Не помню. Устал. Решил ехать в Штокгольм. На душе хорошо.

12 июля.

Оч[ень] мало спал. С утра дурно обошелся с глупым малым, просившим автограф. Два раза начинал говорить с ним серьезно, оба раза он перебивал меня, прося «на память». Вчера вечером б[ыло] тяжело от разговоров С[офьи] А[ндреевны] (Зачеркнуто: и др[угих]) о печатании и преследовании судом. Если бы она знала и поняла, как она одна отравляет мои последние часы, дни, месяцы жизни! А сказать и не умею и не надеюсь ни на какое воздействие на нее каких бы то ни было слов.

С утра до кофе взялся за О Науке и поправил, но весь вышел. Усталость мозга. Утром в постели записал кое-что для конгресса.

Записать:

1) Думал о старом вопросе: свободе воли. Думал вот что: Если бы кто хотел сомневаться в том, что в человеке есть... Нет, не могу писать. Голова слаба.

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Может быть, после.

2) Записано так: Сначала жутко отрешиться от мнения людского так, чтобы ложное, унижительное о тебе мнение людей не трогало тебя, – жутко и одиноко, но если удастся осилить, поставить всё перед Богом в себе, перед своей совестью, как твердо, непоколебимо, свободно. Юродст[во] великое дело.

Было 7 посетителей: юноша с сочинениями, потом совсем сочинитель, умный, Новиков. После обеда поехал к Ч[ертковым], читал там О Науке. Приятные разговоры о прочитанном. Записать нечего и некогда.

13 Июля.

Встал слабый. Но работал О щауке] недурно. Гулял слабый. Вечером Николаев, Голденв[ейзер]. Сон лучше.

14 Июля.

Встал слаб. Кое-что записал ночью. Опять всё утро занимался письмом О Науке. Всё это не совсем кончил. Ездил с Оничкой в засеку. Очень приятно. Заснул. Встал оч[ень] слабый. Соне хуже. Много думал – не важного, но хорошего, даже очень. Теперь 9-й час. Записать:

1) И самое главное: Не могу отделаться от заботы о сужд[ении] людей. А как только есть эта забота, нет заботы о душе. Нынче несколько раз ловил себя на этом. И всякий раз, как только вспоминал, сознавал свой грех, думал о том, как бы только не переставая быть с Богом, т. е. любить всех, так сейчас и хорошо. Так б[ыло] нынче утром с бабочкой с ребенком – просила на бедность, плачет, говоря, что несет последний расстегай продавать, и показывает узел с расстегаем, а ребеночек миленький, веселенький, хлопает ручонкой по узлу и смеется. И так мне хорошо, трогательно это было, и я так хорошо полюбил ее, и так свободно на душе стало. Другой раз на езде верхом тоже что-то неприятно стало от мысли о нелюбви ко мне людей, вспомнил то, ч[то] я люблю их – и сейчас радостно. Тоже в слабой степени бы[ло], когда вернулся – и 5 оборванных просителей. Вспомнил – и хорошо стало.

2) К Штокгольму: Начать с того, чтобы прочесть старые, а потом новые письма отказавшихся. Потом сказать, ч[то] всё говорилось здесь оч[ень] хорошо, но похоже на то, что мы, имея каждый ключ для отпора двери той палаты, в к[отор]ую хотим взойти, просим тех, кто спрятались от нас за непроницаемой дверью, отворить ее, а ключи не прилагаем к делу и учим этому и других. Главное, сказать, что корень всего – солдатство. Если мы берем и учим солдат убийству, то мы отрицаем все то, ч[то] мы [можем] сказать в пользу мира. Надо сказать всю правду: Разве можно говорить о мире в столицах королей, императоров], главных начальников войск, к[отор]ых мы уважаем так же, как французы уважают M-r de Paris [палача.]. Перестанем лгать – и нас сейчас выгонят отсюда.

Мы выражаем величайшее уважение начальникам солдатства, т. е. тех обманутых людей, к[отор]ые нужны не столько для внешних врагов, сколько для удержания в покорности тех, кого мы на[си]луем.

3) Мы познаем Бога в трех видах: а) в Нем самом, б) в самих себе и в) в ближних. Познавать Его в Нем самом значит познавать Его волю, чтобы исполнять ее. Познавать Его в самих себе значит познавать эту волю в любви. Познавать Его в ближнем значит любить ближнего, как самого себя.

1-5 Июля.

Проснулся рано и всё думал о молитве Соничке. Написал и послал, но нехорошо. Письмо от Ч[ерткова]. Занимался письмом о Науке. Приближаюсь к концу. Ездил верхом. И опять несколько раз и дома и на езде вспоминал, когда что-нибудь казалось неприятным, о том, ч[то] живу не перед людьми, а перед Богом, и тотчас же проходило. Как, однако, глубоко засела в меня забота о суде людском. Она теперь больше всего стоит на моем пути к Б[огу]. – (да, написал письмецо об устройстве общин.) Дошел, слава Богу, до того, что в мыслях один сам с собою могу побеждать заботу о суде людском сознанием жизни перед Богом, но не могу привыкнуть вспоминать это при всяком общении с людьми. Буду учиться и приучаться.

Иду обедать.

19 ил.

Четыре дня не писал. Все эти дни всё писал Письмо О Науке. Вчера, помню, б[ыл] Давыдов. Я ходил пешком. 17-го ездил верхом с Оничкой, был, кажется, Андрей. Вел себя хорошо – я. 16-го не помню. Нынче с утра ходил, хорошо думал. Придумал молитву при встрече с человеком: Помози, Бог, мне обойтись с этим проявлением тебя с уважением и любовью, думаю только о твоём, а не людском суде. И это хорошо помогает.

Вспомнил: вчера и третьего дня б[ыл] Павлов, приятель Александра. Письма от Александра], Молоч[никова], Калачева.

Нынче писал О Н[ауке], потом колпен[ские] мужики, потом милые юноши, рабочие из курсов Тиле. Хорошо поговорили. Ездил верхом. С[оня] всё так же хворает. Был с ней сначала тяжёлый, а потом хороший, умиленный разговор. Записывать есть что, буду завтра. 12-й час, ложусь спать.

20 Июля.

Вчера ночью получена телеграмма от Поповой, матери судимого, о том, что она едет. Нынче утром, проснувшись, стал думать о том, что я мог бы для нее сделать, и написал письмо Столыпину, кажется недурное. Чувство было хорошее. А теперь 1-й час дня, а ее всё нет. Как обыкновенно, утром ходил по лесу, молился. И нынче в первый раз включил в конец молитвы о соблазнах самое нужное: сознание греха и ослабления от заботы о суждении людей. Помози, Бог мой, при общении с людьми думать только о том, что мне перед Тобой одним надо делать. Трудно, но зато какая не только свобода, но могущество, когда достигнешь. Два дня читал понемногу Мечникова книгу и ужасался на ее легкомыслие и прямо глупость. Хотел написать не доброе. Нынче решил, ч[то] если напишу, то напишу любовное. Записать:

1) Тоскливое состояние – уныние; хочется помощи от Бога, от всемогущего Бога. И только одна помощь: отречение от себя и соединение с Ним. Тоска, уныние только от того, что ушел от Него, а вообразил себе, что ты – ты, Лев Толстой, а не то, что одно есть. (Не то.)

2) Вчера на молитве в первый раз с новой стороны понял слова: возьми крест твой на каждый день (Луки 9, 23). Особенно живо понял то, чтобы выше всего ставить сейчас, в настоящем, исполнять волю Его в себе. Тем-то и важна молитва – слова мудрости, что они способны иметь значение с разных сторон и потому с разных сторон воздействуют на душу и возвышают ее.

3) Первая мысль при известии о перелете Ламанша – как применить аэропланы к войне, к убийству.

Хотел здесь вписать пришедший в голову рассказ, да не осилю сейчас, здесь. Начну отдельно.

Кажется, что много, много дела. А это неправда. Одно дело – работа над собой, очищение, освобождение в себе своего божественного я. И эта работа и радостная, и не спешная, и всегда по силам, и всегда по мере того, как прилагаешь к ней силы, совершается и никогда не кончается. Всегда впереди возможность той же, но только всё более и более радостной работы.

Сейчас для Штокгольма перечитывал и письмо к шведам и Царство Божие. Всё как будто сказано. Не знаю, что еще сказать. Кое-что думаю, что можно и должно. Видно будет.

Читая же это свое старое писанье, убедился, что теперешние мои писанья хуже, слабее. И слава Богу, не огорч[аюсь] этим. Напротив: буду удерживаться от писанья. Другая, более важная и нужная работа предстоит мне. Помози, Бог мой.

21 Июля.

С вечера вчера С[офья] А[ндреевна] была слаба и раздражена. Я не мог заснуть до

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru 2-х и дольше. Проснулся слабый. Меня разбудили. С[офья] А[ндреевна] не спала всю ночь. Я пошел к ней. Это б[ыло] что-то безумное. Душан отравил ее и т. п. Письмо Стах[овича], про к[оторое] я должен б[ыл] сказать, п[отому] ч[то] она думала, что что-то скрываю от нее, вызвало еще худшее состояние. Я устал и не могу больше и чувствую себя совсем больным. Чувствую невозможность относиться разумно и любовно, полную невозможность. Пока хочу только удалиться и не принимать никакого участия. Ничего другого не могу, а то я уже серьезно думал бежать. Ну-тка, покажи свое христианство. C'est le moment ou jamais [Теперь или никогда.]. А страшно хочется уйти. Едва ли в моем присутствии здесь есть что-нибудь, кому-нибудь нужное. Тяжелая жертва, во вред всем. Помоги, Бог мой, научи. Одного хочу – делать не свою, а Твою волю. Пишу и спрашиваю себя: правда ли? Не рисуюсь ли я перед собой? Помоги, помоги, помоги. Вчера или третьего дня в первый раз по-новому и лучше, чем прежде, сознал свое отношение к Богу. А именно вот как:

Мало того, что «Бога никто не видел нигде», но и постигнуть Его не во власти человека. Как сказал кто-то: знаем закон и источник, причину закона, и не только причину закона, но причину моей жизни. Но какова эта причина не то, что не могу постигнуть, но знаю, что и не могу пытаться; хвалить, просить, каяться – всё это невозможно по отношению к Богу. Не то что Он не слышит этого, но это не подобающее Ему отношение, как если бы хотел сказать: козявка бы испытывала закон тяготения, просила бы, хвалила, каялась по отношению к движению небесных тел. Но это всё не то. Я в первый раз понял то, что есмь одно из бесконечно малых проявлений жизни по отношению к бесконечно великой жизни, и потому мое отношение одно: я есмь почти ничто, но я есмь по отношению Всего. Нет, нельзя или не умею выразить не то что понятие Бога, но своего отношения к Нему.

Записано одно:

Считать свою жизнь центром жизни есть для человека безумие, сумашествие, абберация.

22 ил.

Вчера ничего не ел и не спал, как обыкновенно. Оч[ень] было тяжело. Тяжело и теперь, но умиленно хорошо. Да, – любить делающих нам зло, говоришь. Ну-ка, испытай. Пытаюсь, но плохо. Всё больше и больше думаю о том, чтобы уйти и сдел[ать] распоряжение об имуществе. Попова не приехала, и хорошее письмо Столыпину осталось без дела. Теперь утро. Пришел с прогулки. Не зн[аю], что буду делать. Помоги, помоги, пом[оги]. Это «помоги» значит то, что слаб, плох я. Хорошо, что есть хоть это сознание.

Записать:

1) Насколько мой мизинец может сознавать себя – он может, когда я хочу сознавать его – настолько и я могу, когда Бог сознает себя во мне, сознавать себя. Но насколько мизинец не может понять всего тела, настолько я не могу понять Бога, к[оторый] сознает себя во мне.

23 Июля.

Записать:

Молитва тем особенно хороша, нужна, – но настоящая молитва, – что она поднимает челов[ека] на ту высшую духовную точку, на к[отор]ую он способен подняться – дает силу борьбы с плотью.

Боже мой, как я один, один, хотелось сказать, но вспомнил, что Ты со мною, и стыдно стало. Только тогда и хорошо, когда один с Тобю.

Решил отдать землю. Вчера говор[ил] с Ив[аном] Василье(вичем). – Как трудно избавиться от этой пакостной, грешной собственности. Помоги, помоги, помоги.

Писал вчера утром. В продолжении] дня ничего путного не сделал. Продиктовал пустые письма и диктовал заявление в конг[ресс] Мира (плохо очень). Ездил в Телят[инки]. Таня милая приехала. Милая, но все-таки чуждая, не до такой степени, как сыновья, но милая, ищущая близости, не борющаяся с истиной. Читал прекрасный рассказ о казнях. Оч[ень] мало спал и опять умиленно взволнован.

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Ходил много. Теперь 10 часов. Едва ли что буду работать. Записать:

1) Записано так: считать одну свою жизнь жизнью – безумие, сумашествие. Неверно. Этого не бывает. Сказать лучше: чем большую долю жизни признаешь в своей жизни, тем меньше и жизни; и наоборот. Да этого и нельзя. Нельзя п[отому], ч[то] то, что мы называем своей жизнью, есть божеское начало, одно и то же, живущее во всем. То, что мы называем состраданием, участием, любовью, есть только проявление в нас этого начала.

2) Мы говорим о бесконечности времени и пространства (а потому и величины предметов). В сущности же, это наше неизбежное признание бесконечности времени, пространства (величины) есть только признание призрачности всего временного, пространственного (великого, малого), т. е. что нет, собственно, нет никакой величины времени или пространства, п[отому] ч[то] всякая величина, год, миллион лет, вершок, миллиард километров – ничто, а/? . Время и пространство только дают форму духовному началу, дают жизнь, не жизнь, а возможность проявления духовн[ого] начала, в чем и состоит то, что мы называем жизнью.

3) Я дожил до того сознания, что я не живу, но живет через меня Бог. Это. звучит безумной гордостью, а между тем это, насколько это искренно чувствуется, есть самое настоящее смирение. Все мои гадости я не считаю собою, своей жизнью, я считаю своей жизнью только то, что в ней хорошо. Как ни мало этого, оно есть. И это малое не мое, а это Бог.

Все усилия, к[отор]ые я могу и к[отор]ые мне свойственно делать, только в том, чтобы открыть в свою душу доступ Богу, дать простор Его деятельности, подавив себя.

4) В то время, как мыслящие люди нашего времени заботятся о том, как бы освободиться от ответственности вообще и самой преступной – земельной собственности, у нас заботятся об утверждении чувства собственности. Вроде того, как если бы в половине прошлого века у нас заботились бы о том, чтобы укрепить, утвердить чувство рабовладения и рабства.

24 Июля.

Вчера, как и предвидел, ничего не работал. Кое-какие неважные письма. Приехали Гинцбург и Поссе. Поссе образец «интеллигенции». Кажется, хороший, даже наверно. Ездил с Оничкой. После обеда говорил с милой Таней – оч[ень] хорошо. Она указала мне на мой прежний грех – верно. Вечером дети и все веселились, плясали. С[оне] немного лучше, но она оч[ень] жалка. Вот где помочь, а не отворачиваться, думая (Написано: думаю) о себе. Спал немного. Все та же слабость и умиление. Думал много, но разбросанно. От Ч[ерткова] оч[ень] хорошее, радостное письмо. Записать:

1) Думал о том, что основа призрачности жизни в том, что мы называем движением. Основа призрачности – движение. Движение же включает в себя призрачность времени и пространства. Время, как я говорил, способность представлять себе два предмета в одном и том же месте; пространство возможность представлять себе два предмета в одно и то же время. Движение есть способность представлять себе переходы предметов из одного места в другой. Количество же мест, как для бесконечно малых, так и бесконечно великих предметов не может быть мыслимо [иначе] как бесконечным. А потому и количество переходов предметов из одних мест в другие не может быть мыслимо иначе, как бесконечным. Т. е., что движение то, без чего мы не можем мыслить, понимать, сознавать жизнь, есть только призрак такой же, как тот, когда тебе, стоящему неподвижно, тогда как всё со всех сторон равномерно бежит вокруг тебя, [кажется,] что всё стоит, а бежишь ты. Точно то же совершается и с основной сущностью человеческого «я». «Я», истинное я человека – вне движения, пространства и времени, но оно не может понимать жизни иначе, как в движении, и ему кажется, что мир стоит (хотя в нем, в мире, и происходит движение), но что движется он, развиваясь, стареясь, приближаясь к смерти и умирая; кажется, что он приходит и уходит, а мир остается. Всё это очевидная призрачность. Очевидная уже п[отому], ч[то] для того, чтобы б[ыло] движение, необходимо, чтобы было что-либо неподвижное, по отношению к которому и совершается движение. И такое неподвижное есть только одно: сознание своего вневременного, внепространственного, недвижущегося «Я».

Что же такое жизнь? Раскрытие, освобождение от затемнения, застилания это[го]

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
неподвижного я, от призрачности движения, пространства и времени.

Жизнь, как каждого отдельного существа, так и всего мира есть это освобождение, благо все увеличивающееся и увеличивающееся этого освобождения. Зачем? Для чего это так? Для чего нужен этот процесс освобождения, т. е. жизнь? Это не дано знать человеку. Одно, ч[то] дано знать ему, это то, что в этом благо, великое благо жизни. И знание этого, подчинение этому закону увеличивает это благо. (Устал и не дописал всего, что думал.)

25 Июля.

Сейчас проводил Денисенко. Дал молитвы и плакал, отдавая. Потом ходил навстречу лошадям. Сейчас, 9 ч[асов], вернулся и умиляюсь. Молюсь и радуюсь, радуюсь сознанием Бога-любви в своей душе. Полон ею. Благодарю всё, люблю всё.

Почитал «Круги». Потом начал писать для конгр[есса] мира. Лучше, но слабо. Попался томик франц[узских] моих писем. Оч[ень] хорошо переведено и хорошо по содержанию. Я, очевидно, стал умственно слабее. Надо не писать глупостей.

26 Июл.

Вчера приехал шурина Ал. Берс с семьей. Никак не мог удержать не выражения, но в себе отвращения. Дурно. Стал слаб в общении с людьми. Ездил немного верхом. Написал несколько ничтожных писем. Нынче спал хорошо, встал рано, записал кое-что не пустяжное, хотя и старое, но с новой стороны. Гулял, и все бы хорошо, да разболелся живот и болит и сейчас – два часа дня. – Ничего не ел и не пил кофе. Всё хуже и хуже. На душе хорошо. С[офья] А[ндреевна] уж говорила, ч[то] я ей обещал не ехать в Швецию. Здоровье ее лучше. Немного писал о войне и письмо франц[узское] Стыку. Мешает боль живота. Записать:

Когда я не сознаю себя, я живу животной жизнью; когда сознаю себя и делаю то, что решил в душе – живу человеческой жизнью; когда же сознаю жизнь других существ, любя их, живу божеской жизнью.

Да, это хорошее определение любви: Etre un home n'est rien; etre home est quelque chose; etre l'homme voila ce que m'attre. – Amiel. [Быть одним ну людей, это– ничто; быть человеком, это– нечто; быть вполне человеком вот то, что меня привлекает. – Амийель.]

Приехали к обеду сын Сергей и Бутурлин, и утром еще Маклакова. После обеда заговорил о поездке в Швецию, поднялась страшная истерическая раздраженность. Хотела отравиться морфином, я вырвал из рук и бросил под лестницу. Я боролся. Но когда лег в постель, спокойно обдумал, решил отказаться от поездки. Пошел и сказал ей. Она жалка, истинно жалею ее. Но как поучительно. Ничего не предпринимал, кроме внутренней работы над собой. И как только взялся за себя, всё разрешилось. Целый день болел живот. Письма ничтожные. Интересный разговор с Бутурлиным. Ив[ан] Ив[анович] всё растет и всё ближе и ближе мне.

27 Июля.

Спал мало, но встал без боли. Ходил гулять, молился и умилялся до слез от внутренней радости и благодарности. И теперь есть отзвуки этого чудно[го] чувства. Вернулся. Написал письмо Мечникову и французское Стыку. Немного поправил шведское. Записать:

1) Кроме других хороших последствий от осуждения людей, клеветы, ругательств, самое благодетельное последствие то, что всякие осуждения, ругательства, особенно клеветы отдаляют от заботы о суждении людском и невольно приближают к заботе о суждении своей совести, о суде Бога.

28 Июля.

Записано ночью под 29-е. (Запись от 28 июля 1909 г. была сделана Толстым в Записной книжке. В Дневник вложена машинописная копия с этой записи (4 лл.)).

Есть на свете такие существа, которые живут все от произведений земли, но для того, чтобы им было как можно труднее кормиться, они землю свою разделили так, что пользоваться ею могут только те, кто не работает на ней, те же, кто

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru работают, не могут пользоваться ею и страдают и мрут поколения за поколениями от невозможности кормиться с земли. Кроме того, существа эти избирают по одному семейству или по нескольким из многих и отказываются от своей воли и разума ради рабского повиновения всему тому, что захотят делать над ними эти избранные. Избранные же бывают самые злые и глупые из всех. Но существа, избравшие и покоряющиеся, всячески восхваляют их. Существа эти говорят на разных языках, непонятных друг другу. Но вместо того, чтобы стараться уничтожить эту причину недоразумения и раздоров, они еще разделяют сами себя, независимо от различия языка, еще на разные соединения, называемые государствами, и из-за этих соединений убивают тысячи и тысячи себе подобных и разоряют друг друга. Для того, чтобы они могли удобнее разорять и убивать друг друга, существа эти надевают особенные, одинаковые, большей частью пестрые одежды, придумывают средства убивания друг друга и обучают повинующихся многих одному наилучшим способам убийства.

При этом существа эти для объяснения своей жизни, смысла и назначения ее, уверяют себя и друг друга, что есть такое же, как они, существо, но только одаренное теми свойствами, которые они желали бы иметь, могущее поэтому делать всякого рода глупости и гадости, и придумывают разные, самые ненужные никому средства, как угождать этому воображаемому существу, и тратят на это угождение огромные доли своих трудов, хотя трудов этих не достает большей частью для прокормления самих себя. Для того, чтобы эта выдумка не перестала обманывать детей, родители старательно обучают своих детей всем выдумкам об этом существе, называемом Богом, о том, как он сотворил мир, как он сделался человеком, как потом дал есть людям свое тело и потом улетел па небо, которого они знают, что нет никакого, и тому подобное. И не только от своих детей требуют, чтобы они повторяли всё это, но требуют того же от других людей и убивали и убивают за несогласие с этим сотни тысяч себе подобных.

Но мало того, что они все делают все эти гадости и глупости и страдают от них и знают, что страдают именно от этих гадостей и глупостей, они не только продолжают их делать, но избирают из себя людей, которые обязаны придумывать такие рассуждения, по которым бы выходило, что все эти глупости и гадости необходимо нужно делать, нельзя не делать. Все эти рассуждения, самые запутанные и никому непонятные, менее всего тем, кто их придумывают, называются у них наукой. И все эти оправдания гадостей и глупостей и разные ни на что не нужные умствования считаются самым важным делом, и этим умствованиям обучают всех детей, и все родители и сами юноши за великую честь почтут учиться этой науке.

Разводятся же эти существа таким грязным, отвратительным, уродливым поступком, что сами же стыдятся этого поступка и не только не совершают его при других, но всегда тайно. – Притом последствия этого поступка – рождение новых таких же существ – не только мучительно для того рода существ, из утробы к[отор]ого выходят новые, беспомощные в начале своей жизни существа, но и в высшей степени затруднительны для тех, кто производит их, и они тяготятся ими. Кроме того, неперестающее размножение этих существ угрожает бедствиями голода для всех, так как расплощение их идет быстрее, чем люди могут успеть готовить для всех пищу. Существа эти знают всё это, говорят про это и, несмотря на это, не только совершают в ущерб своей выгоды, здоровья, общих соображений, всегда, когда только могут, этот отвратительный поступок, но еще и всячески возвеличивают его. Одни восхваляют его в несвязных, запутанных словах, называемых поэзией, другие не только восхваляют, но благословляют этот мерзкий поступок во имя того выдуманного существа, к[оторое] они называют Богом.

Не буду говорить о тех миллионах глупостей и гадостей, которые делаются этими существами: как они отравляют себя ядом, считая это удовольствием; как собираются в самые зараженные ими же самими места в огромном количестве в среде незанятых огромных пространств земли, строят в одной местности дома в 30 этажей; или как, не заботясь о том, как бы им всем лучше передвигаться, заботятся о том, чтобы только некоторые могли ездить, летать как можно скорее; или как набирают слова так, чтобы концы были одни и те же, и, составив вместе, как потом восхищаются этим набором слов, называя это поэзией; или как набирают другие слова без окончаний, но такие же глупые и непонятные, называют их законами и из-за этих слов всячески мучают, запирают в тюрьмы и убивают по этим законам друг друга. Да всего не перечтешь. Удивительнее же всего при этом то, что существа эти не только не образумливаются, не употребляют свой разум на то, чтобы понять, что глупо и дурно, а напротив, на то, чтобы оправдывать все свои глупости и гадости. И мало того, что не хотят сами видеть мучающих их глупостей

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru и гадостей, не позволяют никому среди себя указывать на то, как не надо делать то, что они делают, и как можно и должно делать совсем другое и не мучиться так. Стоит только появиться такому, пользующемуся своим разумом существу между ними, и все остальные приходят в гнев, негодование, ужас и где и как попало ругают, бьют такое существо и или вешают на виселице, или на кресте, или сжигают, или расстреливают. И что всего страннее, это то, что когда они повесят, убьют это разумное, среди безумных, существо, и оно уже не мешает им, они начинают понемногу забывать то, что говорило это разумное существо, начинают придумывать за него то, что будто бы оно говорило, но чего никогда не говорило, и когда всё то, что говорено этим разумным существом, основательно забыто и исковеркано, те самые существа, которые прежде ненавидели и замучили это, одно из многих, разумное существо, начинают возвеличивать замученного и убитого, даже иногда, думая сделать этим великую честь этому существу, признают его равным тому воображаемому злumu и нелепому Богу, которого они почитают.

Удивительные эти существа. Существа эти называются людьми.

1) Всё зло оттого, что люди, извращая мысль, заставляют ее служить своей выгоде.

2) Никакие восстания, бунты, союзы не сделают одной тысячной того, что может сделать воздержание хотя бы от двух дел – потребления водки и поступления в войск[о].

3) Ты говоришь человеку ясное, простое, казалось бы, нужное и обязательное для каждого человека, он ждет только, скоро ли ты кончишь. А когда ты кончил, отвечает хитроумными рассуждениями, очень искусственно связанными с вопросом. Ты удивляешься, что это такое. Человек, интересующийся всякими знаниями и способный понимать, человек, знающий математику, прекрасно решающий шахматные задачи – и вдруг такое непонимание. Отчего это? А оттого, что он чувствует, что твоя мысль, признавая неправильным его положение, разрушает то положение, которым он дорожит больше, чем правдивостью мысли. И от этого он не понимает, не хочет понять то, что ты говоришь.

В этом одном объяснение всех царствующих нелепых, называемых науками, рассуждений. Все от того, что люди все разделяются на два рода: для одних мысль управляет жизнью, для других – наоборот. В этом ключ к объяснению безумия мира.

29 Ил.

Вчера не писал. Третьего дня вечером много народа: Сергей, Раевский, Голденв[ейзер]. Неприятный спор с Сергеем. Разумеется, кругом виноват я. Говори[л] ему неприятности. Вчера почти не спал. Ночью написал в дневник представление о людях и их жизни. Делать ничего не делал. Началось опять мучительное возбуждение С[офьи] А[ндреевны]. Мне и тяжело и жалко ее; и слава Богу, удалось успокоить. Приехала Машенька, очень приятно. Нынче ничего не дел[ал]. Шведскую речь начал, но не пошло. Есть что записать, но некогда. Иду завтракать.

30 Ил.

Вчера ездил верхом в Колпну и к Черт[ковым]. Был в дурном духе сердился даже на лошадь. Вечером Голденв[ейзер]. Разговор с С[офьей] А[ндреевной]. Как будто лучше. Записать о музыке.

В новой, господской музыке вошло в употребление украшение, состоящее в том, чтобы, перебив ритмическое выражение мелодии, делать антимилодические и антиритмические отступления, самые чуждые мелодии, и потом, чтобы rehausser [возвысить, усилить] прелесть мелодии, из этих отступлений возвратиться к мелодии. Со временем же стали в этих отступлениях полагать смысл музыки. Нынче оч[ень] хорошо спал, приехал корреспондент Спиро. Я дал ему сведения и закончил статью (Зачеркнуто: до[клад]) на конгресс. Гусев удивительно хорошо изложил О Науке. Прочел Бутурлину из дневника. Разговор с С[офьей] А[ндреевной], как всегда, невозможный. Теперь 2 часа, поеду верхом.

1 Августа.

(Ездил третьего дня в Колпну.) Ошибся. Кажется, никуда не ездил. Вечером Бутур[лин] и Голденвейз[ер]. Вчера переводил конгресс и ездил верхом с Сашей.

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Вечером прочел вслух Речь конгр[ессу] –нехорошо. Нынче поправил. Лучше. Оч[ень] тяжело. Должно быть, даже наверное, сам виноват. Нынче лучше. Всё не раздумал план. Проводил Бутурлина. Много ходил. Теперь 4-й час. Кажется никуда не поеду, похожу. На душе гораздо лучше. Вчера хорошее письмо. (Да, забыл, вчера были ругательные письма за то, ч[то] С[офья] А[ндреевна] отказала дать книги (Зач.: в Думу). И к стыду своему, мне было оч[ень] больно.) Записать:

1) Несмотря на мое ясное понимание Бога не познаваемого, а только сознаваемого в себе, мне часто хочется Бога личного, такого, какому можно бы молиться. Это слабость, привычка и вместе с тем естественное желание общения с Богом такого же, как общения с человеком, хотя этого-то и не может быть. Желание это естественно сильно. Для того же, чтобы удовлетворить ему, нужно верить, ч[то] Он есть именно такой, каким бы я хотел, чтобы Он был, т. е. личным существом, с к[оторым] я мог бы общаться не неразрывно внутренне, как это есть в действительности, а внешним общением, как с отдельным существом. Для того, чтобы мочь так общаться, нужно верить, что Он есть отдельное существо; а чтобы верить этому, надо доказательство. Доказательством таким может быть только чудо, показывающее и Его отделенность от меня, и Его существование, как отдельного от меня существа. И потому, чтобы верить в личного Бога, нужны чудеса. Чудес нет, надо верить в предания о чудесах или воображать себе чудеса. Это и делают так называемые верующие. Те же, к[оторых] называют атеистами, требуют для веры в Бога также чудеса, но, будучи критически трезвы в мыслях, не верят в чудеса прошедшего, не видят чудес в настоящем и потому не верят в Бога, а верят только в то, ч[то] познается внешними чувствами.

И те, и другие: верующие в Бога вследствие веры в чудеса и не верующие ни в какого Бога одинаково заблуждаются, п[отому] ч[то] одинаково не признают того единого, несомненного Бога, Бога в себе, Бога, требующего добра, Бога, выражаемого законом совести, по Иоанну – любовью. А не веря в этого Бога, не верят и в это проявление Его. И не имея несомненного основания нравственности, одни основывают ее на букве, другие на науке.

2) Как ни странно это кажется, самые твердые, непоколебимые убеждения, это самые поверхностные. Глубокие убеждения всегда подвижны.

3) Как удивительно верно изречение Иоанна – Бог есть любовь, т. е. Бог есть то высшее, что есть в нас.

4) Не понимают люди истину и придумывают странные софизмы для того, чтобы иметь возможность не принять ее, или для того, чтобы отстоять свое положение, или для того, чтобы не признать даром и вредно потраченным временем всю прежнюю деятельность.

5) Пока живешь, не спрашивая: кто, что живет в тебе, живешь как животное. Но как только спросил себя и узнал в себе то, чем живешь, узнал в себе То, что живет во Всем, так познал и любовь и Бога.

4-й час, пойду походить.

2 Авг.

Вчера ходил по дождю d'une humeur de chien [в собачьем настроении.]. Худого не сделал, но на душе не хорошо, нет любви по чувству. Вечер сидел со всеми. Нынче проснулся в 5 и думал хорошо. Об истинной вере в Бога, той, при к[отор]ой не нужно чудес и не интересна природа и ее изучение. Потом думал о Конгрессе и записал не одеваясь. Потом походил, написал два письма крестьянам. Прочел письма. Пришла С[офья] А[ндреевна], объявила, что она поедет, но всё это наверное кончится смертью того или другого, и бесчисленные трудности. Так что я никак уже в таких условиях не поеду.

Не только по вечерам, но с утра хочется умереть. Читал чудный день Кр[уга] Чт[сния] о Боге, и так хочется жить вне этой суеты, этого сансара, со всех сторон заливающего. Записать, казалось, много было, но теперь не помню. Одно знаю, что запуталось всё, и я не умею распутать любовью. А нужно, и можно, и должно. Постараюсь. Помоги, помоги. Да, записать:

1) Ищешь помощи у внешнего Бога. Совершенно то же, что делает (Зачеркнуто: капризная) истеричная женщина, воображающая, что она не может встать и подойти к

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
пище, и умирает с голоду, призывая к себе пищу. А ей нужно только встать и
притти к ней. (Нехорошо по форме. Мысль нужна и хороша.)

2) О, как избавиться, как избавиться от славы людской. Это какая-то дыра в
сосуде, и ничто не держится на нем, а сколько могло бы быть хорошего.

3) Общество женщин полезно тем, что видишь, как не надо быть похожим на них.

Приехали Денисенки. Я чувствую странную слабость. Теперь лучше, без К 4,
проедусь немного.

5 Авг.

Прошло два дня незаписанных. Вчера вечером приехали разбойники за Гусевым и
увезли его. Очень хорошие были проводы: отношение всех к нему и его к нам. Было
оч[ень] хорошо. Об этом нынче написал заявление (Зачеркнуто: ст[атью]). Пропасть
писем. Много просительных, прекрасные письма Александра. Теперь скоро час.
Вчера, 4-го, исправлял «Конгресс» и, кажется, почти хорошо. Ездил с Оничкой
верхом. Читал всем Ед[иную] Зап[оведь]. Оничка понимает. Третье[го] дня, 3-го.
Приехала Вера. Ездил верхом с Он[ичкой] далеко в засеку, плутал. Утром тоже
«Кон[гресс»]. Вот и всё. Записать: Нынче думал:

1) Хорошо, нужно помнить ничтожность своего «я» – ничтожность в настоящем
смысле, т. е. что «я» телесное есть вполне ничто, а/? или ноль. Только я
духовное есть нечто орган (Ударение Толстого) чего-то. Нынче, гуляя утром,
особенно ясно понял эту ничтожность-ничтожность и по пространству... бесконечно
малой козявки среди бесконечно великого мира, и по времени – вся 80-летняя жизнь
– момент, к[отор]ый есть что-нибудь, только когда живешь моментом настоящего.
(Не хорошо высказал.)

2) Говорят: не думай о смерти – и не будет смерти. Как раз наоборот: не
переставая помни о смерти – и будет жизнь, для которой нет смерти.

3) Отчего ксантипы бывают особенно злы? А от того, что жене всегда приятно,
почти нужно осуждать своего мужа. А когда муж Сократ или приближается к нему, то
жена, не находя в нем явно дурного, осуждает в нем то, что хорошо. А осуждая
хорошее, теряет la notion du bien et du mal [познание добра и зла]-и становится
всё ксантипистее и ксантипистее.

С[офья] А[ндреевна] готовится к Стокгольму и как только заговорит о нем,
приходит в отчаяние. На мои предложения не ехать не обращается никак[о]го
внимания. Одно спасение: жизнь в настоящем и молчание.

8 Авг.

Опять прошло два дня. 6 Авг[уста] б[ыл] важный день. Я, как обыкновенно, гулял,
потом сел за работу «О войне», пришла С[офья] А[ндреевна] и объявила, ч[то]
конгресс отложен. То же сообщил и А[лександр] Стахович. Говорил с ним, и его
самоуверенная, развязная и добродушная ограниченность раздражают мне. Вел себя
дурно, слушал себя. Важное-то было не 6-го, а 5-го вечером. Приехали полицейские
за Гусевым и увезли его в тюрьму, а потом в Чердынь. Всё это прошло оч[ень]
хорошо. И он держал себя хорошо, как это и свойственно ему, и все высказали ему
заслуженную им любовь и уважение.– Ст[ахович] приехал уже на другой день. Тот
день, в к[оторый] уезжали Денисенки. Я ездил с Сашей верхом. Дома Миташа. Он
умен, но Ст[ахович] несносен. Я б[ыл] оч[ень] мрачен. 7-го, вчера. Вернувшись с
прогулки, застал двух: один юноша, другой грузин полити(ческий), возвращающийся
из ссылки. Сначала принял холодно. Разговорился и, слава Богу, полюбил. Юноша
сказал мне, что меня обвиняют за то, что я отдал имущество фиктивно семье. Это,
к стыду моему, огорчило меня, хотел просить кого-нибудь написать об этом. Плох
я, забываю, что жизнь только перед Богом и в себе и вне себя. Потом dokonчил О
войне и О Гусеве. О Гусеве плохо, но пошлю. Ездил верхом. Вечером сидел со
всеми. Физически дурное настроение. Вел себя не совсем хорошо, но и не дурно
совсем. – Записать:

1) Не люблю я говорить с людьми, к[отор]ые, слушая вас, делают вид, что они
знают то, ч[то] вы скажете, и вперед соглашаются с вами. Мы, мол, понимаем друг
друга, и всё. Крестьяне свои почти всегда слушают и говорят так.

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
2) Любовь к себе – своему телесному я и ненависть к людям и ко всему одно и то же. «Люди и всё не хотят меня знать, мешают мне, как же мне не ненавидеть их?»

3) Наша вся жизнь подобна сновиденью одной ночи, в к[отор]ом забыто всё, что было до этого сновидения.

10 Авг.

Вчерашний день пропустил, а он б[ыл] интересный. Утром ничего особенного не делал. Гулял, но немного, б[ыл] слаб. Перед обедом привезли Гусева. И я не мог удержаться от смеха, как допускали к нему Сашу, Душана и М[арью] А[лександровну] по одиночке. Он оч[ень] взволнован (Зачеркнуто: бедный), но хорошо. Нынче с утра пришел Засосов, крестьянин, ездивший к духоб[орам] и теперь отказывающийся от воинской повинности. Оч[ень] мне понравился. Помогите ему Бог (в нем). Я ничего не писал, кроме письма, продиктованного Саше. Было одно письмо грубо ругательное. С точки зрения распространения истины – радостно, а просто по душе грустно, – за что и зачем ненавидят. Записать:

1) Оч[ень] важное и старое, но в первый раз ясно понятное: то, что для того, чтобы жизнь б[ыла] радостна (чем она должна быть), надо (точно, не на словах, а на деле) полагать свои цели не в себе, Льве, а в делах любви, и дела любви все всегда вне меня в других. Я в первый раз понял, что это можно. Буду учиться.

2) Вся наша жизнь, все интересы нашей жизни в предметах, находящихся известное время в известных состояниях. Сами же предметы различны по занимаемым ими в пространстве местам, а пространство бесконечно, и потому все предметы равны, т. е. ничто по отношению к бесконечности пространства, а/?. То же и с временными состояниями предметов, они все ничто по отношению к бесконечности времени. Так что то, что понимаем как бесконечность и называем бесконечностью, есть ничто иное, как только признак иллюзорности, недействительности всего вещественного и личного в нашей жизни.

(Обе важны, особенно первая.) :

Лежу в постели, нездоровится. Прекрасные воспоминания Черткова. Саша проводила Гусева в Туле.

11 Авг.

Утром получена телеграмма, что статья о Г[усеве] будет напечатана.. Потом телегр[амма] от Matin о Гусеве же. Читал Канта, думаю всё о движении и веществе, пространстве и времени. Ездил верхом в Ясенки. Здор[овье] получше, иду обедать. Был милый юноша, идущий в Иерусалим, и еще раз Засосов, оч[ень], радостное впечатление.

12 Авг.

Встал оч[ень] рано, совсем здоров. Вчера еще появилась моя статья почти полностью. Утром хорошо думал и дома и на прогулке. Немно[го] читал Канта. Получил письма скорее неприятные. От социалиста Ант[онова] и Великанова. Зато и хорошие, трогающие меня очень. Набросал ответы. Слава Богу, отменил письмо об отдаче имущества, – как бываешь слаб временами! Хорошо, что есть в молитве: радуйся, что тебя ругают. Вспомнишь – и совсем другое чувство. Ложное осуждение – да и истинное – только загоняет в ту область, где есть общение только с Богом. И как легко, как хорошо! Кажется мне, что мне открылось нечто оч[ень] важное. Сейчас запишу. Сначала неважное:

1) Раздражаешься, сердисься на себялюбие людей. А вдумайся – и их можно только жалеть: они лишены величайшего, несравненного ни с чем блага сознания в себе того, что всегда свободно, всегда радостно, всегда вне времени и стеснений вещества.

2) Испытываю нынче, 12 Ав[густа], необычайное умиленно радостное, благодарное, любовное ко всем чувство. Неужели это от того, что б[ыло] желчное состояние перед этим? И то хорошо. Всё уравнивается, и всё благо. – Говорят, нельзя насильно любить. Правда, что бывают такие телесные состояния (желчь), когда это особенно трудно. Но и в такие времена, если поставить свою жизнь в увеличении любви, по крайней мере не даешь ходу своей недоброте и борешься. Зато какая

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
радость, когда, как теперь, и просто хочется всех любить, и знаешь, что в этом всё дело жизни. Любовь в квадрате. Никогда не испытывал такого радостного чувства, как нынче.

3) Теперь самое важное (таким мне кажется). Я сознаю себя Всем, вместе с тем отделенным от Всего. И жизнь моя (и всех существ) есть разрушение того, что отделяет.

Тайна жизни моей, всякого человека, даже существа, в сознании отделенности в себе того, что по существу своему одно во Всем.

Для того, чтобы человек (и всякое существо) мог сознавать свою отделенность от Всего, нужно, чтобы он сознавал себя в движущемся веществе. Вещество без движения ничто, а также и движение без вещества. Вещество можно представлять себе только в бесконечном пространстве и движен[ие] только в бесконечн[ом] времени. Бесконечность того и другого показывает их иллюзорность, воображаемость. Отделенность существ есть одно из проявлений. Чего? Зачем? Не дано знать. Человек знает только то, что он всё и вместе с тем отдельное существо. Знает, что то чувство любви, к[оторое] он сознает к себе, а потом ко Всему, есть та единая основа, к[отор]ая составляет его жизнь, отделенная от Всего.

13 Авг.

Вчера прочел свою статью. Приехали Стах[ович] А[лексан]др и Струве. Мало интересны и тяжелы, особенно Струве. Чита[л] им напрасно «О Науке» и напрасно говори[л]. Нынче оч[ень] мало спал и слаб. На душе не дурно. Напряженно работаю над собой, чтобы жить только перед Богом. Можно. Гулял. Ничего не писал. Теперь 12-й час. Записать:

1) Неделание (по Лаотзе) уже по тому важнее делания, что делание большей частью вне, а неделание всегда в нашей власти. – Все несомненные заповеди, как заповеди: Не убий, не укради, не лги, не прелюб[о действуй], всегда отрицательные. Положительные заповеди могут относиться только к духовной, всегда свободной деятельности: Люби, желай другому, чего себе... Неделание же Лаотзе вытекает из его веры (метафиз[ической] основы, говоря скверным словом), веры в то, что Тао и в небе и в человеке, или что есть Бог сам в себе и в человеке. Учение Лаотзе в том, чтобы не делать, т. е. не делать того, чего хочет в тебе человек, а предоставить живущему в тебе Тао Богу делать через тебя то, чего Он хочет.

Сейчас 12 ч[асов], берусь за пришедшие письма.

14 Авг.

Вчера писем не б[ыло] интересн[ых] особенно. Студент хочет служить распространению христианства... Оч[ень] слаб был. Ездил немного верхом. Вечер вел себя довольно хорошо, но отвратительно поступил с красноречивым просителем: вместо [того], чтобы пойти (а я играл в шахматы) и поговорить с ним по душе, я холодно отказал ему. Слава Богу, нынче вспомнил – и стыдно, и гадок сам себе. Помоги мне, помоги мне.

Проснулся рано, мало спал и думал.

1) Человек, поднявшийся до религиозного сознания, т. е. до признания себя существом духовным, и человек нерелигиозный говорят на разных языках [х] и не могут понимать друг друга.

2) (казавшееся оч[ень] важным.) В минуты и слабости и силы я люблю говорить: Г[оспо]ди, помоги... И думаю, что никто не слышит меня, а все-таки говорю. И мне пришло в голову: если отношение Начала всего ко мне подобно моему отношению к частям моего тела, так что я могу по своей воле сознавать ту или другую часть своего тела, почему не вообразить, что как я могу, когда захочу, внести себя, свое сознание в свою руку, ногу, палец, так и То, у чего я прошу помощи, может, если захочет, внести Себя, Свое сознание в частицу Себя, в меня, в мою заключенную в тело душу? (Всё это фантазия, но приятная.)

Если это так, то как страдание одной части моего тела вызывает сознание этой

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru части, так точно и страдание мое, всего «я» моего существа вызывает сознание Богом моего «я». Так как же не желать страдания?

(Нет страдания.) Не выходит. Подумаю. Сейчас 11-й час. Жду почты. Оч[ень] слаб. Не могу да и не хочу работать.

15 Авг.

Вчера вечер – скучно. Нынче, посоветовав Машеньке ехать к обедне, встал в 6 и ездил к попу. Чудное утро. Как много мы теряем, просыпая утра. Читал Новую философию. Как искусственно, ненужно. Получил письма, и опять от Великанова, и опять тяжело. За что? Письма от Гусева. Ему б[ыло] тяжело. Ездил верхом с Зосей. Грустно. Особенно гадкого ничего. Иду обедать. Ничего не писал. Даже записать нечего.

16 Авг.

Оч[ень] скучно б[ыло] весь вечер. Так я далек от того, чем живут все окружающие меня. Приходили два рабочие, зажиточные, интеллигентные, социалисты. Страшное самомнение и ограниченность. Ничего своего – нет человека, есть член партии. После разговора с ними пришел к давно напрашивавшемуся и только теперь уяснившемуся выводу. Есть два сорта людей: у одних людей мысль связана с жизнью. Хочешь не хочешь, надо делать то, чего требует мысль, и нельзя продолжать спокойно делать то, что противно мысли: мысль руководит жизнью. У других снят с махового колеса передаточный ремень, и мысль (большей частью чужая) сама по себе, и жизнь сама по себе. Двигатели же жизни таких людей: животные похоти и слава людская. – Доказывать этим людям то, что противно их похоти и славе людской, так же бесполезно, как надевать ремень только на малое колесо с зубьями. Колесо вертится, и они радуются и даже гордятся, что колесо их быстрее вертится, чем колесо работающее.

Нынче спал лучше. Но проснулся слабым и умиленно добрым.

И как-то (Зачеркнуто: весело радостно,

и так всё хочется плакать.

В объятья вечности

Так бы и кинулся.

Особенно радостно умиленное чувство. Ночью видел во сне... и блуд, и беседу с Лаотзе, и так ясно было отношение человека к неделанию, скорее – к Неделающему. Делает человек только по своей слабости в этой жизни. Только не делая, он сливается с Тао, неделающим Началом. Не делает, а живет с Тао. Ночью было вполне ясно и радостно.

Думал о славе людской. Есть в этой потребности доброго мнения о тебе любви к тебе людей что-то непреодолимое и законное. И сейчас мне пришло в голову то, ч[то] насколько ложно, преступно желание похвалы, любви людей при жизни, настолько хорошо, добро, законно желание продолжения своей жизни в душах других людей после своей смерти. В этом желании нет ничего потакающего личности, нет ничего исключительного; а есть одно желание участия в общей, всемирной, духовной жизни, участия в деле божем, бескорыстное, безличное. Кажется, ч[то] это верно.

[17 августа.]

(В подлиннике ошибочно: 18 Авг. См. прим. 569).

Ничего не писал вчера. Даже письма не мог писать – так чувствовал себя слабым, но, слава Богу, не злым. Приехали Ив[ан] Ив[анович] и Мар[ья] Ал[ександровна]. Ездил верхом с Зосей. Оч[ень] приятно лесами. После обеда прогоняли пришедш[их], а оказались милые ребята. В письмах ничего особенного. Вечером Голд[енвейзор] играл оч[ень] хорошо. Нынче спал не мало, а всё слаб. Ходил гулять, хорошо молился, Тем хороша молитва, когда она состоит из глубоких религиозн[ых] истин, что, смотря по расположению, воспринимаешь их с новых сторон. Так б[ыло] нынче. Дома бывший офицер из Варшавы с проектом общества христиан. Я старался изо всех сил не оскорбить, не огорчить его, а – и то, и другое. На душе б[ыло] очень

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru радостно, мягко, любовно. Благодарен за всё. Занимался – теперь 11 часов – Таосизмом. Читал и кое-что записал. Ночью с необычайной ясностью видел Тениш[ева] и музыкантшу и ее мать и разговоры с ними. Думал:

1) Только то, что духовно в нашей жизни, действительно есть. Так новое сознание духовной истины есть совершившийся факт, несмотря на то, что сознание это не получило еще или вовсе не получит (вследствие смерти н[а]п[ример) своего осуществления. Духовное вне пространства и времени, и потому сознание, если оно истинно духовное, искреннее, то оно уже в одном сознании (намерении) совершилось.

2) Думал о том, как мы мало принимаем количество людей, когда говорим о влиянии и распространении того или другого направления мысли. Направление революционное, социалистическое захватывает в России, скажем, ну 100, ну 200, ну 300 тысяч человек. В России при 150,000,000, если вычтешь детей от 0,30 и, скажем, больных, идиотов 0,05, будет все-таки около 100 миллионов, и 300,000 будет составлять только 1/300 или около того всего населения. Т. е. что надо в 300 раз больше, чтобы изменилось свободно устройство общества. Так это по арифметике, но в действительности совсем не то. Есть огромная масса, составляющая едва ли не 0,999, то есть 100,000,000– 150,000 = 99,850,00, а то и все 149,850,000, кот[орые] избирают положение 81аби[з] ио, т. е. того, какое есть, к[отор]ое не принужда[ет] изменять, хлопотать, не нарушает привычного. И это-то большинство, 0,999, только тогда перейдет на сторону революционеров, когда мень[ше] беспокойства будет при новом, чем при старом устройстве. Приближает к этому три влияния: одно – сознание всё большей и большей тревожности, беспокойства существующего устройства и [второе –] всё большая и большая ясность, спокойствие нового устройства, и третье, главное, всё большая и большая ясность нравственно религиозной неправильности прежнего и правильности нового устройства.

Третье главное. Для усиления же этого третьего влияния есть два средства: уяснение невыгод старого и выгод нового и самое могущественное средство – воспитание.

Вот и всё, пойду в дом читать письма и завтракать.

18 Авг.

Вчера ездил с Сашей верхом. Всё слаб. Вечером отдал все письма. С[он]н[я] сказала неприятное, я упрекнул мягко, она промолчала. Да, надо уметь. То же б[ыло] с Копыловым, призываемым на суд за дубы. – Я сказал, она сделала. Сегодня рано встал, мало спал. Ничего не работал. Читал Менция и полученные письма. Приехал димочка, письмо от Ч[ерткова], и был Заболоцкий, оч[ень] возбужденный, но милый. Написал письмо Ч[ерткову]. Приехали дубенские. Она ужасно глупа. Объявила мне, что ее мальчик сын ненавидит меня и любит царя. Иду завтрак[ать] и ко всем гостям.

Испытал на прогулке особенно радостное, веселое чувство любви ко всем, ко всему и подумал, от всей души подумал и пожалел тех людей, к[оторые] лишают себя этого, к[отор]ые думают устраивать себе увеселения внешними средствами.

19 Авг.

Бездна народа. Девочка, из к[отор]ой делают предмет. Весь вечер б[ыл] оч[ень] тяжел, и нынче при воспоминании о вечере ощущение стыда разумеется, за себя, за то, что дурно, не правдиво, поддаваясь воздействию, внушению держал себя. Постараюсь вперед быть правдивее. Сегодня спал мало, встал рано. На прогулке почувствовал новое и радостное, умиленное состояние любви, особенной любви ко всем, желание передать им свое душевное состояние, свое радостное, свободное отношение к Богу, и сострадание, уважительное, любовное к ним, и уверенность в том, что можно, можно помочь им. Пришел домой, поговорил с Мар[ьей] Ал[ександровной], и сейчас уже не то на душе. Да, надо как можно больше молчать. А если говорить, то только тогда, когда чувствуешь, что говорит в тебе Он. Думал:

Вся тайна нашей жизни, сущность нашей жизни в переходе сознания себя, как отделенного существа, к сознанию себя Всем, не отдельным, единым, свободным, всемогущим существом – Богом. Жизнь есть кажущееся нам постепенное освобождение в себе божеского сознания. Жизнь есть только, только это. Те, кто держится

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru старого, установившегося понятия Бога, могут говорить, что Бог дал людям благо познавать Его в себе. Но это предположение произвольно. Есть и верно только одно: то, что жизнь человеческая есть освобождение в себе (невещественного, неподвижного, внепространственного, вневременного начала) от отделенности и неизбежных условий отделенности. Условия эти: вещество в пространстве и движение во времени.

Допишу после. Сейчас 12. Принесли почту.

20 Авг.

Вчера ничего не делал, кроме коротких ответов на письма. Ездил в Овсянникове. Буланже еще нет. Разговор с Тенишевым об Ед[ином] Налоге. Спокойно, кротко на душе. Вечером с Мих[аилом] Сергеевичем] приятно. Всё слаб.

Сегодня проснулся всё слабый и не бодрый умом. Ходил навстречу лошадям и дорогой думал только одно и практически оч[ень] важное, именно то, что я, должно быть, всем надоел своими не переставшими писаниями всё об одном и том же (по крайней мере так это должно казаться большой публике), вроде Croft Hiller'a, и что надо молчать и жить; а если писать, и то если оч[ень] захочется, то только художественное, к к[отор]ому меня часто тянет. И, разумеется, не для успеха, а для того, чтобы более широкой аудитории сказать то, что имею сказать, и сказать не навязывая, а вызывая свою работу. Помогите Бог.

Еще было то, что встретил мальчика из Тулы с рисунками – хочет быть живописцем и просил протекции, а я, увидав, что рисунки его плохи, холодно обошелся с ним. Хоть то хорошо, что не прошло даром, а совестно, больно стало.

Записал всё о том же так:

Я всё, и я ничто. Я всё, когда я сознаю себя духовным, нераздельным со всем существом и проявляю это сознание любовью к тому всему, какое я сознаю, т. е. ко всему тому, что я признаю живущим; и я ничто, когда я сознаю себя телесным, отделенным от всего существом, проявляющим это сознание любовью только к своему телесному, отделенному от всего «я». Ничто, п[отому] ч[то] тогда я – н/?.

Нет достаточной ясности мысли, чтобы продолжать. Теперь 12-й час.

21 Авг.

Вчера ответил неважные письма. Ездил с М[ихаилом] С[ергеевичем] и с Сашей в Телятинки. Дама с проэктом о воспитании. Во время обеда приехали Боткины – скучно. Говорил с Голд[енвейзером] и Микол[аевым] о Ед[ином] Нал[оге]. Сегодня проснулся рано. Оч[ень], оч[ень] слаб. Начал читать Photer о Китае. Хорошие, добрые письма, к[отор]ых не стою. Ничего не хочется писать. И слава Богу. Записал пустое:

Было пшеничное зерно, оно лежало тысячи лет в египетских гробницах, и оно ничего не знало про себя. Для него самого – для зерна – было всё равно, что его не было. Ученые раскапывали гробницы, и найдя в них зерца пшеничные, чтобы испытать их, взяли несколько и покрыли землей и стали поливать водой. И вот зерно, к[отор]ое было, но ничего не знало про себя, вдруг узнало про себя, что оно есть, и есть в одно и то же время и зерно, и росток.

Не могу продолжать, оч[ень] слаб.

Может быть, и выйдет. Иду к рабоче[му] и завтракать.

22 Авг.

Рабочий милый, но просил денег. Ездил верхом. Оч[ень] слаб б[ыл] до вечера. Вечером лучше. Сегодня встал свежее. Душан принес письмо Польке. Немного поправил. Гулял хорошо. На душе хорошо, но слаб, и мысль не работает. Е sempre bene [Всё хорошо.]. Как бы хорошо не писать. Думал о зерне дальше, но писать не могу. С пользой и наслаждением читал круги Чтеу[ия]. Как для того, чтобы зерно получило жизнь, нужно закрыть его землей, так и для того, чтобы душа жила, нужно, чтобы она б[ыла] закрыта телом. Теперь 12-й час. Ничего не делаю и не буду делать. Слабость, слабость, слабость. Стал замечать за собой поступки и

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
мысли, вызываемые славой людской. Прежде не замечал их.

Вечером Андр[ей] с женой, Голд[енвейзер] милый, Николаев. Хороший с ними разговор. Ночь спал мало, но мысль начала работать. Гулял по заказу, чудное утро. Как облачко с неопределенными очертаниями с одной стороны, месяц высоко в ярко голубом, над зеленым морем леса, небе. Оч[ень] хорошо. Думал много и хорошо, но не хочу записывать. Одно записал ночью:

1) Что ни представляй себе в пространстве и во времени, всё а/?, т. е. ничто. Так что есть, действительно есть только то, что вне пространства и времени – мое духовное сознание – единое с сознанием всех людей, единое нераздельное, познаваемое мною в вневременном и внепространственном моменте настоящего.

2) Записано так: Жизнь есть перенесение сознания из пространственного и временного в внепространственное и вневременное. Так записано, но это неверно: перенесение уже есть нечто временное. Лучше сказать:... есть освобождение от временного и пространственного.

23 Авг.

Вчера б[ыл] рабочий просвещенный, но к несчастью нужны деньги. Сейчас Саша пришла сказать то же о рабоч[ем]. Просит денег. Займусь письмом к Польке.

Не могу не радоваться: всё чаще и чаще замечаю за собой [заботу] о славе людской, и положительно, даже вчера, в дурном духе, жалею Стол[ыпин]ых, Н[икола]ев 2-х, Андрея (меньше). Нынче же без труда жалею и почти люблю. Ничего не работаю. Читал о Китае и записал кое-что о Лаотзе.

Ездил верхом с Голденв[ейзером] оч[ень] приятно. Вечером приехал Сергеенко. Тяжело слышать хвалу. Особенно не грешил.

24 Авг.

Ходил приятно далеко. Думал о том, что в жизни истинно есть. Записал в книжечке. Опять ничего не писал. Читал Евангелие, оч[ень] хорошо. (Зачеркнуто: и Гоголя.) О Гоголе тоже хорошее чувство. Особенно понравилось, как готов обнять человечество, но не человека. Пришел Гусаров с димочкой. С Гус[аровым] хорошо поговорили. В газетах о Штокг[ольме] и Гусеве и о чтении в Берлине. Щекочет, но держусь. Ездил с Митичк[ой] верхом. Видел Гусарова жену – как хорошо, ч[то] она оч[ень] некрасивая. Записать надо кое-что, но некогда. Иду отдыхать.

Обед, как обыкновенно. Вечером читал Конфуция и говорил много и хорошо с Ив[аном] И(вановичем) об изданиях и книг о религиях и копеечных изданиях На кажд[ый] День.

25 Авг.

Встал довольно бодро, вышел – и первый блин комом: мужик Новосильский просит помощи, и я спешил итти и недобро поговорил с ним. И сейчас же стало стыдно. И так радостно б[ыло], когда он догнал меня, и я поговорил с ним по-братски, попросил у него прощения. Сел на дороге кое-что записать и вижу – идет человек с девочкой. Этого я уж принял без ошибки и хорошо поговорил с ним. Он с дороги увидел меня и хотел повидать. Он читал кое-что, но церковным дорожит, говорит, ч[то] нужна торжественность. Потом встретил юношу учителя. Тоже поговорил недурно. Он приехал за советом. Дома составлял первую книжечку: Для души. Надо 12 книг. 1) Для души. 2) Весь закон в любви. 3) Бог в тебе. 4) Бойся греха. 5) Бойся соблаз[на]. 6) Бойся ложной веры.

7) Один закон для всех.

8) Истинная наука.

9) Истинная свобода.

10) Жизнь в том, чтобы приближаться к Богу.

11) Нет смерти.

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
12) Всё благо.

Такие заглавия или вроде этого. Письма маловажные. Спор с Машенькой о том, что бывают святые, поборовшие всё человеческое. – Я отстал, но спорил. И то плохо. Плохо и то, что прочел статью Меньшик[ова] и почувствовал неприятное.

Записать:

1) Как вредно иметь планы. Как только препятствие исполнению, так и раздраженье.

2) Оч[ень] важное. Хотя это и оч[ень] нескромно, но не могу не записать того, что оч[ень] прошу моих друзей, собирающих мои записки, письма, записывающих мои слова, не приписывать никакого значения тому, что (далее в оригинале написано слово: я, которое следует считать незачеркнутым по ошибке) мною сознательно не отдано в печать. Читаю конфуция, Лаотзи, Будду (то же можно сказать и об Еванг[елии]) и вижу рядом с глубокими, связными в одно учение мыслями самые странные изречения, или случайно сказанные, или перевернутые. А эти-то, именно такие странные, иногда противуречивые мысли и изречения – и нужны тем, кого обличает учение. Нельзя достаточно настаивать на этом. Всякий человек бывает слаб и высказывает прямо глупости, а их запишут и потом носятся с ними, как с самым важным авторитетом.

3) К Лаотзе, вписать о пустоте.

4) Я есмь нечто, сознающее свою отделенность от Всего. Всё и себя вместе со всем я не могу понимать иначе, как веществом в движении. А между тем, если бы я б[ыл] только вещество в движении и весь мир б[ыл] бы тоже только вещество в движении, то, будучи двигающимся веществом вместе со всеми двигающимися веществами всего мира, я не мог бы сознавать себя отделенным. И потому я, сознающее себя отделенным, должно быть нечто невещественное и неподвижное. Если оно, это я, вместе со всем кажется мне веществом и движущимся, то только п[отому], ч[то] всё, кроме его, этого я, есть движущееся вещество.

То, что мы называем жизнью, есть освобождение невещественного, недвижущегося я от этого заблуждения.

5) Сейчас думал про это, и вдруг стало тяжело, сомнительно, – Старался справиться, но не помогали никакие рассуждения; не мог сознавать Бога – и стало одиноко, бессмысленно, страшно. Вспомнил молитву: Знаю, ч[то] если я в любви, то я в Тебе и Ты во мне... и тотчас же всё облегчилось, почувствовал возможность любви, и тотчас же, встретив дворника Алексея, почувствовал к нему любовь, и всё прошло. Да, только одно, одно – любовь.

6) Что у Лаотзе – путь, у Иоанна – любовь. И Лаотзе смешивает путь с Началом всего, с Тао. То же делает и Иоанн, называя любовь Богом.

[26 августа.]

Ездил в Овсянникове, проезд царя.

Вечер прошел за чтением Eugen'a Schmitt и за составлением письма ему.

26 Авг.

Встал как обыкновенно и также гулял одиноко. Получил прекрасные письма от Шкарвана, Засосова и Черткова. Особенно письмо Ч[ерткова] с изложением моего отношения к жизни истинной – внепространственной и вневременной. Занимался тем, чтобы составить другие полные книжечки н[а] Каждый д[ень]. Начинаю всё больше и больше подумывать о художественной работе трех поколений. Оч[ень] бы хорошо. Тяжело то, что всегда тяжело. Ездил с Душаном. Проезд царя. Уже не пропускают. – Хочется тоже в письме к Польке высказаться о грубости, очевидности насилия и обмана. – Записать:

1) Думал о том, как я стреля[л] птиц, зверей, добывал пером в головы птиц и ножом в сердце зайцев без малейшей жалости, делал то, о чем теперь без ужаса не могу подумать. Разве не то же самое с теми людьми, к[отор]ые теперь судят, заточают, приговаривают, казнят. Неправильно думать, что такие люди знают, что дурно то, что они делают, и все-таки делают. Они, так или иначе, доходят до неведения того, что дурно то, что они делают. Так это было со мной с зайцами.

Вечером пришел человек хорошо одетый, с чемоданом: сначала о своих сочинениях, потом о том, чтобы я дал денег доехать до Гомеля, а если не дам, он останется здесь на лавочке. Я отказал и ушел. Потом подумал, что вот случай приложения непротivления, и пошел к нему и с помощью Душана обошелся с ним без зла.

27 Авг.

Встал оч[ень] рано. Кроме Кр[уга] чт[ения] читал Христианское Уч[ение] и обдумывал исправление его. Написал еще и письмецо Павлову. Ездил к Ив[ану] Ив[ановичу]. Оч[ень] хорошо б[ыло] видеться с Буланже. Дома Таня, и вечером оч[ень] скучная болтовня. Много думается и о «Н[ет] в мире винов[атых]», и о письме Польке и о проэkte для Маклакова. Попробую сказать. Да, написал еще письмо Гусеву. Записано ночью:

Я чувствую, что ко мне отношение людей – большинства – уже не как к человеку, а как к знаменитости, главное, как к представителю партии, направления: или полная преданность и доверие или, напротив, отрицание, ненависть. Сейчас 10 часов вечера. Иду в гостиную.

28 Авг.

Вчера вечером не б[ыло] ничего особенного. Проснулся рано. Ходил. Кажется, ничего не записал. С утра приехали Макл[аков], Цингер, Семенов. Я позвал Мак[лакова] и говорил с ним о том, чтобы он поднял вопрос в Думе. Он говорит, ч[то] ничего не знает о Г[енри] Дж[ордже], и что вопрос не может не только пройти, но и вызвать суждения. Он практически оч[ень] умен, но совершенно плотно заткнут для всех настояще нужных людям вопросов – как и оч[ень], оч[ень] многие. Доканчивал поправку Христианского Учения. Я думаю, ч[то] все-таки немного лучше. Приехал[и] дима, Голд[енвейзер], М[арья] А[лександровна], Ив[ан] Ив[анович]. Обед, и (Зачеркнуто: сняти[е] ф[отографий]) ужасно, ужасно мучительно тяжело. Содействовали тяжести письма из Берлина по случаю письма С[офьи] А[ндреевны] и статьи Петербургских ведомостей, в к[оторых] говорится, что Толстой обманщик, лицемер. К стыду своему, не радовался тому, что ругают, а б[ыло] больно. И весь вечер мучительно тяжело. Уйти? Чаше и чаще задается вопрос. Только с Цингером хороший, для меня полезный разговор о математике, высшей геометрии, и с наивным Митич[кой] об уголовном праве. Оч[ень] уныло, грустно, слабо ложился спать.

29 Авг.

Проснулся опять рано, и то же тяжелое чувство и желание (дурное) бежать и нерешительность: что перед Богом должен делать. В спокойные минуты, как теперь, знаю, что нужно главное – неделание, пребывание в любви. Дома прочел прекрасные дни 28, 29 Кр[уга] чт[ения], и вот сейчас записываю дневник, а писать как будто неспособен. Попытаюсь написать тезисы для Макл[акова]. Записать старое, много раз высказанное, но с особен[ной] силой пережитое:

1) Мы, люди – я по себе это знаю – орудия высшей силы. То, что делает нашими жизнями эта Высшая Сила, мы не знаем и не можем знать, как не знает клеточка моего тела, что я делаю и для чего. И потому всякая мною поставленная себе цель, не совпадая с недоступной мне целью Высшей Силы, нарушает исполнение этой цели. Не настолько, чтобы цель эта не достигалась – цель эта тем или иным способом всегда достигается – но настолько, что я лишен блага чувствовать – сознавать единство своей жизни с Высшей Силой. Так что цель, к достижению к[отор]ой свойственно стремиться человеку, не может быть целью, доступная человеку, а может быть только одна: слияние с волей Бога. Слияние это достигается любовью.

Сейчас, доставая дневник, заглянул в тетрадь дневника 1907 года и, удивительное дело, нашел в нем эту самую мысль, к[отор]ая мне вчера показалась новой.

29 Авг.

Вчера вечером приехал милый Булыгин. Смотрит твердо на ожидающий его сына отказ от воинск[ой] повин[ности]. Сейчас, проходя в передней, услышал его громкий голос, говоривший: «Нельзя жить той зверской жизнью, к[отор]ой мы живем», и голос сына Сергея, говорящий: что «точно наша жизнь теперь не хороша, но ч[то] вообще в устройстве жизни нет ничего нехорошего». И я в первый раз ясно понял мирозерцание этих людей, увы, называемых образованными. Это люди с заткнутыми

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
отверстиями, через [которые] может войти разумная и обязательная мысль каждого человека, именно: как мне надо жить? вопрос разумного человека, ответ на к[отор]ый есть только в религии. У них же отверстие это заткнуто «научными» глубокомысленными, т. е. глупыми соображениями о том, «как развивается общество людей», законы и т. п. научные соображения. И выходит cercle vicieux [заколдованный круг:]: эти соображения скрывают от них необходимость религии, и они же (эти соображения) отвечают – оч[ень] глупо, но все-таки отвечают – на вопросы религиозные о том, как жить, к[отор]ые хочешь не хочешь стоят перед всяким человеком. Грустно по отношению всех сыновей. Но надо не груст[ить], а стараться помочь им. Вчера с Булыгиным приехал для свидан[ия] Загрязский. Кажется, вопросы искренни.

Сегодня спал так, как не помню, чтобы спал давно. Встал в 9, и голова радостно свежа. Думал о Машеньке, Дундуковой и всех обращающих меня:

Как они не хотят видеть того, что я, стоя одной ногой в гробу и все силы не ума только, а души употребивший на ответ: во что верить и как жить, и знающий всё то, что они знают, de gaieté de coeur [умышленно] гублю себя. Удивительно, как это не больно бы было им, если бы сказать им это. Их забота обо мне доказывает только их не полную веру в свое. Я не хочу обращать их.

Сейчас сажусь за письма и работу.

30 Авг.

Письма вчера прочел, но работы никакой не делал. Да и не помню, что было. Ездил с Сашей верхом в Ларинское. Милый Димочка с ребятами и мужички праздничные. Дома все то же и, скорее, тяжело. Письмо от Шмита, ответил. Приехал милый Булыгин и Голденв[ейзер]. Лег спать, как обыкновенно. Да, простился с оч[еуь] милой Таней. Сейчас сломал ноготь, и немного больно. И подумал, как мало мы, здоровые и не страдающие, ценим [свое здоровье] и сострадаем чужой боли.

Сегодня проснулся оч[ень] поздно, в 9, и нездоровится, и всё хочется спать. Прочел письма, ответил. Говорил с бывшим революционером Пономаренко и дал ему с товарищем 20 р. Потом опять спал, говорил с Булыгиным хорошо, делал пасьянс. Поговорил с Сашей (без эпитетов). Теперь 6 часов, ничего не ел и не хочется, а на душе хорошо, и в голове чрезвычайно ясно.

31 Авг.

Вчера б[ыл] не добр в душе и даже на словах с Сережей (сыном). Вот уже именно cercle vicieux; как только не в духе, так не любишь людей, а чем больше позволяешь себе не любить, тем больше и больше становишься не в духе.

Заснул хорошо, рано встал, погулял – страшная слабость; потом читал Былое, потом письма и больше ничего не мог делать. Ездил верхом к Перца; застал Димочку и Сер[ежу] Булыгина. Ездил и оч[ень] хорошо думал о письме Дундуковой. Всё всегда стыдно. Молился, прося, желая не отступать от любви.

Вчера продиктовал Саше письмо к Столып[ину], – едва ли кончу и пошлю. Нынче утром б[ыл] псаломщик, с к[оторым] я, только что узна[л], ч[то] он проситель, отказал, и потом стало стыдно. Потом был в высшей степени интересн[ый] человек – скопец 30 лет, сильный мужчина. Спрашивал мое мнение об оскотлении, и я не мог дать убедительного доказательства неправильности этого. Он говорит, ч[то] в послесловии к Крейц[еровой] Сон[ате] есть подтверждение этого. Потом он говори[л] с Сашей, удивляясь на роскошь жизни, в к[оторой] он нашел меня.

Много думал, но ничего и в книжку не записал, от слабости.

Иду обедать. –.

[2 сентября.]

Не помню, что было вечером. Записать нечего.

1 Сент. Встал рано, гораздо бодрее. – Но ничего не работал. Кажется, читал. На душе всё стыдно. Потом приезжие из Киева – парикмахер и глухонемой Миллер, богатый. Глухонемой читал и хочет жить по-христиански. Оч[ень] интересен. Ездил

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
верхом в Телятинки. Вечер, как всегда, тяжелый.

Записываю за два дня и потому не помню. Нынче 2-е. Сент. Вчера утром ходил. Говорил немного с Берсом. Ни на ком, как на оч[ень] неумных людях, не очевидно то разрушение, devastation всего духовного и замена всего нужно[го] неразберимой кашей. Писал письмо польке. Кажется, порядочно. Пришли опять киевский и Миллер, и мне б[ыло] больно слышать рассказ киевского о том, как он встретил бабу, у к[оторой] загнали лошадь и требовали рубль, и как она ругала меня и всех нас чертями, дьяв[олами]. «Сидят, лопают, черти...» Кроме того, говорил и про то, что мужики уверены, ч[то] я всем владею и лукавлю, прячась за жену. Оч[ень] б[ыло] больно, к стыду моему. Я даже оправдывался. Потом поехал с Сашей верхом и дорогой справлялся. Да, это – испытание, надо нести. И на благо. Впрочем, то, ч[то] это на благо, я понял, почувствовал только нынче, и то не совсем.

Обед. Голденв[ейзер] хорошо оч[ень] играл. Ив[ан] Ив(анович). Да, вчера продиктовал Саше письмо Дундуковой. – Встретил на прогулке возвращающихся из ссылки революционеров. От души говорил с ними.

Сегодня мало спал, но свеж. Только вышел – баба, у к[отор]ой загнали двух коров и 2-й день не выпуска[ют]. Оч[ень] тяжело. Но нынче легче. Признаю это испытанием, посланным на благо, для освобождения от тщеславия.

Ночью и поутру нашло, кажется, никогда не бывшее прежде состояние холодности, сомнения во всем, главное, в Боге, в верности понимания смысла жизни. Я не верил себе, но не мог вызвать того сознания, к[отор]ым жил и живу. Только нынче с утра опомнился, вернулся к жизни. Всё это казнь за недобрые, нелюбовные чувства, на к[оторые] я попустил себя в предшествующие дни. И поделом. Как ни странно это сказать: знание Бога дается только любовью. Любовь есть единственный орган познания Его.

Сейчас вернулся с длинной прогулки. Надеюсь поработать. Завтра собираюсь поехать к ч[ертко]вым.

[3 сентября.]
Вечером Голд[енвейзер]. Опять киевск[ий] глухонемой.

Сегодня 3 Сент.

Оч[ень] мало спал. Желудок расстроен, но все-таки еду. Вчера приводил всё в порядок. Калачов был. Колебался, ехать ли? Приехали синематографщики, несмотря на отказ. Я допустил, но без мое[го] участия. Теперь 10-й час, собираю[сь].

4 Сент. Москва.

Вчера хорошо доехали. Долго ждал. Дорогой б[ыло] бы хорошо, если бы не любопытство и лезть – раздражающая, развращающая-пассажиров. Доехали хорошо. Спиро, к[отор]ому я высказал слишком резко о Сытине. Милые ч[ертковы], потом Ив[ан] Ив(анович). Радб[ыл], ч[то] между ними хорошо, как и должно быть. К вечеру очень ослаб. Спал хорошо. Пошел гулять по городу. Оч[онь] сильные впечатления детей. Ох, хорошо бы художественное описание не для себя, а для служения. Слишком много нужно записать. Да, встретил Машу Ник[олаевну] с несчастным Сережей, к[оторый] с восторгом едет на учење. Сейчас пришел артельщик с просьбой подписать перевод на склад изда[ний] Л. Н. Т[олстого]. Я отказал, и мне неприятно. Опять забота о суждении людей. Радуйся, радуйся, ч[то] тебя ругают. Это одно избавляет отчасти от заботы о славе людской и загоняет в жизнь настоящую. Ходил по улицам и ужасался на разврат, – не на разврат, а на явное отсутствие нравственно религиозного сдерживающего начала. А оч[ень], оч[ень] многие крестятся, проходя мимо церквей. Записать:

1) Как ни дерзко, самоуверенно это, не могу не думать и не записать себе, что мне нужно помнить в моем общении с людьми, что я с огромным большинством из них стою (Написано: стоя) на такой точке мировоззрения, при к[оторой] я должен спускаться часто и оч[ень] много, чтобы общение какое-нибудь б[ыло] возможно между нами.

2) Дни два назад ночью б[ыло] одиноко и никак не мог восстановить в себе живое сознание Бога. И б[ыло] оч[ень] тяжело.

3) Ложное обо мне суждение людей, необходимость оставаться в этом положен[ии]. Как ни тяжело всё это, начинаю иногда понимать благодетельность этого для души.

4) Молюсь просто: Отец, Бог, помоги, помоги мне. И он помогает. Нельзя Ему не помогать. Он, кого я прошу, во мне, так что молитва это значит только то, что я хочу жить Им.

5) Произведение искусства только тогда истинное произведение иск[усства], когда, воспринимая его, человеку кажется – не только кажется, но челов[ек] испытывает чувство радости о том, что он произвел так[ую] прекрасную вещь. Особенно сильно это в музыке. – Ни на чем, как на этом, не видно так главное значение искусства, значение объединения. «Я» художника сливается с «я» всех воспринимающих, сливающихся в одно.

Сейчас 10 часов. Идет ч[ертков] звать к Цымерману.

[5 сентября. Крекшино.]

Были у Цымермана. Очень хороша музыка. Потом ходил по Кузне[цкому], потом на поезде приветствия, пища тщеславию – соблазн. Но не слишком поддавался. Приехали в Крекшино. Оч[ень] радостно всех увидеть. Все веселые, добрые, не говорю уже про отношения ко мне. Оч[ень] нездоровилось к вечеру.

5 Сент.

Проснулся бодрее. Погулял, сел за работу Лаотзе. Недурно поправлял. Был оч[ень] серьезный, милый голландец. Потом ездили в деревню к токарю. Я ехал верхом. Вечером музыка и Королёвы. Скучный разговор. Как избавиться? Вспоминал о необходимости не заботиться о мнении людском, но плохо. Надо не переставать учиться. Сейчас 12-й час. – Ложусь.,

6 Сент. е[сли] б[уду] ж[ив].
[6 сентября.]

Жив. Проснулся бодро. Пошел гулять. Порядочно писал пол[ь]ке. Кое-что записал в книжке, кое-что хорошее забыл. Приходили крестьяне Крекшина, и привезли от Цымермана Миньон. Обедал со всеми, слушал музыку. Поеду верхом. Записал кое-что к докладу. Записать:

1) Всякое богопочитание, какое бы оно ни было, возвышает человека. Возвышает тем, что выражает сознание своей зависимости и отношения (хотя бы понимание этого отношения и было ложно) с Высшим, ни от чего независимым существом – Богом.

2) Ничто так не влечет ко лжи, как забота о славе людской. И потому особенно важно освобождение от этой заботы. Освобождает же только сосредоточение всех сил на исполнение того, чего хочет [от] меня Бог, чего хочет всё от бесконечно малого Его органа. А освобождение от лжи, жизнь в истине – такие свобода и благо. Помоги, Господи.

3) К докладу. Спишу после.

7 Сент.

Спал мало. Оч[ень] хорошо думал, кое-что записал. Ходил гулять – на платформу. Дома писал польск[ое] письмо. Нехорошо. И поправил предисловие к Лаотзе. Ездил верхом с Батей. Заснул, слушал музыку и получил и читал неинтересные письма. На душе б[ыло] оч[ень] спокойно, твердо, хорошо. Записано:

1) Молюсь: помоги мне, Бог, – тот Б[ог], к[оторый] во мне, помоги мне в том, чтобы делать только то, что Тебе угодно, а не думать о том, что обо мне подумают и скажут люди. Помоги тоже не судить людей ни на словах, ни в мыслях. А то самое обыкновенное – живешь заботой о суждениях людей, тех самых людей, к[отор]ых осуждаешь.

2) Помоги мне. Господи, ни на словах ни в мыслях не осуждать людей, зато и не заботиться об их суждении обо мне; а хотя бы они и осуждали меня, делать то, что

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Ты хочешь.

Многое утром хотелось записать, да забыл.

8 Сент.

Вчера ночью много потерял крови. Сначала б[ыло] дурно, но спал хорошо и совсем бодр. Ходил гулять. Соня приезжает в 2 часа, чему оч[ень] рад. Поправил, кажется, окончательно письмо польке. Хочется записать то, что думал о вчерашнем разговоре с Ч[ертковым], а именно:

Посмотрел в дневнике и нашел всё это сказанным в 12 Августа (3-е) и 25 Авг[уста] (4).

Написал письмо Гусеву и сейчас напишу Лам[анскому] и даме в Пермь.

Мало работал. Слушали музыку. Пришло много народа: трое молодых крестьян, один евангелик, как всегда, упорный. Я беседовал с ними приятно. Потом еще молодой крестьянин оч[ень] серьезный. Вечером я прочел Калачеву крест[ьянское] управл(ение?), и нашим «Польск[ой] женщине» и расск[аз] Чехова. Было приятно, и плохого не делал: вспомнил и об осуждении, и о том, чтоб не заботиться о мнении людском.

Записать:

1) О любви всегда надо помнить, que c'est a prendre ou a laisser (что это нужно принять или оставить.]. Если признавать благодать, необходимость любви, то надо признавать любовь всю, не отвлекая от нее (от любви христианской) главного ее признака: любви к оскорбляющему, к врагам непротивления. А то мы говорим о благодати, прелести деятельной, умиленной любви, а не соблюдаем главного, первого требования любви отрицательной неделания, того, что противно любви.

2) Есть 4 разряда работников Божиих, т. е. 4 способа исполнять дело жизни, подобно тому, как могут быть 4 разряда работников у хозяина: 1-й разряд это такие работники, к[отор]ые придумывают средства угождения хозяину помимо работы и потому позволяют себе не исполнять назначенную работу— это всякие религиозные учения с догматами веры в искупление, таинства, молитвы и т. п. Второй разряд это такие работники, к[отор]ые вместо того, чтобы работать, все свои силы кладут на то, чтобы точить, чистить, беречь орудия работы, и потому все меньше и меньше работают и п[отому], ч[то] заняты уходом за орудиями, п[отому], ч[то] боятся испортить их. Это те люди, к[оторые] вместо того, чтобы тратить свои телесные силы на дело Божие, заботятся о своем теле, чтобы как можно сохранить его. Третий разряд это те работники, к[отор]ые не знают и не хотят знать хозяина и того дела, какое им приказано, а делают то дело, к[отор]ое они сами своим умом себе придумали и считают самым для себя важным. Это люди, не признающие нравственно обязательного начала — Бога и потому придумывающие себе всякие чуждые делу божию занятия: государственные, ученые, так наз[ываемые] культурные. Четвертый разряд это те, к[оторые] все силы своей души и тела покладывают на исполнение дела Божия: увеличение в себе-а этим самым и в других-сознания Бога-любви, проявляемой в делах, словах, мыслях.

3) Живо почувствовал, что я слуга Бога. И такую радость, уверенность, спокойствие — даже гордость почувствовал, и так живо почувствовал это[т] несчастный самообман людей, к[отор]ые лезут — я сам лез туда же когда-то лезут в слуги властителей земных и чем выше поднимаются в этом служении, тем ниже спускаются в служении Богу.

9 Сент.

Спал мало. Рано вышел. На душе оч[ень] хорошо. Всё умиляло. Встреча с Калуцким мужичком. Записал отдельно. Кажется, трогательно только для меня. Потом встретил одного возчика, другого пешего; на лицах обоих озлобление и ненависть за то, что я барин. Как тяжело! Как хотелось бы избавиться от этого. А видно, так и умрешь. Дома записал встречу, потом просмотрел «Польск[ой] Ж[енщине]», кончил, потом Лаотзе — тоже кончил. Вписал в Доклад. И вот сейчас дописываю дневник. Иду обедать. Всё прекрасно, говорит Саша, и я тоже чувствую. Проводил Соф[ью] Андр[еевну]. Всё хорошо, но в середине дня чувствовал себя слабым.

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Вечер оч[ень] много музыки. Стало и скучно и стыдно. Прочел Мол[очников]
интересное о мнимо сумасшедшем. Ч[ертков] прочел мою выписку из дневника.
Ничтожно, но меня волнует, умиляет так, что без слез не мог слушать.

Приехали Никитин и другой, и Душан милый уехал. Что за милый, удивительный по добродетели человек. Учиться у него надо. Я не могу без любовного умиления о нем думать.

10 Сент.

Спал хорошо. Походил. Зашел в мертвую, прекрасно обставленную школу, говорил с кормилицей Галиной дочери. Почитал Г[алины] воспоминания. Оч[ень] хорошо. Перечел Кр[уг] Чт[ения]. Ничего не хочется писать. И прекрасно. На душе оч[ень], оч[ень] хорошо. Всё думаю: за что мне такое счастье. Всё, что мне нужно, есть у меня; и что важнее всего, знаю, что это – то, что одно нужно мне, есть у меня, а именно, сознание своей жизни в очищении, проявлении, освобождении духа. Была величайшая помеха – забота о славе людской, и на меня навалился такой излишек этой славы и в таком пошлом виде славы перед толпой, что внешним образом, отталкивая – лечит. Так ч[то] борьба легка и радостна даже. Нынче записал:

1) Записал на отд[ельном] листке. (Следующая запись сделана на вложенном и впоследствии вклеенном в тетрадь Дневника листке иа блокнота.)

10 Сент.

Злоба происходит от бессилия, сказал Руссо. Как это верно!

Злится тот, кто хочет сделать то, что вне его власти, встречает препятствия и злится. А всё вещественное вне власти человека. Не знает препятствия человек только в деятельности духовной. Что хочу, то и делаю. А если не осиливаю, то сержусь на себя (а к себе всегда более снисходителен, чем к другим), да и сердиться не так больно, а главное, не бесполезно. Есть только один выход деятельности, не встречающей препятствий, это деятельность духовная – любви, подобно тому, как бы запертое животное билось в запертом помещении, тогда как есть дверь, но дверь, открывающая[ся] на себя (нехорошо сравнение).

2) Ищу радости в похвале людской: иногда достигаю, иногда случается совсем обратное – ругают. Когда же и достигаю, не получается полного удовлетворения: хочется еще и еще. Когда же удастся вспомнить во-время о губительности заботы о славе людской и подавить ее, всегда радостно, и радость эту никто не может уничтожить. И ничего больше не хочется.

11 Сент.

Здоров. Записал разговор с крестьянами. Ходил – встретил студентов евангеликов. Ездил потом с Ч[ертковым]. Ничего, кроме разговора с крестьянами, не записал. Ложусь, 12-й час.

12 Сент.

Хорошо спал. Встал бодро, на душе оч[ень] твердо, хорошо. Ничего не хочется писать. И не стал писать. Читал, пасьянсы и написал два письма. Посетитель из Р[усск]их В[едом]остей, Беленьк[ий], Молочников. Всё идет напряженная внутренняя работа. Ездил верхом с Ч[ертковым]. Вечером пришли Вяземские крестьяне. Старший оч[ень] умный. Хорошо говорил о том, что недовольство в темном народе страшное. Царь и мужики, а остальное всё стереть с лица земли.

1) К заблуждающимся не трудно вызвать в себе жалость, но трудность в том, ч[то] заблуждающиеся вместе с тем всегда и самодовольно уверены. Вот эту-то отталкивающую самоуверенность надо выучиться переносить так, чтобы она не мешала жалости, т. е. любви. Но как? where is a will is a way[Где желание, там и путь.]. Надо употреблять всё то же одно для всего хорошего, единственное и всегда могущественнее средство всё то же – любовь.

13 Сент.

Всё здоров, поздно встал. Думал о том, что сказать учителям. Но ничего не думалось ни об этом, ни о чем-либо другом. И целое утро ничего не писал. Вышел,

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru и много народа: Димочка, Саламатин старик с сыном, потом дамы с мужчиной хотели руку целовать. Потом кинематограф Ч[ерткова] с Тапселем, потом целая масса народа: Соня Илюшина, музыканты, Голд[енвейзер] с женой, Сибор, Могилевский, Тищенко, и еще и еще неизвестные. Соня повредила ногу, и оч[ень] болит. Дома угощение крестьянам, человек. 200. Чертков suffit a tout [Черткова хватает на всё]..... (для него). Потом еще народы. Обедали. Письма мало интересные. Не успел заснуть до обеда. Играли трио Аренск[ого], Бетх[овена], Гайдена превосходно. Записать одно:

1) Помнить о Боге и забывать о себе – это значит: помнить о Боге в себе, о своей божественности, безличности и забывать о своей телесности, о своей личности.

14 Сент.

Встал раньше. Хочется мно[го] писать. Написал письмецо Петерсону. Записать:

1) Помни не о Л[ьве] Н(иколаевиче), забывай эти гадости, а помни о Боге. Как поймешь, кто – кто: Бог – то, благодать чего можно только чувствовать, а нельзя и понять, и Л[ев] Н(иколаевич), исполненный не только в прошедшем всяких мерзостей (Шувалов и пр.) – и Он. И ты помни[шь] о Л[ьве] Н(иколаевиче) и забываешь о Нем.

Только ясно понять, кто-кто, и привыкнешь. Когда один – помнишь, а как с людьми сейчас и забыл, и нужно усилие, чтобы вспомнить. Помоги, помоги, Ты во мне, помнить

О себе. (Не то.)

2) ненадежен для Ц[арствия] Б[ожия] взявшийся за плуг и оглядывающийся назад – на людей, что они подумают, скажут.

3) Я – мы все – работники, кто добывает железо, кто перевозит, кто делает гвозди, болты на огромном заводе, устройство, а главное, цель к[оторо]го не может быть доступна рабочим. Рабочие не знают и не могут знать, что производится на заводе. И потому ясно, что всякая работа не та, к какой приставлены рабочие (исполнение требований закона, совести), а направленная на предполагаемую и всегда неверную дель (п[отому] ч[то] цель настоящая не может быть поня[та], всякая такая работа только мешает делу, делаемому заводом.

Сейчас 10-й час. Хочется работать.

Много писал для учителей и поправ[ил] разговор проезжего с крестьянином. Приехали Саламахины с женами, Линева с мужем, завтракал – иду гулять. 3-ий час.

Приходили дети с учительницами из Хамовни[ков]. С[оне] получше. Спал много. После ужина песни Линевой. Потом вяземские два крестьянина. Потом учителя, хорошая, серьезная беседа с ними до поздн[ей] ночи. – Да, еще б[ыл] Клечковский. И с ним, несмотря на его доброту, не добрый с моей стороны разговор.

15 Сент.

Спал хорошо. Оч[ень] яркие, последовательные сны. Аксаков, его жена Тютчева, франц[узские] разговоры, потом хожден[ие] по Москве, извозчики на санях. А я не помню имени той улицы, в к[оторой] живу, и еще многое живо, ясно. Проснулся с осо-бенно свежей головой и радостным чувством жизни, lebensfroh. Всё чаще и чаще ловлю себя на забвении себя – Бога и памятования себя – Л[ьва] Н(иколаевича). Пришла к голове ясная мысль о значении сновидений; самое же главное и лучшее то, что испытал никогда до такой степени ясности не испытанное сознание своей внепростран[ственности], вневременности, духовности, главное, неподвижности, сознал всей душой обманчивость, воображаемость всего того, что считается действительной, настоящей жизнью. Записать:

1) Вся наша жизнь есть подготовка к пробуждению – радость пробуждения.

2) Все знают и все замечали те странные сны, к[отор]ые кончаются пробуждением от какого-нибудь внешнего воздействия на сонного: или стук, шум, или прикосновение, или падение, – при чем это[т] в действительности случившийся шум, толчок или еще что получает во сне [характер] заключительного впечатления после многих, как будто подготавливавших к нему. Так что сон я вспоминаю, напр[имер], так: я

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru приезжаю к брату и встречаю его на крыльце с ружьем и собакой. Он зовет меня итти с собой на охоту, я говорю, ч[то] у меня ружья нет. Он говорит, что можно вместо ружья взять, почему-то, кларнет. Я не удивляюсь и иду с ним по знакомым местам на охоту, но по знакомым местам этим мы приходим к морю (я тоже не удивляюсь). По морю плывут корабли, они же и лебеди. Брат говорит: стреляй. Я исполняю его желание, беру кларнет в рот, но никак не могу дуть. Тогда он говорит: ну, так я, – и стреляет. И выстрел так громок, что я просыпаюсь в постели и вижу, что то, что б[ыл] выстрел, это стук от упавших ширм, стоявших против окна и поваленных ветром. Мы все знаем такие сны и удивляемся, как это сейчас совершившееся дело, разбудившее меня, могло во сне подготавливаться всем тем, что я до этого видел во сне и что привело к этому только что совершившемуся мгновенному событию?

Этот обман времени имеет, по моему мнению, оч[ень] важное значение. А именно то, что времени нет, а что нам представляется всё во времени только п[отому], ч[то] таково свойство нашего ума. Точно тот же обман происходит и в том, что мы называем действительной жизнью. Только с той разницей, что от того сновидения мы проснулись, а от жизни проснемся только при смерти. Только тогда мы узнаем и убедимся, что реально было в этой жизни то, что спало и что проснулось при смерти.

То же, что случалось с тобой и что тебе казалось, что ты делал в этой жизни, было то же самое, что человек спящий, видящий сны. От этого происходит и то, что как во время сна для человека нет времени, т. е. спит ли он час или сто, одинаково для спящего, также и для человека, живущего в этом мире, времени нет. Он всегда в настоящем.

Очень всё это трудно выразить, но что-то тут есть, и оч[ень] важное.

3) Да, жизнь есть радость пробуждения. Иногда кажется, что проснулся, и тогда ясна сновиденность всего того, что представляется действительной, настоящей жизнью. И так хорошо, легко тогда. (Всё большая чепуха, а влечет к себе.)

Теперь 12-й час. Возьмусь за работу, сам не знаю, какую.

16 Сент.

Рождение есть пробуждение от сна. Сновидения того сна почти все забыты, остается соединенной, слагается в одно вся жизнь та в виде реального характера в этой жизни, точно так же, как при пробуждении от сновидения всё виденное во сне сходится в одно. То же, надо предполагать, будет при смерти, всё пережитое сложится в одно, с чем вступишь в ту жизнь. Наши ежедневные засыпания и пробуждения – образцы перехода от одних жизней к другим.

Но все переходы?

Должно быть, так складываются в одно, непостижимое одно.

Нет ли при таком понимании такой же бессмыслицы признания бесконечного?

Есть полное пробуждение – смерть, и есть неполные пробуждения в самой жизни. Я проживаю такое. Пробуждение выводит из себя, а выводя из себя, вводит в жизнь всего, а жизнь всего познается любовью.

Любовь не есть начало жизни, а только признание сознания начала жизни, Бога.

(Как выражение словами ослабляет сознание.) (До сих пор записано 16 сентября вписана в тетрадь Дневника рукою В. Г. Черткова.)

Утром походил. На душе оч[ень] хорошо, пока один. Всё думал о том, что жизнь личная – сон. И так хорошо, любовно ко всему чувствуешь себя от этого. Дома попытался писать о том, что нельзя не быть анархистом, и не пошло. И ничего не хотелось, и ничего не делал. Решила С[офья] А[ндреевна] ехать завтра. Ей получше. Посетитель кроткий, с вопросами, и кажется, я б[ыл] полезен ему, потом Королёва, этой ненужен. Ездил с Ч[ертковым] верхом. Хорошо говорили. Обед, музыка. И оч[ень] хорошая 2-я лекция с волшебным] фонарем. Крестьянин из Вязём. Немного натянуто. Хорошие письма.

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
1) Помнить о Боге значит перестать помнить о себе, л[ьве] Н(иколаевиче).

17 Сент.

Встал бодро. Встретился фотогр[аф] и кинематографщик. Неприятно и то, ч[то] вызывает сознание себя не божественного, а пакостного л[ьва] Николаевича]. Дорогой записал кое-что. Говорил с ч[ертковым] о намерении детей присвоить сочин[ения], отданные всем. Не хочется верить. Записал:

1) Жизнь это желание блага. Если понять, что жизнь личности сон, то нельзя уже желать блага мечте, сну, и желание блага направляется на всё любовь.

2) Сон (дальнейшее, до окончания записи под л- 2, внесено в тетрадь Дневника переписчиком.) с своими периодами полной бессознательности и полупробуждениями сознания, дающими материал для запоминаемых сновидений, и наконец полным пробуждением – совершенное подобие жизни с бессознательным периодом, проявлениями сознания запоминаемыми, всё более и более ясными, и наконец смертью – полным пробуждением. Хотелось бы сказать, что жизнь до рождения, может быть, была такая же, что тот характер, который я вношу в жизнь, есть плод прежних пробуждений, и что такая же будет будущая жизнь, хотелось бы сказать это, но не имею права, потому что я вне времени не могу мыслить. Для истинной же жизни времени нет, она только представляется мне во времени. Одно могу сказать – то, что она есть, и смерть не только не уничтожает, но только больше раскрывает ее. Сказать же, что было до жизни и будет после смерти, значило бы прием мысли, свойственной только в этой жизни, употреблять для объяснения других, неизвестных мне форм жизни.

Дома неприятные известия, что С[оня] взволновалась предложением ехать до Моск[вы] врозь. Пошел к ней. Оч[ень] жаль ее, она, бедная, больна и слаба. Успокоил не совсем, но потом она так добро, хорошо сказала, пожалела, сказала: прости меня. Я радостно растрогался. Опять ничего не писал. Пошел ходить, забрел далеко. Ч[ертков] выручил, приехал на лошади. Сон, обед. Музыканты. Музыка не удовлетворила.

18.

Спал мало. Пошел гулять. Не хоте[л] проститься с музыкантами, совестно стало, вернулся и глупо, неловко сказал, и стыдно стало, и ушел. Опять чуть не заблудился. Опять пришел ч[ертков]. Сейчас дома прибавил к 1-му разговору и хочу переделать 2-й.

Суэта отъезда. Хочется домой. Как мне ни хорошо здесь, хочется спокойствия. Записать или ничего, или оч[ень] многое.

[20 сентября. Ясная Поляна.]

Ехали хорошо. Я прошел пешком. Кинематографщик и фотографы преследовали. В Москве узнали и приветствовали – и приятно, и неприятно, п[отому] ч[то] вызывает дурное чувство самомнения. Обед, вечер спокойно. Дунаев, (Зачеркнуто: Конисси) Семенов, Маклаков. Пошел в кинематограф. Оч[ень] нехорошо.

19 Сент.

Спал мало. И слаб. Походил. Написал письма Нажив[ину] и Иконникову. Анучин, еще кто-то, Конисси. Поехали. Толпа огромная, чуть не задавила. Ч[ертков] выручал, я боялся за Соню и Сашу. Чувство опять то же, и неприятное сильнее, п[отому] ч[то] явно, что это уже чувство толпы. Ехал хорошо. Интересно Ольга Фредерике сказала, ч[то] ей важно и нравится в теософии то, ч [то] отвратительно, именно то, что несправедливость этого мира уравнивается, устраняется жизнью в других мирах. Искушение тоже. Какая наивность. Приехали в Ясенки. Я помню, как мы сели в коляску, но ч[то] б[ыло] дальше до 10 ч[асов] утра 20-го – ничего не помню. Рассказывали, что я сначала заговаривался, потом совсем потерял сознание. Как просто и хорошо умереть так.

20 Сент.

Сегодня проснулся в 10 очень слабый. Много писем. Два оч[ень] ругательн[ых]. Написал о руг[ательных] письмах письмо в газеты. Два раза ходил гулять. Слаб.

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Всё думается – и хорошо – о письме г[осударю] и свидании с ним, думаю, ч[то]
напишу. Теперь 5 часов, сделаю операцию и лягу в постель.

Заснул, обедал неохотно. Вечером Ив[ан] Ив[анович] и не помню кто.

21 Сент.

Спал лучше. Приятно ходил гулять. Много писем, статью о руг[ательных] и письма
отвечал и читал. Были Александри, Попов, Димочка. Скучно. Ездил верхом,
наслаждался. На душе что-то странное, новое, радостное, спокойное, близк[ое] к
смерти. А сейчас ложусь спать, и что-то грустно, оч[ень] грустно. Помоги, Бог,
исполнять Твою волю, жить Тобою. Когда вспомню – и хорошо. Но вспоминаю только,
когда один. Ложусь, 12-й час.

22 Сент.

Спал хорошо. На душе хорошо, но всё что-то новое – близкое, боюсь сказать – к
Б[огу], но к (зачеркнуто: искан[ию]) памятованию о Нем, и грустно. Ходил далеко
гулять. Занялся поправлением статьи о ругательных письмах и прочел и написал
письма. Радостное чтение Кр[уга] Чт[ения]. Ездил в Телят[инки]. Тяжело особенное
внимание ко мне. Далеко ездил. Вечером ничего не делал. Надо много записать, но
сейчас 12-й час – ложусь спать.

23 Сент.

Здоров. Ходил. Встретил посетителей. Один, Ерофеев, умный, но, очевидно,
славолюбивый и даровитый. Дома не неприятно, просто. Письма мало интересные.
Ничего не могу делать. На душе недурно. Не принуждаю себя. Ездил верхом на Рвы,
встретил Андр[ея] с женой. С ним тяжело. Обед с шампанским, дорогие блюда.
Тяжело. Утром просители, тоже оч[ень] тяжело. И не совсем хорошо себя вел.
Сейчас вечер, ложусь спать, не берусь за запись из книжки. Не хочется писать.

24 Сен.

Мало спал. Гулял. Писал письмо индусу и получил приятное письмо от индуса из
Трансвааля. Письмо индусу оч[ень] слабо. Приехал Моод. Тяжело это занятие людей
мною. Кинематографчики. Вчера поразительны по своей наивной бесчувственности
рассуждения Андриюши о том, как выгодно стало владение именьями: хлеб, рожь
стал[а] вдвое дороже, работа стала на 20% дешев[ле]. Прекрасно. Чего же желать?
– Нынче письмо от бати. Хорошее. Сейчас ложусь спать и опять не дописываю из
книжечки. Очевидно, поднялась желчь, и от этого грустно и отчасти мрачно, но не
поддаюсь.

25 и 26 Сент.

Пойду назад. Сейчас 8 часов вечера 26-го. Ходил приятно, спокойно по елочкам.
Перед этим беседова[л] с милым приехавшим П. И. Бирюковым, а перед этим писал
довольно много: анархизм. Не знаю, выйдет ли и буду ли издавать. В первый раз
нынче после нескольких дней охотно писал. Перед этим читал письма. Первое же
пробуждение б[ыло] неприятно известие[м], сообщенным Беркенг[еймом], что
приш[ел] беглый человек от Гусева. Берк[енгейм] сам распорядился им, и когда я
искал его, его уже не было. Утром погулял по саду. 25-го вечером хорошо говорил
с Моодом. Он жалеет о своем разрыве с Ч[ертковым] и, вероятно, чувствует себя не
совсем правым, но хорошо, что Ч[ертко]ва ни в чем не обвиняет. – Ездил далеко-в
Горюшино верхом. Утро ничего не делал. Написал письмо индусу. Начал было
разговор, но бросил. Моод переводит письма к индусам. Вот и всё. Теперь
записать:

1) как бы хорошо ни б[ыло] выражено то, что сознаешь о значении и смысле своей
жизни, самое выражение ослабляет значение того, что выражено.

2) Помоги мне Тот, кого знаю, но не могу ни назвать, ни понять, помоги мне жить
не по воле Л[ьва] Н[иколаевич]а, а по воле Того, по воле Кого живет Л[ев]
Н[иколаевич].

3) человек плачется на то, ч[то] он лишен того блага, к[отор]ого жаждет, и ищет
его везде, только не там, где оно есть, а между тем ему надо только не искать
ничего, ничего не делать, и благо это будет его достоянием. На эту тему была

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
какая-то притча. Теперь забыл ее.

4) Человеку для его ненарушимого блага нужна только одна вера: вера в то, что благо его только в исполнении не своей воли, а Его воли. Его же воля всегда и тотчас же ясна, как только человек отрешился от своей.

5) Прекрасное у Платона сравнение Симплия души с гармонией лиры, а тела – с самой лирой. «Уничтожь лиру – и уничтожится гармония».

Еще лучше возражение Сократа то, ч[то] так как он нынче же на суде своей душой, т. е. гармонией, по сравне[нию] Симплия, отказав[шись] отречься от своих убеждений, разрушил самую лиру, то очевидно, что сущность жизни не в лире, а в том, что представляется Симплию гармонией, т. е. в чем-то нетелесном. (Что-то и об этом оч[ень] хорошее думал, а теперь забыл. Надо записывать.)

27 и 28 Сент.

27-го вчера. Не выходил. Ноге хуже, посидел на балконе. Прочел и ответил письма и потом оч[ень] много писал и охотно анархизм. Мож[ет] б[ыть], и годится. Не ходил и перед сном. Вечером Клечк[овский], и с Пошей, как всегда, хорош[ая] беседа. Нынче, 28. Вышел в сад. Трудно жожу. Три молодых человека просители. Письма: одно письмо Шустовой. Я длинно отвечал и больше ничего не делал. Димочка б[ыл], уезжа[ет]. Разговор с Клечковским об учении детей. Ходил по саду через силу. На душе хорошо, спокойно, радостно. Благодарю и радуюсь. Теперь 6 часов, только проснулся от сна и жду обеда.

Записать:

1) Обдумываю письмо государю о земле, самой, кажется, первой важности, и в это время приходит мысль о том, что сказать С[офье] А[ндреевне] о желании Ильи В[асильевича] получить прибавку жалованья. Одно дело – благо русского народа, обсуждаемое с царем, другое: прибавка жалованья лакею. Но второе важнее первого, п[отому] ч[то] это второе требует моего участия и решения, первое же я сам предпринимаю.

2) В обществе людей, живущих духовной жизнью, во главе их, влияя на них, естественно станет человек высший по нравственным качествам. В обществе же людей, живущих одной телесной, мирской жизнью, неизбежно всегда во главе их с властью над ними станет человек самый низкий по нравственным свойствам.

3) Человек родился в доме отца, воспитался и мог продолжать жить, работая на отца, но такая жизнь показалась ему и тяжелой, и бессмысленной, и он бросил дом и пошел искать другой жизни, другой работы. Он менял места, то ему не нравилось, то его не принимали, то принимали и прогоняли, и он измучился и вспомнил о доме. И только тогда нашел благо, когда вернулся, от чего ушел – к отцу.

То же и с жизнью людей, оставляющих свойственную им жизнь по воле Отца Бога и служение Ему. Также страдают, выходя из Его воли, и так же находят покой и радость, возвращаясь домой, к Нему, к исполнению Его воли.

Вечером б[ыл] Клечковский и играл очень не дурно. Но рассуждает оч[ень] тяжело.

29 и 30 Сент.

29-го не сходил вниз, писал и оч[ень] много написал к Анарх[изму]. Кажется, недурно. Но тяжело осуждение. Но как-то само собой выливается. Опять разговор с Клечк[овским]. Поехал кататься с Пошей. Оч[ень] мне хорошо с ним. Я его всего понимаю и люблю. Был у М[арьи] А[лександровны]. Видел Буланже, и мне тяжело с ним. Нет того, [что] с Пошей: полного общения без задержки. Как всегда, спал, обедал. Просмотрел Конфуция Буланже. Опять хорошо говор[ил] с Пошей. – Простился с Д. В. Никитиным. Он совещался. Неестественно. Он уехал. Мало оч[ень] спал.

30-го. Проснулся рано. 8 оборванцев. Чувствовал в них людей, но не мог обойтись с ними по-человечески. – Тарас, с ним хорошо поговорил. Потом сел за работу, за разговор и много и, кажется, порядочно писал. Был Буланже, говорил с ним о Конфуции. Ездил кататься с Пошей. Приятно. Дома Веточка, дочь Лизы. Оч[ень] уж чуждая, я не добро говорил с ней. Одно хорошо, что я так приучил себя, что как только согрешу против любви с человеком, так сейчас больно чувствую. И входя в

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
общение с людьми, помню. Это прогресс. И я не могу не радоваться.

Сейчас вечер, 10-й час. Прочел пись[ма], ответил. Записать нечего. Нешто ту странную мысль, к[оторая] мне вчера пришла в голову о том, что все наши восприятия чувствами совершаются через осязание, для к[оторого] нужна материя – вещество. Через вещество же мы и отделены от Всего. Для нашего отделения нужно вещество. Но почему не вообразить себе совсем другие существа, к[отор]ые могут получать впечатления и быть отделены не веществом, а чем-либо другим. Так что мы, живя в иллюзии вещества, не знаем, не можем знать эти нематерьяльные существа, так как не знаем того, что отделяет их от Всего, так же, как они не могут знать нас и того, что нас отделяет вещество, к[отор]ое не существует для них. Всё это чепуха, но меня занимала тем, что как-то особенно живо показывала мне то, что не только наш мир есть один из бесчисленного количества миров (опять количество). Ну хоть то, что наш мир иллюзия, и что реально только то, что воспринимает.

В зале Веточка, иду помогать Соне.

2 Окт.

Совсем не записал вчерашний день. День б[ыл] мало содержательный. Ничего не работал, только ответил недлинно, но не дурно на письма. Ездил в шараб[ане] в Судаково. Мысль о старой жизни отца с Телятин[ками] и Судаковым. Разумеется не напишу – некогда. Здоровье хорошо, но умственно вял. За обедом оч[ень] тяжело переносил разговоры с Веточкой. Как тип, оч[ень] характерный.

Вечером читал о (зачеркнуто: антро[пофагах]) людоедах в Африке и думал об отношении с ними христиан, разумеется, непротивляющихся. И сначала смутился, но потом одумался и понял, что, во 1-х, если и побьют многих, неизбежно будут удивлены и пожелают пользоваться их добротой и самоотречением, а потом и поймут, глядя на их всегашнее довольство, преимущество их понимания жизни. Ну да это может и не быть; одно несомненно, что никогда род человеческий или общества людей не разделятся на два лагеря: одних – диких зверей, а других – святых. В действительности везде, как было, так и есть: весь род человекск[ий] стоит на постепенных в духовном совершенстве состояниях, и между дикими и святыми много промежуточных ступеней, всё приближающихся к совершенству любви.

Сегодня, 2 Окт[ября]. Прекрасно спал, гулял и думал:

1) О художественном (Зач.: произведении) писании, в к[отор]ом относиться с радикальным недоумением, т. е. с разумным христианским мировоззрением, к описываемой современности. Могло бы быть оч[ень] сильно и оч[ень] заманчиво. Слава Богу, не имею своей воли. Захочет Он – сделаю.

2) Думал сейчас, при чтении прекрас[ных] дней н[а] к[аждый] д[ень], о том, что то, что я сознаю своим «я», есть сознание Богом самого себя через весь мир, в том числе и через меня. От этого-то б[ог] есть любовь. Может казаться неясно, но мне и ясно, и умиленно радостно.

Кончил записывать, сажусь за работу Разговора, к к[отор]ому уяснилось важное.

3 и 4 Окт.

Вчера видел кошмарный сон о герц[огине] Ольденб[ургской] и как меня бросили «под сводами», и как я жалуясь и сержусь на всех тревожащих меня. Письма мало интересные. Немного поправил Разговор. Ходил до Козл[овки]. Соня и Андрей с женой приехали за мной. Андр[ей] и она оч[ень] жалки мне и, слава Богу, нет к ним недоброго чувства. Простился с Пошей милым. Сегодня, 4 Ок[тября]. Много писал. Одно письмо серьезное, и поправил окончательно Разговор и Анар[хизм]. Ездил верхом. Сейчас ложусь на предобеденный сон.

5, 6, 7, нынче 8 Окт.

Вчера. 7. Оче[нь] дурно себя чувствовал. Утром ходил к лесничему, говорил с Голд[енблатом] о Телят[инских] мужиках. Дома ничего не делал. Читал Андр[еева] и Чел[ышева], к[оторые] оба приезжают. Вечер тоскливо. Хочется умереть. Спрашивают: что же тебе дурно? Не дурно, а там лучше.

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Ночью от живота не спал.

Третьего дня, 6-го. Плохо поправил Разговор, и несколько писем. Ездил с Душ[аном] к Звегинц[евой]; неприятный стражни[к]. Трудно, но тем нужнее удержать любовн[ое], братское отношение. Вечером ничего особенного. 5-го. Вероятно, то же самое. Тоже нездоровилось. Нынче немного, оч[ень] немного получше. На душе хорошо. Записать:

1) Забыл всё. Одно помню: ч[то] надо бы ответить тому, кто меня осуждает за то, что я не беден, как Иоан Кр[еститель], – ответить, ч[то] Иоан святой, а я отставной офицер, жил дурной жизнью и только к старости начавший думать о Боге и кое-как добираться до того, как бы служить Ему.

2) ученый определил 7000 видов мух.

9 Окт.

Вчера б[ыл] чельшев. Соединение ума, тщеславия, актерства, и мужицко[го] здравого смысла, и самобытности, и подчинения. Не умею описать, но оч[ень] интересный. Много говори[л]. Его мысль о влиянии на Европу регулированием вывоза и вместе передачи крестьянам тех торговых выгод, к[оторые] теперь в руках купцов – оч[ень] умна. Она груба, антирелигиозна, патриотична, но может связаться с Ед[иным] налогом. Я дал ему письмо к Николаеву.

Нынче здоровье лучше, но все то же желчно мрачное настроение.

Написал письмо Картушину и поправил Разговор. Ездил верхом. Спал перед обедом и иду к обеду. Несмотря на мрачность, держусь. То забываю, то запоминаю при общении с людьми сказать себе: «Помоги мне быть с Тобой или Тобой», – и помогает.

[10 октября.]

Вечер провел не помню как. Вечером б[ыл] Илья. То же отсутствие высших интересов, как у всех сыновей. Но ничего. (От слова: Вечером до конца записи – позднейшая приписка.)

10 Окт.

Душан болен. Я ходил к нему. Как всегда, кроткий, спокойный. Ничего не делал, кроме писем неважных. Ходил Саше навстречу. Бил камни и хорошо поговорил с отцом и сыном ясенецкими. Вечером читал Андр[еева]. То же впечатление очень определенное. Ранние рассказы хороши, позднейшие ниже всякой критики. Записать, кажется, нечего. Был тяжелый проситель. Я сначала дурно обошелся, но потом справился. Вообще не могу приучить себя вспоминать о Боге при общении. Вспоминаю после. Буду учиться.

11 Окт.

Вторую ночь хорошо сплю, но слаб. Только вышел – 4 безработных. Потом 4 от Чер[ткова]: Гусаров, С. Попов, Перевозников и Беленький. Пошел ходить, но надо с ними поговорить.

Ничего не писал, кроме ничтожных писем. Ездил с Дунканом в Казначеевку. Мучительно положение живущего в достатке среди нищеты. Все просят, и все жалки, и сам гадок. Опять забывал молитву. Был Буланже. Кое-что приписать к разговору и к Штокг[ольмскому] докладу. Оч[ень] слаб и не переставая хочется смерти.

14 Окт.

Два дня пропустил и совсем не заметил этого: так был слаб последние дни. Нынче как будто посвежее, но утром ничего не делал, кроме изменения ответа Струве и нескольких писем. Чтение Андреева живее заставило меня думать о художественной работе. Хочется, но нет неудержимой потребности. Третьего дня, 10-го, кажется, поправлял окончательно Разговор, написал несколько писем, ходил пешком. Захолодало. Никто не приезжал. Читал Андреева, и ничего, стоящего внимания, не помню. Был мальчик, сначала ничего не просил, я навязал ему рубль, на другой день пришел просить 14 р. Больших отступлений не помню. Начинаю привыкать: быть настороже при общении с людьми. Вчера 13-го. Встал всё слабый, написал ядовитую

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru заметку на статью Струве и письма. Ходил пешком. Очень слаб. Кончил Андр[еева]. Знаменат[ель] несоразмерно велик с числителем. Записать надо:

1) Всякая просительная молитва есть признак неверия в Бога. Бог высший разум, высшая любовь. Всё на благо. Что мне не нравится, это только признак моего неизбежного непонимания. (Как это мне казалось нынче ночью, когда я записал это, а как пошло вышло теперь.)

2) Произведение искусства только тогда настоящее, когда воспринимающий не может себе представить ничего иного, как именно то самое, что он видит, или слышит, или понимает. Когда воспри[нимаю]щий испы[ты]вает чувство, подобное воспоминанию, – что это, мол, уже было и много раз, что он знал это давно, только не умел сказать, а вот ему и высказали его самого. Главное, когда он чувствует, что это, что он слышит, видит, понимает, не может быть иначе, а должно быть именно такое, как он его воспринимает. Если же воспринимающий чувствует, что то, что ему показывает художник, могло бы быть и иначе, видит художника, видит произвол его, тогда уже нет искусства.

3) Есть искусства двойные: музыка, драма, отчасти живопись, в кот[орых] мысль – задача искусства–и исполнение разделяются: в музыке композиция и исполнение, также и в драме – сочинение пьесы и исполнение, отчасти и в живописи, вообще в пластич[еском] искусстве, замысел и исполнение, и уже вполне – иллюстрация. И в этих двойных искусствах чаще всего встречается фальшивое искусство: ложная, пустая мысль и прекрасное исполнение музыкантами, или актерами, или живописцами. Особенно в драме и музыке. Есть драматурги (Андр[еев] принадлежит к ним) и композиторы, к[оторые], не заботясь о содержании, о значительности, новизне, правдивости драмы, музыкального сочинения, рассчитывают на исполнение и к удобству, эффектам исполнения подгоняют свои произведения.

Сейчас иду завтракать, 2-й час.

Ездил верхом оч[ень] приятно. После обеда читал Vedic Magazine. Надо бы написать индусу благодарность за его прекрасное изложение о Майа. Ма – это мера, майа – измеренное, ограниченное. Всё это иллюзорно. – Поздно вечером играл в 4 руки с С[офьей] Ан[дреевной]. Руки не ходят.

15 Окт.

Много спал. Ходил и ясно понял, как я плох, желая отвечать Струве, как далек от божеской, для души, жизни. Бросил.

Много писем хороших. Одно ругательное. Пошлю в Русь. Всё больше и больше хочется художественной работы, но нынче умственно слаб. Ходил по саду. Заснул. Иду обедать.

18 Ок.

Опять два дня не писал, нынче третий. Да, прежде еще, вечер 75-го. Не помню, вечером что-то читал. 26-го. Приехал Семенов. И уверил меня, что нельзя отказаться от фонографа, что я обещал. Мне б[ыло] оч[ень] неприятно. Надо было согласиться. Получил письмо ругат[ельное] по-случаю разговора с Челыш[евым], что надо вешать и вешать. Я написал письмо в газеты, но потом, обдумав, не послал. С Семеновым б[ыло] приятно. Он и умен и образован самобытно, по-мужицки, т. е. по-хорошему. Потом приехала полька, врач из Парижа. Сначала она мне была смешна со своей научностью и *rigine morale*, [моральная гигиена,] но потом увидал в ней умную женщину. Они с Семеновым перечисляли писателей выдающихся, и тем имя легион, а второстепенных, третьестепенных? Какое скверное и пустое занятие. И какой оно имеет успех. Ездил верхом с Душано[м] оч[ень] приятно.

Вчера начал было Детскую мудрость, но ничего не успел сделать: раскидываюсь. Ездил с Душаном на телефон, говорил с Ольгой. Вечером приехали с грамофоном и фонографом 6 человек. Оч[ень] б[ыло] тяжело. Нельзя б[ыло] отказаться, и надо б[ыло] приготовить, что мог.

Нынче утром оч[ень] рано проснулся, нервно возбужден. Готовил к говорению в фонограф и говорил, и слава Богу, мне всё равно, как будут судить, одно побуждало: если уж попал, то хоть что-нибудь сказать, что хоть кому-нибудь, как-нибудь может пригодиться. Держал себя хорошо. Несколько раз вспоминал

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
молитву. Да уж становится привычкой. Так ч[то] когда отказался от подарка машины и фонографирования вместе, б[ыло] мне неприятнее, чем им. Получил оч[ень] интересную книгу о Бабе и Беха Улле. Не дочел еще.

Вчера или 3-го дня именно по случаю посылки письма руг[ательного] в газеты оч[ень] живо почувствовал отвращение к заботе о мнении людей. И так захотелось одного: чтобы меня оставили в покое делать мое дело – служить Ему в те немногие дни, к[отор]ые остаются. Записать:

1) Сознаний – два. Одно сознание тела и различных частей его, которыми могу двигать или к[отор]ые болят, чешутся, и другое сознание – души, различных свойств ее, к[отор]ые могу направить на то или другое или которые страдают. (Неясно, а было что-то ясное.)

2) Молитва:

Радуюсь тому, что знаю, что Ты еси, и что я есмь, и, главное, тому, что знаю, что Ты и я одно и то же.

19 Окт.

Вчера ездил видеться с Ольгой. Встретил, хорошо поговорили. Дома к обеду Звегинцева. Старался или не говорить или говорить серьезно и добро. Не совсем хорошо, но лучше, чем прежде. То же и с Андреем и его женой. Но упрекаю себя в том, что не скажу им прямо то, что думаю об их жизни. С Зв[егинцевой] говорил о молитве в церкви, о тексте VI М[ат]ф[ея] и неприложимости к молитве текста XVIII, 20. – Вообще как вредно приписыванье значения текстам.

М[арья] Ал[ександровна] приехала. Какая серьез[ная] в ней идет работа!

Нынче встал не рано. Пошел ходить. Болит спина, и большая слабость. Но на душе твердо, ясно. Благодарю. Сейчас почитал к[руг] Ч[тения], письма, ответил на конвертах, и ничего не хочется писать, и слава Богу. Перечитал по случаю фонографа свои писания: О смысле жизни, О жизни и др., и так ясно, что не надо только портить того, что сделано. Если уже писать, то только тогда, когда не можешь не писать.

1-й час.

Ездил с Иваном далеко верхом. Вечер Андрей с семьей. Легче переносу. Читал Русск[ую] Мысль: Конь Белый, Березка и стихи. Без преувеличения: дом сумашедших, а я дорожу мнением этих читателей и писателей. стыдно, л[ев] Н[иколаевич].

20 Окт.

Много спал, слаб. Хорошо думалось, кое-что запишу. Но днем ничего, кроме Кр[уг]ов Чтения и писем, не делал. Но и то хорошо, если делаешь перед ним. Нет, поправил еще разговор с учителями. Нехорошо. Приехал Ив[аы] Ив[анович], привез и вышедшие книги, и планы новых. – Приятно работать с ним. Видел во сне оч[ень] живо Гусева и написал ему. Потом приехал из Воронежской] губ[ернии] нарочно совсем серый и сырой крестьянин. И курит, и пьет еще, и осуждает, и уличает духовенство, но самобытен, и мне оч[ень] полюбился. Взял книги, портрет и уехал. Да, в них одна надежда, если позволять себе надежды и мысли о будущем. Я не позволяю. Ольга с детьми. Приятно. Да, еще прочел Никифору (из Воронежа) разговор и замети[л] в нем недостатки и хочу исправить.

1) Всё больше и больше переходит в старости жизнь из прошедшего и будущего в настоящее. А чем больше переносишь силу жизни, willе zum Leben, [воля к жизни,] из прошедше[го] и будущего в настоящее, тем свободнее и блаженнее жизнь.

2) Теперешняя молитва моя такая:

Помни, что тебе нет [дела] до людей, что ты перед Богом.

И довольно успешно повторяю это, и с большой пользой.

3) Да, все или почти все несчастья людей от того, что они заботятся не о себе, а об других людях. Только заботься люди только о себе, о своем истинном благе, и

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
каждый бы был (чем он должен быть), доволен своей жизнью и не заставлял бы
страдать других и сам бы не страдал от них.

Да, забыл записать: неприятный разговор с С[офьей] А[ндреевной] по случаю
черкеса и попытки ограбления в Топтыко[ве]. Можно б[ыло] мягче. Но ничего.

После обеда беседа с Ив[аном] Ивановичем] о предстоящих работах. Оч[ень] хорошо.
Теперь 10 часов. С[офья] А[ндреевна] сейчас уезжает.

21 Окт.

С[офья] А[ндреевна] вчера вернулась, испугавшись брошенного на дороге
автомобиля. Спал мало, но хорошо думалось на прогулке. Фридман приехал ненужный.
Начал писать записки священника. Могло бы быть оч[ень] хорошо. Мож[ет] б[ыть], и
напишу. Хотелось бы это и записки лакея. Не моя воля, но Его. Потом уезжала
С[офья] А[ндреевна], потом письма и завтрак. Поехал верхом с Фридм[аном].
Оч[ень] по хорошим местам ездили. Обедали с Ив[аном] Ивановичем]. Говорили об
его делах. Он по горло завяз в мирской суете. Жалко. А може[т] б[ыть], так надо.
Написал письмо индусу (нехорошо). Письмо от Ч[ерткова] о праве на издание писем,
к[оторое] хочет присвоить Сергеенко. Как тяжело! Не Ч[ертков], Ч[ертков] это
другой я, а эти бедные люди, зарабатывающие средства жизни произведениями мысли.
Право лучше чистить нужники, чище работа (Последние шесть слов, в подлиннике
выскобленные, воспроизводятся по фотокопии из архива. В. Г. Черткова.).

Сейчас с Сашей говорил. Она рассказывала про жадность детей и их расчеты на мои
писанья, к[оторые] попадут им после моей смерти, следовательно, и на мою смерть.
Как жалко их. Я отдал при жизни всё состояние им, чтобы они не имели искушения
желания моей смерти, и все-таки моя смерть желательна им. Да, да, да. Несчастливы
люди, т. е. существа, одаренные разумом и даром слова, когда они и то и другое
употребляют для того, чтобы жить, как животные. – Нехорошо, сужу их. Если так
живут, то, значит, иначе не могут. А я сужу. Да, хочется художественной работы.
Можно всё высказ[ать], облегчить себя, никого не осуждая.

Был нынче юноша из Гродно, в третий раз пришел просить. Ему дава[ли], но он
требует. И нельзя дать ему. А не даешь, то чувствуешь себя виноватым. С С[ашей]
говорил, т. е. Она говорила. Как радостно! Не хочу. Она читает.

Записать надо:

1) Первое и самое главное: Нет меня, моего я, а есть только моя обязанность
перед Ним.

2) Я, как отдельное существо, – иллюзия. Я только один, бесконечно малый орган
(Ударение поставлено Толстым.) бесконечно великого, недоступного мне Всего. Мое
дело служить этому Всему, как служит каждая клетка, частица всему телу.
Вообразить себе, что я отдельное, независимое существо, верх безумия. Я только
орган. Нет никакого я; есть только обязанности органа служения Всему и
возможность радостного сознания этого служения. Служение же возможно только
тогда, когда орган в единении со Всем. Единение со Всем дается любовью. Так что
любовь не есть цель Всего (Бог не есть любовь), а только условие, при котором
орган, то, что мне представляется как «я», соединяется со Всем. Цель же Всего не
доступна мне, хотя я и знаю, что служу ей. (Неясно, но мне радостно, понятно.)

Сейчас 10-й час, я, чувствуя себя слабым, бессильным, не могу ни письма написать
ни записать, что нужно.

22 Окт.

Проснулся рано. Душан пришел с известием, ч[то] скрипач с женой. Я сошел вниз.
Вероятно, еврей; хотел играть, я поручил решить дочерям. Они отказали.

Сам я пошел на деревню и испытал одно из самых сильных впечатлений, заплакал.
Были проводы ребят, везомых в солдаты. Звуки большой гармонии залихватски
выделяет барыню, и толпа сопутствует, и голошение баб, матерей, сестер, теток.
Идут к подводам на конце деревни и заходят в дома, где товарищи. Всех шестеро.
Один женатый. Жена городская, нарядная женщина, с больши[ми] золот[ыми]
серьгами, с перетянутой тал[ией], в модном, с кружевами, платье. Толпа, больше
женщин и, как всегда, спящих оживленных, милых ребят[ишек], девчонок. Мужики

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru идут около или стоят у ворот с строгим, серьезн[ым] выражением лиц. Слышны причитания – не разберешь, что, но всхлипывания и истерический хохот. Многие плачут молча. Я разговорился с Василием Матвеевым, отцом уходящего женато[го] сына. Поговорил[и] о водке. Он пьет и курит. – «От скуки». – Подошел Аникан[ов] староста и маленький, старенький человек. Я не узнал. Это б[ыл] рыжий Прокофий. Я стал, указывая на ребят, спрашивать, кто – кто?

Гармония не переставала – заливалась, все идем, на ходу спрашиваю у старичка про высокого молодца, хорошо одет[ого], ловко, браво (Написано: бравого) шагающего: –А этот чей? –»Мой», –и старичок захлюпал и разрыдался. И я тоже.

Гармония не переставая работала. Зашли к Вас[илию], он подноси[л] водку, баба резала хлеб. Ребята чуть пригубливали. Вышли за деревню, постояли, простились. Ребята о чем-то посовещались, потом подошли ко мне проститься, пожали руки. И опять я заплакал. Потом сел с Вас[илием] в телегу. Он дорогой льстил: «Умирайте здесь, на головах понесем».

Доехали до Емел[ьяна]. Никого, кро[ме] Ясенских, нету. Я пошел домой, встретил лошадь и приехал домой.

Теперь 12-й час. Видел прекрасн[ый] сон о том, как я горячо говорил о Г[енри] Жорже. Хочу. записать. Оч[ень] б[ыло] хорошо. Но слаб. Стало быть, Он не хочет, т. е. Ему не нужно. Дурно себя вел с Вас[илием], забыл о том, чтобы быть только перед Богом. Старался оправдаться перед Вас[илием]. Гадко.

Ничего не писал. Чуть-чуть поправ[ил] разговор. Ездил верхом с Душаном. Перед обедом пришла Саша объявить, что все вернулись – и музыканты, и Фридман. Что ж делать. Казались мало симпатичны. К обеду (Написано: обедали) приехали ксендз с французом. Фр[анцуз] грубо льстил. Ксендз, очевидно, не верит, но хочет себя уверить. Софист своих преданий. И нужно ему не мое мнение, а мне высказать свое. Потом стали играть. Превосходно. Он цыганской породы. Я особенно был тронут Nosturne'ом Шоп[ена]. И оказал[ись] оч[ень] милые люди.

23 Окт.

Спал хорошо. Всё хочется писать. Пошел гулять. Слаб. Болит поясница. Вернулся, сначала не хотелось, а потом написал сон свой о Генри Дж[ордже]. Не совсем хорошо, но и не совсем дурно. Ездил за нашими в Телятинки в шарабане. Поспал. Сейчас идти обедать. Записать:

1) Одна из главных причин ограниченности людей нашего интеллигентного мира это погоня за современностью, старание узнать или хоть иметь понятие о том, что написано в последнее время. «Как бы не пропустить». А пишется по каждой области горы книг. И все они, по легкости общения, доступны. О чем ни заговори: «А вы читали Челпанова, Куна, Брединга? А не читали, так и не говорите». И надо торопиться прочесть. А их горы. И эта поспешность и набивание головы современностью, пошлой, запутанной, исключает всякую возможность серьезного, истинного, нужного знания. А как, казалось бы, ясна ошибка. У нас есть результаты мыслей величайших мыслителей, выделившихся в продолжение тысячелетий из миллиардов и миллиардов людей, и эти результаты мышления этих великих людей просеяны через решето и сито времени. Отброше[но] всё посредственное, осталось одно самобытное, глубокое, нужное; остались Веды, Зороастр, Будда, Лаодзе, Конфуций, Ментце, Христос, Магомет, Сократ, Марк Аврелий, Эпиктет, и новые: Руссо, Паскаль, Кант, Шопенгауер и еще мног[ие]. И люди, следящие за современностью, ничего не знают этого, а следят и набивают себе голову мякиной, сором, кот[орый] весь отсеется и от к[оторого] ничего не останется.

2) Есть добрые люди, к[отор]ые до такой степени лишены духовной жизни и вследствие этого – понимания духовной жизни в других, что они были бы в отчаянии, если бы сознали себя виновниками телесного страдания других, особенно близких людей, но кот[орые] с совершенно спокойной совестью наносят самые тяжелые страдания духовной стороне жизни других людей: ставят их в необходимость тяжелой борьбы, оскорбляют самое святое, дорогое им.

3) Есть самоотречение телесное и самоотречение духовное. Первое это отдать другому пищу, когда тебе самому есть хочется, отдать деньги, труд... Второе это то, чтобы отдать славу доброго дела другому, прослыть дураком, дурным человеком для того, чтобы исполнить требования совести, закон б[ога], любви.

4) (Для записок Священника:) как больше всего усилили в нем сомнения софизмы защиты церкви товарищем, и как утвердило в вере принесение бабой свечи Казанской Б[ожьей] М[атери].

24 Окт.

Вечер вчерашний прошел праздну. Да, б[ыл] Гусаров. С ним оч[ень] хорошо поговорил. Сильный человек. Как ему хорошо. Я уже пережил время, в к[оторое] мог бы быть таким. Написал письмо Ч[ерткову]. Перечел написанное утром и ужаснулся – как плохо. Не стану тратить времени на поправку.

Сегодня проснулся еще слабее, чем вчера. Решил отказать Ч[ерткову] в его предложении] машины. Ходил с ноги на ногу. Оч[ень] слаб. Дома не брал пера в руки, только написал Ч[ерткову]. Читал Горьк[ого]. Ни то, ни се. Прошел по саду. Тяжелое впечатление от черкеса получил, и Ольга. И мне тяже[ло] б[ыло] стало. Одно хорошо б[ыло] нынче: это поразительно ясное сознание своего ничтожества всячески: и временно, и умственно, и в особенности нравственно. Оч[ень] хорошо, и не только не ослабляет мою веру, но усиливает ее. В общем же успокаивает, – хорошо.

Иду обедать. После сна немного лучше.

Нет более неприятного предмета для размышления и наблюдений, как своя телесная личность. Да, нет меня, есть только мои обязанности. Прекрасное подобие: положение работника. (Последний абзац записан Толстым на отдельном листке, переписан в текст Дневника переписчиком, а позднее вклеен в тетрадь Дневника.)

25 Окт.

Вечер вчера читал Мещ[ане] Горьк[ого]. Ничтожно. Сегодня встал столь же слабый. Пошел гулять, насилу хожу. Читал Н[а] К[аждый] Д[ень], маленькие книжечки Посредника и письма. Ни за что не брался – так слаб. Но на душе хорошо. Приехал Цингер, и я с ним говорил о науке вообще и о физике, потом читал о физике в Брокгаузе и нашел подтверждение своих мыслей о пустяшности «науки» и физики с своими гипотезами эфира, атомов, молекул. Иду обедать. Не скажу, чтобы было лучше.

Основание всей физики (как и других естественных наук) только одно это изучение законов познания предметов посредством внешних чувств. Основное чувство – осязание, подразделенное на виды его: зрение, слух, обоняние, вкус. Первые два разработаны. Об остальных и речи нет. (Запись сделана Толстым на отдельном листке, на верху которого его рукой пометка. В дневник. Листок был позднее вклеен в тетрадь Дневника. Настоящий абзац, как и следующий, вписан в текст Дневника переписчиком.)

То, что должно бы быть основой всех знаний, если не единственным предметом знания – учение нравственности – стало для некоторых не лишенным интереса предметом, для большинства «образованных» – ненужной фантазией отсталых, необразованных людей.

26 Окт.

Не спал до 3-х, и б[ыло] тоскливо, но я не отдавался вполне. Проснулся поздно. Вернулась С[офья] А[ндреевна]. Я рад ей, но оч[ень] возбуждена. Вчера нашел письмо Леон[ида] Семенова. Нынче ходил бодрее. Написал письма Леон[иду], Кони, Толстому, Наживину. Приехал Страхов. Ничего не делал утром. Хорошее письмо Ч[ерткова]. Он говорит мне яснее то, ч[то] я сам думал. Разговор с Стр[аховым] б[ыл] тяжел по требованиям Ч[ерткова], потому ч[то] надо иметь дело с правительством. Кажется, решу всё самым простым и естественным способом – Саша. Хочу и прежние, до 82. Ездил верхом с милым Душ[аном]. Потом молодой человек, медленно мыслит, но разумно. Хочется еще поговорить с Гусаровым. Не мог Заснуть. Слаб, но лучше. Иду обедать.

Вечер. Еще разговор с Страховым. Я согласился. Но жалею, ч[то] не сказал, ч[то] мне всё это оч[ень] тяжело, и лучшее – неделание,

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
27 Ок.

Здоровье не худо. Ходил. Ничего не записал. С особенной впечатлительностью читал К(руг) Ч[тения]. Два хороши[х] письма. Пришел Л. Семенов с крестьянином. Совсем опростился. И я не могу не радоваться на него, но не могу и не бояться. Нет ясности, простоты. Но я рад ему и люблю его. – Ездил с душ[аном] в Телятинки. Говорил с Гусаровым оч[ень] хорошо. Дома-как всегда, и Саша чувствует, что не то. Что-то выйдет?

Одно хотел записать, это – мое ясное сознание своего ничтожества во всех отношениях.

28 Окт. Е[сли] б[уду] ж[ив].
[28 октября.]

Как раз оказалось сомнительно, ч[то] буду жив: слабость, сонливость. Ровно ничего не делал, кроме писем. Не записал еще 27. Пришел Семенов с крестьянином. Сем[енов] в лаптях, совсем бедно одет. Я оч[ень] рад б[ыл] ему и радуюсь на него и стыжусь себя. Говорил с ним не совсем хорошо. Не то что дурно, а неполное душевное общение. Да я перед ним не стою этого. (Я ошибся: о Сем[енове] записано.) Ездил в Овсянниково, М[арья] А[лександровна] рассказывала про племянника и читала его письма. Оч[ень] хорошо с ней поговорил. Вечером потом не видал Сем[енова]. Приехал Мих[аил] Сергеевич. Оч[ень] уж велика противоположность между ним и Леонидом. Заснул в 5-м часу и спал до 8. Оч[ень] слаб. На душе оч[ень] хорошо.

29 Окт.

Проснулся поздно, [в] 10-м часу. Опять неестественно много спал. Хорошо поговорил с Леонидом. Помогли ему Бог. Счастье, ч[то] есть такие люди. Я говорил ему о внешнем. Он верно объяснил. Ездил с д[ушаном] часа два. 5 часов, ложусь спать.

Из записной книжки. 1) Не судить ни на словах, ни в мыслях и потому тем менее заботиться о суждении людей. А то самое обыкновенное – тот, кто весь живет заботой о мнении людей – осуждает почти всех людей, каких знает.

[2)] Помогли мне, Господи, ни на словах, ни в мыслях не судить людей, за то и не заботиться о их суждении обо мне.

[3)] Желание блага есть жизнь, понял, что личность и все ее интересы сон, и желание блага направляется на всё – любовь.

[4)] Сон с своими периодами полной бессознательности и полупробуждениями сознания, дающими материал для запоминаемых сновидений, и наконец полным пробуждением – совершенное подобие жизни с бессознательными периодами, проявлениями сознания запоминаемыми, всё более и более ясными, и наконец смертью, полным пробуждением. Хотелось бы сказать, что жизнь до рождения, может быть, была такая же, что тот характер, который я вношу в жизнь, есть плод прежних пробуждений, и что такая же будет будущая жизнь, хотелось бы сказать это, но не имею права, п[отому] ч[то] я вне времени не могу мыслить. Для истинной же жизни времени нет, она только представляется мне во времени. Одно могу сказать: то, что она есть, и смерть не только не уничтожает, но только больше раскрывает ее; сказать же, что было до жизни и будет после смерти, значило бы прием мысли, свойственный только в этой жизни, употреблять для объяснения других, неизвестных мне форм жизни.

31 Окт.

Главная причина непонимания жизни после смерти – это невозможность представить себе жизнь вне пространства, вещества, времени и движения. Мы можем только сознать ее, но не можем представить.

К зап[иска] лакея. Говорят о земле. Старик всё время молчит и начинает говорить только, когда его вызвали.

Необыкновенно странное, тоскливое состояние. Не могу заснуть, два часа (ночи). (Текст от слов: Из записной книжки кончая: два часа (ночи) внесен в тетрадь

1 ноября.

Никак не думал, что два дня пропустил. Вчера вернулся Леонид. Оч[ень] трогает он меня своей серьезной религиозностью. Я чувствую, что он молится почти всякую минуту. Ничего не писал. Приехала З[ося] Стахович. Писем немного ответил и читал Рамакришна. Слабо. Вечером почти простился с Леон[идом]. Третьего дня почти то же, или забыл. М[ихаил] Сергеевич чужд. Да, к обеду приехал Сережа, тоже, к несчастью, чужд. – Сегодня приехали Голд[енвейзер] и Страхов, привезли от Ч[ерткова] бумаги. Я все переделал. Довольно скучно. Простился с милым Леонидом и писал и читал письма. (От слова: Сегодня кончая: читал письма в подлиннике выскоблено. Воспроизводится по копии из архива В. Г. Черткова.)

Забыл, третьего дня б[ыла] оч[ень] интересна поездка в волостн[ой] суд. Встретился там с Вас[илием] Морозовым], Тарасом. Говорил с ними серьезно.

1) Удивительная слепота матерьялистов. У меня есть чувство – пять: з[рение], с[лух], об[оняние], вк[ус], ос[язание]. Хорошо. Весь мир обусловлен этим, общим всем людям и общим всем существам основным чувством осязания. Хорошо. Я, человек, испытываю чувство зрения, слуха... но это не все: я могу спросить себя, что я испытываю сейчас зрением, или слухом, или осязание[м], или об[онянием], или вкусом? И испытывать самое чувство и сознание этого чувства, т. е. могу перенести свое сознание на то или другое чувство. Мало того: я думаю, я могу спросить себя: о чем я думаю? Что же это то, что сознает и спрашивает? Это не чувство и не мысль – это сознание жизни. Но могу ли я спросить себя, что такое это сознание? и сознать сознание? Нет. Стало быть, это главная основа того, что мы называем жизнью. А что это такое? То, что мы называем жизнью и к[отор]ое, хотя и связано с тем, что представляется нам телом, никак уж не может быть объяснено телесно.

2) Ни про что вещественное нельзя сказать, что оно есть. Всё вещественное только происходит и проходит. Если что есть, то только то, что невещественно.

3) Особенно ясно понял нынче одуряющее влияние «науки», т. е. запоминания чужих мыслей. Ничто так, как это нагромождение чужих мыслей не атрофирует, не умерщвляет так способность иметь свои мысли и уметь управлять ими.

2 ноября.

Спал хорошо, а всё слаб. Кажется, что я отписался (художественной работы). Нет сосредоточения на одном. А многое хочется. Вчера ничего, кроме писем, не делал. Довольно легкомысленно беседовал за столом. Вечером с Булыг[иным], Стр[аховым], Голд[енвейзером] приятно. Нынче тоже писал письма и читал Ужасы христианской цивилиз[ации]. Не так хорошо, как я ожидал узко. Но как форма превосходно. Нынче опять изжога. На душе оч[ень], оч[ень] хорошо. Помогите, Госп[оди] – и помогает. Записывать, кажется, нечего. Не помню, что б[ыло] вечером.

4 ноября.

Пропустил вчерашний день. Вчера ничего не работал, читал и отмечал в ней места в книге Ламы. Оч[ень] сильно. Попытался писать предисловие – не пошло. На душе весь день было умиленно грустно хорошо, – как ни странно это сказать – радостно.

Вечером 2 нояб[ря] оч[ень] важное. Я сказал про то, ч[то] Ч[ертков], если я приеду в Кр[екшино], обещает устроить так переезд через Москву, что меня не увидят. С[офья] А[ндреевна] вдруг вышла из себя. Оч[ень] б[ыло] тяжело. Я, слава Богу, удержался в добре. Прощался целуясь, и оч[ень] хотелось сделать ей что-нибудь особенно приятное. Понимаю эту лучшую радость жизни: за зло заплатить добром, но только понимаю, но сделать не мог ни в тот вечер, ни на другой день.

Мог только на словах держаться, но в душе была гансине[злопамятство.]. И то слава Богу. Можно и дойти.

Целый день вчера б[ыл] слаб, ходил гулять в елочки. Писем б[ыло] мало. Вечером играл в карты.

Какую великую помощь дает мне моя новая молитва. Помогите мне, Господи, быть с

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Тобой. Помогает в общем состоянии, но все-таки редко успеваю вспомнить при общении с людьми. Никогда не думал, чтобы это б[ыло] так трудно – трудно вспоминать при общении. Записать:

1) Дело у меня теперь главное одно: хорошо умереть. Оно и у всех всегда главное дело, п[отому] ч[то] для того, чтобы хорошо умереть, надо хорошо жить. Только в 25 лет не помни[шь] и не понимаешь этого так, как в 81.

2) Тщеславие, забота о славе людской, с к[оторой] я так к боролся и борюсь, так же сильно, как в молодых существах половое чувство.

И странное дело, я понял, что оба эти чувства одинаково необходимы для жизни совокупности людей. – Половое чувство необходимо для продолжения человечества, славолюбие – для продолжения движения мысли человечества. Последствие первого – продолжение жизни, последствие второго – развитие, совершенствование жизни. Не будь полов[ого] чувства – не было бы жизни поколений, не будь славолюбия – не б[ыло] бы общения, единения мысли между людьми. Оба чувства составляют трудно преодолимую потребность и вместе с тем, строго говоря, безнравственны и если не сдерживаемы, вызывают самые отвратительные поступки, и потому естественно людям воздерживаться от того и другого и отдаваться тому и другому только тогда, когда человек не может не отдаться этим требованиям и берет на себя обязательство, связанное с исполнением требований чувства: при половом чувстве обязательство берется по отношению последствий поступка – содержание, рождение, воспитание детей; при славолюбии же от обязательство в исполнении в жизни тех начал, к[отор]ые высказывает пишущий или говорящий.

3) Часто в письмах спрашивают у меня: хорошо ли, нужно ли жениться, выходить замуж. Думаю, что такой ответ ясно выразит то, ч[то] я думаю и чувствую по этому вопросу:

Всегда лучше воздержаться, если можешь, – уничтожить в себе пол, если можешь, т. е. быть ни мужчиной, ни женщиной, а человеком. Это первое. Если же не в силах и не можешь видеть мужчину в женщинах – сестер, а женщина в мужчинах – братьев, если полов[ое] чувство нарушает главное дело жизни братское, равно духовное, любовное отношение ко всем людям, то женись, сойдясь неразрывно, на всю жизнь с одной[м] или одной, разумеется, стараясь найти в том или той, с кем сходишься, наибольшее согласие с своим непониманием, и вступая в такое половое общение, знай, что ты этим общением берешь на себя обязательство растить и воспитывать детей, – естественное, оправдывающее последствие брака.

5 Ноя.

Вчера ездил с Зосей верхом. Вечер читал книги об Индусской вере. Одна превосходная книга об смысле жизни. Атман. «Люби в себе не себя, а атман, т. е. дух беспредельный, и будешь любить всё, и будешь жить Духом, свободно, блаженно». Как я счастлив, что не рассуждением, а всей душой, главное, опытом начинаю понимать, испытывать, чувствовать это.

Вечер играл в карты. Нынче снег, ходил гулять по глубокому снегу, и так хорошо, так хорошо на душе! Ясно понял, что только положи свою жизнь, цель ее в освобождении духа, в совершенствовании, в общении с Богом (всё это одно и то же) – и нет в жизни ничего, кроме радости всё большего и большего приближения к цели. На прогулке так ясно, ясно стало, ч[то] только поставь в этом жизнь (а я начинаю уж жить так) – и всё, что называется горем: болезни, потери и, главное, оскорблен[ия], унижения, всего этого можно желать, чтобы иметь радость перенести любовно, особенно оскорбления, дающие случай отплатить добром за зло.

Всё никак не могу привыкнуть сотворить молитву: помоги...при встрече с каждым человеком и во время общения. Думаю, что привыкну. Как радостно быть учеником в 81 год и делать успехи!

Написал впечатление отправляемых рекруто[в] – слабо. Несколько приятных писем, отвечал, ездил с Душ[аном], морозно, снежно. Спал, и после сна исчезло радостное настроение. Особенно радостное было, когда я встретил трех прохожих и почувствовал радость любви к ним. К вечеру же всё прошло, и нет уж того умиления, но слава Богу, помню молитву и почти при всех общениях нынче вспоминал. Теперь 10 часов, иду к чаю и спать.

6 н. Е[сли] б[уду] ж[ив].
[7 ноября.]

Не только 6-е, но и 7-е – нынче.

Вчера утром получил прекрасное письмо от Полилова о Г[енри] Дж[ордже] и отвечал ему и еще что-то приятное, – педагогика Т[олстого] по-болгарски. Поправлял Рекрутов. Вышло и порядочно. Вечер тоже занимался поправками письма Полилову и Рекрутами. Нынче оч[ень] дурно, беспокойно спал. Тревожные мысли. Неприятно отсутствие открыто[сти] и правды в отношениях с людьми. Но понял, что всё это физическое недомогание. Да, вчера утром был тяжелый студент проситель из Киева. Трудно было, но надо было лучше, душевнее обойтись. Сегодня опять поправля[л] письмо Полилову, прочел и написал письма и начал поправлять сон.

Ездил верхом с Сашей, ложусь спать перед обедом. Это к 7-му. После обеда читал Горького, слабо. Нет главного – чувства меры, – знаменатель велик.

8 н.

Оч[ень] хорошо спал и от этого бодр. Возвращаюсь с гулянья, женщина хорошо одетая, просит помощи, сказал, что обыкновенно, предложил 5 к[опеек], она взяла и ушла. Вместе с женщиной оборванный до последней степени нестарый человек в ботинках. Спросил, кто? Был газетчик, сослан за «распространение нелегальной литерат[уры]». – Пьете? – Пил немного. – Просит книжек. Грамотный? – Как же. – Я дам посмирнее каких, а то опасно.

– Я не боюсь.

– Да, я думаю, вам тюрьма не страшна.

– Чего страшного мне. Лучше в тюрьме, чем так.

– Да, жалко вас. Сколько пострадало за революцию. А ведь ясно, что ничего нельзя было сделать.

Говорю, что обыкновенно: что в самом народе, в нравственно религиозн[ой] жизни, в отказе от участия в насил[ии], в солдатстве. Всё в самом себе. А силой не возьмешь.

– Не теперь, так после ког[да]-нибудь.

– Нет, не равны силы. Там миллиарды денег, миллионы войск, а у вас что? Победит одно: нравственно религиозная жизнь.

– Да, это так. Бранят, бранят правительство и богачей, а сами только о том и думают, как бы побольше схватить, где и как попало.

– Вот то-то, говорю я. А как жалко мне вас. Вдруг отвернулся, закрыл глаза рваным рукавом и зарыдал и долго не мог повернуться ко мне.

Пока говорил об общем, он был спокоен, осуждал, рассуждал. Но как только он почувствовал сострадание к себе, он сознал себя, какой был и что теперь, и не выдержал.

Много писем, поправил «Песни на деревне» и Сон. Порядочно. Ездил верхом с Душаном. Неприятна неискренность.

Ложусь спать перед обедом.

9, 10 Ноя.

Вечер читал Горького. (Зачеркнуто: Интересно) Знание народа черносотенного, прекрасный язык, т. е. гово[р] людей. Но совершенно произвольная, ничем не оправдываемая психология, т. е. приписыванье чувств, мыслей своим лицам – и всё больше героическая, и потом среда исключительно безнравственная. Притом рабское уважение перед наукой.

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Вчера, 9-го. Ходил по саду, потом оч[ень] много относительно писал Сон и письма. Сон мож[ет] быть не дурен. Приятно с домашними, спокойно, любовно. Всё интерес к мнению людей не могу победить. Ездил с Душ[аном] в Телятинки. Говорил с Алексеем об убийстве человека. Менее интересно, чем ожидал. Сон, обед, чтение Горько[го]. Сегодня проснулся в 6-м часу и много хорошо думал и от того ничего не писал. И не дотрогиваюсь до бумаги. Только письма. Теперь позавтракал, еду к М[арье] А[лександровне]. Записать: Да, посмотрел Дет[скую] Муд[рость], не дурно.

1) Движение может быть только, когда есть что-либо недвижимое, в покое. Движение есть нарушение покоя естественного положения, – Также и вещество. Понятие вещества

возможно только, когда есть что-либо невещественное, сознаваемое. Вещество есть нарушение сознаваемого естественного состояния сознания. Не хорошо. Надо еще обдумать.

2) Трудно любить обижающих нас, но я понимаю, что можно, и иногда могу, но почти невозможно, для меня по крайней мере, любить самодовольных, гордых людей.

3) Потом записано к речи Орло[ва] в Сон.

4) к Дет[ской] Мудр[ости] о патриотизме, разговор больших и потом спор и драка детей, чей сад лучше.

Хорошо ездил. Приятно у М[арьи] А[лександровны]. Дома вечер кончил читать Горького. Всё воображаемые и неестественные, огромные героические чувства и фальшь. Но талант большой. И у него, и у Андр[еева] нечего сказать. Им бы надо писать стихи или то, что и выбрал Андр[еев] – драмы. В стихах спасет допускаемая неясность, а в драме обстановка и актеры. То же было у Чехова, но у него есть комизм.

Вечером было неприятно, и я напрасно не высказался о Кавказском Пл[еннике] и Полик[ушке], чтобы отдать их в общ[ую] пользу.

11 н.

Спал хорошо до 5, потом бессонница, к утру заснул. Прекрасно гулял. Но работы нет. Думаю о статье о безработных с предложением учредить помощь им. Хорошо бы. Но нынче ничего не мог писать. Только кое-какие письма ответил.

Не скажу, чтобы дурно было на душе, но нет того ясного, радостного чувства сознания своей духовной жизни. И как всегда при этой слабости, всё тревожащая забота о суде людском. Записать:

1) О числе, об единице. Что такое единица, один??? Откуда это понятие? Оно кажется самым ясным, а оно самое необъяснимое. Если я говорю: один, одно кресло, перо, то я говорю про.... Не могу ясно выразить. После. Одно, что хотел сказать, что понятие одного возник[ло] из сознания себя одним среди бесконечного.

2) (Ко Сну) «Мы отстали». Слава Богу, что отстали, т. е. народ отстал, не развратился еще и, может, вы[ве]дет нас, развращенных уже, на верную, спасительную дорогу всеобщего равенства, при к[отором] только возможна любовь. Этого-то нам – высшим, «образованным» – и не хочется, и мы всячески стараемся не выходить на эту дорогу, а напротив, оставаться в прежнем положении и развратить народ и школами с «зак[оном] Божии[м]», и наукой, и главное, двумя китами, каждый по 700 миллионов, одно прихода – кабаки, другое расхода – солдатства. Собираем доход с развращения, приучения к пьянству и расходует его на приучение к убийству. Важно не то, что обируют народ, важно то, что развращают его.

Из записной книжки: (Дальнейшее, кончая: доступное человеку сознание внесено в тетрадь Дневника переписчиком.)

1) Нет такого Бога, который мог бы исполнять наши требования, есть только такой, требования которого мы должны исполнять.

2) Не то, чего я хочу, а то, чего Ты хочешь. Перед Богом. Хочу жить с Тобю не для себя, а для Тебя.

3) Вся тайна в том, что есть нечто непреходящее, соединенное с временем и пространством; нечто это – сознание; (Сравнение с человеком книги буддиста.) Нечто неподвижное, соединенное с подвижным – сознание. Сознание сознания есть любовь.)

4) Мне кажется, что сознание началось при рождении. Но это неверно: началось соединение неподвижного сознания с известным подвижным, отделенным пространством предметом, но сознание вне времени и потому не могло начаться, так же как не началась река, когда на ней поставили мельницу, началась мельница. И потому дело жизни уйти в сознание, самое глубокое, доступное человеку сознание.

[14 ноября.]

Всё это неясно, п[отому] ч[то] не пересмотрел. Два дня пропустил. Так дурно себя чувствовал и чувствую.

Пропущено 12 и 13. Нынче

14 нояб.

12. Ничего особенного. Написал довольно много о безработных. Едва ли что-нибудь выйdet.

Приехала Таня. Оказывается, что Полипов это она. Она оч[ень] была приятна. Письма, много хороших. Слабое состояние. Но начинаю привыкать помнить о том, что живу перед Б[огом]. Вечером играл в карты. Прекрас[ный] рассказ Сони о спасении девушки на Ходынке и М[арьи] А[лександровны] о Фед[оте] Март[ыныче]. 13-го. Ничего не писал, только письма. Но чаще и чаще вспоминаю, что нужно. Умственно слаб, душевно не слаб. Письмо от Ч[ерткова] о двойственности. Нынче, 14, отвечал и другие письма. Вчера б[ыл] Буланже и очень приятен, и прекрасно о Ми-Ти. Таня нынче уехала. С утра был бодр, а теперь оч[ень] слаб. Иду завтракать.

За завтраком взрыв С[офьи] А[ндреевны] против Саши. Разумеется, Саша виновата. Виновата п[отому], ч[то] мне больно за нее. Вообще устал, устал от жизни. Выспался, пора проснуться. Одно, одно хорошо: делай поведенное, и если уж не любить всех, то не не любить никого.

15 нояб.

Встал бодро. Пошел гулять, встретил Соломахина с Данилом – бывшие хлысты. Хорошо побеседовали. Мож[ет] б[ыть], им пригодится. Потом куча писем. Отвечал, как умел. Не знаю, хорошо ли, но знаю, что писал не для себя, а помня о своем долге. Это, слава Богу, становится хорошей привычкой. Потом приехал Андрей. Мне было оч[ень] тяжело. Но я не упрекаю себя, что б[ыл] холоден. Этот front d'aigain[медный лоб] удивителен. Ходил гулять. С Сашей вчера говорил хорошо. Она живет. Раза два говорил с Данилой, составил для него записку в их общину. Гулял. Проводил Данилу. Сейчас 10-й час. Как будто потерял записн[ую] книжку, а нынче как раз в нее записывал.

1) Утонченное духовное наслаждение для души, вроде гастрономических деликатес[ов] для желудка, это – доброе, ласковое, не притворное любовное отношение к человеку, оскорбившему вас, и еще утонченнее, если удастся без его ведома сделать ему добро. Всё усиливается тоска, почти отчаяние от своей праздной жизни в безумной роскоши среди людей, напряженно трудящихся и лишенных необходимого, возможности удовлетворения первых потребностей. Мучительно жить так, а не знаю, как помочь и себе и им. В слабые минуты хочется умереть. Помоги, Отец, делать до последней минуты то, что Ты хочешь. Работа над собой в мыслях, к[отор]ой я учусь и отдаюсь всё (Слово: всё написано дважды.) больше и больше последнее время, много, оч[ень] много подвинула меня; но как всегда, истинное движение в добре, как всегда, только всё больше и больше открывает свое несовершенство (11 часов).

16 н. Е[сли] б[уду] ж[ив].

[17 ноября.]

Был жив, но очень б[ыл] слаб. Прочел и ответил несколько писем. Были интересные.

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Ездил к М[арье] А[лександровне] с Сашей. Было оч[ень] приятно. Вечером почувствовал себя дурно, проспал обед, до 10-го часа. И потом дурно себя чувствовал. Был Булыгин, я так ослабел, что забыл про его сыновей, забыл, сколько им лет. Ночь спал тяжело. Еще вчера было так тоскливо просыпаться и начинать день, что я записал где-то: неужели опять жить!

Сегодня 17 н. Очень был слаб, лежал в постели до 12-ти. Встал, читал письма, журнал Теософии, газету, как всегда, н[а] К[аждый] Д[ень] в 3-х изданиях. Утром же записал N в Дет[скую] Мудрость не совсем хорошо. И начал писать о правительстве. Не кончил, но думаю дописать. Поел немного. Теперь свежее. Теперь 8-й час. С[офья] А[ндреевна] едет в Москву.

18 н. Е[сли] б[уду] ж[ив].
[18 ноября.]

Жив. И даже оч[ень] хорошо себя чувствую. Однако утром ничего не писал, кроме просмотра и исправления Д[етской] М[удрости] да нескольких писем. На душе особенно хорошо от живого сознания возможности жить с Богом и Богом. Ходил гулять утром и перед сном. Не могу передать этого сильного, странного, колеблющегося чувства – сознания возможности жизни только для Бога, для исполнения Его закона. То же чувство, когда сознаешь себя органом, каналом, через к[отор]ый проходит только в этом мире неподвижное, невещественное, безвременное, внепрострапственное начало, к[отор]ое мне дано сознать.

Приходил Телятинский крестьянин. Его сына отдали в солдаты и судят за то, что он сказа[л], что иконы – доски. Оч[ень] много хочется писать, да разбрасываюсь. Ну да что могу. Хочу не для себя (в лучшее время). Да, какое чудное сознание проходящего через меня и составляющего мое «Я» духовного начала, (Написано: духовное начало) к[отор]ое я могу сознать собою. Прекрасно это у Магомета: «Бог захотел быть известным, проявить себя и сотворил людей». Разумеется, не сотворены и не захотел. А это выражает то, что я чувствую. Слава Богу, целый день помнил, что живу Им. И хорошо. Был проситель. Ничего. Сделал, что мог. Ну и довольно. Иду спать. Да, получил ругательное письмо при статье Менш[икова]: Старый фигляр. И к стыду моему, это огорчило меня. Но хорошо, поправился.

19 н. Е[сли] б[уду] ж[ив].
[19 ноября.]

Жив. Мало спал, но приятно возбужден. Но опять совсем ничего не работал. Во 1-х, получил 28 писем, во 2-х, пришел проститься милый Гусаров, и в 3-х, ночью еще записал о сознании и переправлял. Получил второе и третье письмо с осуждением за статью о науке, и все от одинакового типа людей: людей, «верующих» в науку, как в религию, поставивших себе идеалом достижение этой науки, достигших известной степени ее обладания, и вдруг..... неверующий позволяет себе отрицать эту единственную святыню. Кроме того, это всё люди партий. Тут на сцене и то, что это на руку С[оюзу] Р[усского] Н[арода], и что это против программы и т. п. Нынче мне всё хорошо, и стыдно сказать, всё от того, ч[то] желудок освободился. Не хочется верить, – так много духовного в эти периоды телесного здоровья. Нынче особенно близко чувствую себя к Богу и так хорошо, искренно, не забывая, молюсь короткой молитвой: Помоги мне быть с Тобою и при общении с людьми, и при чтении писем, и при воспоминании о людях.

Старался вчера и третьего дня быть добрым, помнящим свое назначение, свою и ничтожность и величие, и держался, но только держался, но далеко не б[ыло] того, что было и продолжает быть нынче. Думаю, что эти дурные телесные состояния полезны, вызывая усилие подъема. Когда же телесно хорошо, подъем это[т] особенно заметен.

От Леонида Семенова прекрасное письмо. Как радостно и благотворно общение с такими людьми!

Сейчас постараюсь ответить ему. Записать:

1) Прощение не имеет смысла для христианина. Понятие прощения вытекает из нехристианского чувства и понятия наказания – мести.

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
2) Большая заметка о сознании, о том, что сознание есть чувствование в одно и то же время всего и своего отдельно от всего существа. Проявление этого чувствования есть любовь ко всему и любовь к себе. Любовь есть желание блага предмету любви, и потому любовь ко всему есть желание блага всему и производит согласие, мир, единение; любовь же к себе есть желание блага одному себе и производит вражду, борьбу, раздор. Кроме того, любовь ко всему включает любовь к себе, любовь же к одному себе исключает любовь ко всему. И потому любовь ко всему побеждает любовь к себе, и в этой победе жизнь и каждого отдельного человека, и всего мира.

Завтра приезжают музыканты. Спроси[л] себя перед Богом и нашел, что безразлично. Иду обедать.

[21 ноября.]
Вечер не помню, кажется, читал.

20-го Н. Приехали музыканты. Я жалел, что приглас[ил] их. Очень уж это всё искусственно. Даже утонченно искусственное возвращение к старому. Все французы, оч[ень] милые, лстивые, и Голд[енвейзер]. Музыка оч[ень] физически волнует. Смешно заботился о фр[анцузском] языке. Читал и писал письма и ничего, кажется, не работал. Ездил с Голденв[ейзером] верхом. Обед, опять музыка.

Сегодня 21 Н. Видел во сне музыкантов вчера[шних]. Всё мало сплю и оч[ень] слезлив. С утра приехала из Москвы девушка с вопросами. Бедняжка ищет, но говорит молодость и похоть в виде влюбленья; потом Лопатин, сидевший за меня в тюрьме, приятн[ый] человек, приехал только поблагодарить. Хорошо, – не хорошо, а не совсем дурно – писал с начала разговор за обедом. Потом читал вслух с Буланже письма Соловьева. И я слушая разревелся. Такая удивительная сила у этого человека. Тоже Икон[ников]. Еще не читал.

Ездил с Душаном к сиротам в Нов[ую] Колпну. Дорогой застал на кладбище пьяный народ. После обеда читал прекрасную работу Буланже о Конф[уции] и поправ[лял]. Много нужно записать.

Продолжаю 21 ноября то, что нужно записать.

Теперь 12-й час, а записать нужно много и хорошего, потому откладываю до завтра.

23 ноября.
Вчерашний день пропустил. Встал бодро. Прохожий милый, с первых слов признается, что вина – вино. Очень много таких, едва ли не большая часть. Утром немного занимался письмами, потом взялся за Предисловие к Н[а] К[аждый] Д[ень], и оказалось оч[ень] много работы. Надо б[ыло] сличать с тем, что напечатано. И тут разница, и я путался и оч[ень] устал. Ходил по саду. Спал хорошо. Вечером поправлял Конфуция Буланже. На душе хоро[шо]. Сегодня встал вялый. Хотел заняться Предисловием, но нет сил. Перечита[л] письма и вот хочу записать:

1) Как невозможно удержать кашля – сколько ни удерживай, он вырвется, хотя бы это было при слушании слов самого великого человека или при самой прекрасной и торжественной музыке, так невозможно удержаться теперь у нас, в России, от высказывания, от крика боли при созерцании тех ужасов, к[отор]ые так спокойно совершаются.

2) Мне подарили электр[ический] карандаш: отвернешь – и он освещает то место, где пишешь, и только то, где пишешь. Карандаш это[т] поразительная эмблема нашей жизни. Отверни, освободи от того, что скрывает свет твоей души, и ты будешь жить в свете, освещающем тебе то, что тебе нужно видеть, знать для того, чтобы действовать, но только то, что нужно знать для того, чтобы действовать.

3) Когда мне теперь, в мои года, приходится вспоминать о половом акте, я испытываю не то что отвращение, какое я и в молодости испытывал, но прямо удивление, недоумение, что разумные человеческие существа могут совершать такие поступки.

4) Мы называем безнравственными, потерянными людьми воров. А между тем воровство бедных, нищих у богатых нисколько в нравственном отношении не хуже, часто и

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru менее дурно, чем многие и многие поступки, к[отор]ые считаются даже похвальными, как торговля вообще, в особенности вредн[ыми] предметами вином и т. п., как служба, особенно судебная, административная, военная, духовная деятельность в каких бы то ни было высоких степенях и мн. др. Воры почти всегда не понимают и не признают преступности своей деятельности так же, как не признают этого архиереи, губернаторы, министры, судьи, сенаторы. Побуждает же воров к их деятельности, кроме выгоды и больше, чем выгода: охота. Именно охота, желание испытать радость ловко обделанного дела, как у охотника ловко застреленного, затравленного зверя. Как бы хорошо было, кабы люди понимали это!

5) Бог передает знание о себе человеку не человеческим языком – словом, а своим особенным, божеским языком, без слов вполне понятным чистому сердцу человека.

Вчера прочел обвинительный акт Горбунова. Это что-то ужасное, поразительное. C'est le cas ou jamais de dire [Теперь или никогда – случай сказать] не могу молчать. Это так же неудержимо, как кашель во время музыки. Нынче чувствую себя оч[ень] вяло и угрюмо, но знаю, что это случайность, нормальное же – то умиленно любовное, к[отор]ое испытывал вчера.

Ездил к М[арье] А[лександровне]. Поговорил с Б[уланж]е. Оч[ень] слаб. Читал после обеда о Горьком. И странно, недоброе чувство к нему, с к[отор]ым борюсь. Оправдываюсь тем, что он, как Ничше, вредный писатель: большое дарование и отсутствие каких бы то ни было религиозных, т. е. понимающих значение жизни убеждений, и вместе с этим поддерживаемая нашим «образованным» миром, кот[орый] видит в нем своего выразителя, самоуверен[ность], еще более заражающая этот мир. (Зачеркнуто: Но не в том дело. Мне оч[ень] физичес[ки] дурно) Например, его изречение: Верить в Бога – и есть Бог; не верить в Бога – и нет его. – Изречение скверное, а между тем оно заставило меня задуматься. Есть ли тот Бог сам в себе, про к[отор]ого я говорю и пишу? И правда, что про этого Б[ога] можно сказать: верить в Него – и есть Он. И я всегда так думал. И от этого мне всегда в словах Христа: любить Бога и ближнего – любовь к Богу кажется лишней, несовместимой с любовью к ближнему, – несовместимой п[отому], ч[то] любовь к ближнему так ясна, яснее чего ничего не может быть, а любовь к Б[огу], напротив, оч[ень] неясна. Признавать, что Он есть, Бог сам в себе, это-да, но любить?... Тут я встречаюсь с тем, что часто испытывал – с раболепным признани[ем] слов Евангелия.

Бог – любовь, это так. Мы знаем Его только п[отому], ч[то] любим; а то, что Б[ог] есть сам в себе, это – рассуждение, и часто излишнее и даже вредное. Если спросят: а сам в себе есть Бог? – я должен сказать и скажу: Да, вероятно, но я в Нем, в этом Боге самом в себе, ничего не понимаю. Но не то с Богом – любовью. Этого я наверно знаю. Он для меня всё, и объяснение и цель моей жиз[ни].

Теперь 10. Иду в залу. Завтра приезжает Соня. Помоги быть с Тобою.

25 н.

Пропустил день. Вчера. я встал бодро. Оч[ень] приятно встретил, ее. Опять ничего, кроме писем, не писал, даже и не брался писать. Нет, неправда: поправлял Предисловие] н[а] К[аждый] Д[ень] и недурно.

Ездил верхом в Нов[ую] Кол[пну]. Пьяный Федотов, старшина, сироты. Оч[ень] хорошо себя чувствовал. Всё руки не доходят писать. Стараюсь не огорчаться. Кажется, ничего плохого не было. Помню Бога. Обед, вечер бессодержательно. Читал немного Дост[оевского] и L'immole. Всё яснее и яснее становится безумие жизни всей и в особенности русской, и как будто готовлюсь высказаться. Ночью оч[ень] болел живот и изжога. Проснулся поздно.

25 н.

Ходил гулять. Письма, подавшие повод интересно высказаться. Только и делал, а сейчас уже час. Записать:

1) Бог не может быть существом. Понятие существа нераздельно с понятием отдельности от всего остального, а Бог есть «всё», так как же Он может быть отделенным.

2) Сегодня ночью были довольно сильные боли, и я вспомнил, что страдания это тоже испытание того, насколько жизнь твоя в духе, а не плоти. И мысль эта и

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
вытекшее из нее отношение к страданию оч[ень] облегчило их.

3) Как хорошо то, что всё значение деятельности человека не может быть видно ему при его жизни. Если бы человек, деятельность к[отор]ого будет иметь великое значение в далеком будущем, 200, 300, сознавал бы ее при своей жизни, он одурел бы. Если бы Христос знал всё значение своего дела, он и сам поверил бы, что он Бог.

Ходил по саду и пруду. Приехали Daniel и А[леша] Сергеенко. Тяжело спал. Обедал, с трудом говорил по-англий[ски]. Daniel умный, холодный человек. Всё нездоровится. Согрешил с просительницей, пристававшей поутру. Написал подполковнику] о Боге ьедурно. Сейчас ложусь спать.

26 н.

Лучше себя чувствую. Письма прочел и написал и занялся Предисловием] Н[а] К[аждый] Д[ень]. Подвинулся. Но не кончил. Ездил с Ольгой, Даниелем и детьми кататься. Телеграмма от печатник[ов]. Неловко, как не желать освободиться – в пустыню или умереть. Впрочем, мож[ет] б[ыть], всё это нужно. Записать. Было два раза желание записать, а теперь забыл.

Нынче два сочувствующие письма о науке. Одно от Колечки. Он послал статью Ив[ану] Ив[ановичу].

28 н.

Пропустил два дня. Третьего дня еще говорил с Алешей оч[ень] хорошо. Он серьезно живет с Богом. Хорошо говорили о Ч[ерткове]. Я живо почувствовал его и свой эгоизм. Это б[ыло] вечером. С Даниелем же тяжело особенно от моего незнания или, скорее, полужнания языка. Вчера с утра проработал над предисловием-ни то, ни се. Ездил к священнику и в волост[ное] правление по делу сирот. Вечером милый Булыгин и опять хороший разговор с Алешей, написал письмо Ч[ерткову]. Не умел передать то, что чувствовал.

Нынче, как всегда, когда хорошо сплю, умственно оч[ень] вял, даже не брался за работу. Читал, ездил с Душаном. Вечером читал L'imtole. Интересна серьезность, приписываемая католицизму. Очень хотелось написать свое душевное религиозное состояние: как редко я живу перед Богом, несмотря на все усилия. Утешаюсь тем, что именно п[отому], ч[то] хоть изредка, минутами живу перед Богом, чувствую всю пустоту, лживость, перерелигиозность 0,9999 (Написано: 0,0009) всей жизни. Вечно забота о мнении людей, о славе и неправдивость, это -0,9999 (Написано: 0,0009) жизни.

А можно. Помогите, Господи. Мало ч[то] можно, какое счастье жить так: употреблять свою силу душевную только на исполнение Его закона. Не умею сказать, а ясно чувствую, что нужно и что возможно.

Одно всё более и более ясно – то, что нельзя, не надо рассуждать о душе, о Боге и об отношении между тем и другим, а можно и должно одно: сознать это отношение и исполнять то, чего оно требует. (Опять не то.)

Главное – жить только этим отношением, помня только Его и игнорировать, пренебрегать всеми другими соображениями. Помнить это отношение и потому пренебрегать всем остальным; или: пренебрегать всем мирски[м] и потому помнить об одном. Утешительно то, что начинаю не только понимать, но чувство- вать это.

Записать:

1) «Ты говоришь, что лучшая жиз[нь] в том, чтобы жить для Бога, и что надо жить такую жизнью, а сам живешь не так...стало быть, несправедливо] то, ч[то] ты говоришь».

Ты говоришь, что прямая линия – кратчайшее расстояние между двух точек, а сам едешь из Тулы в Петерб[ург] не по прямой линии, а через Тулу (Описка; должно быть: через Москву)

29 н.

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Встал оч[ень] бодр. Не одеваясь начал работать над Предисловием к Н[а] К(аждый)
Д[ень]. Вышел – женщина, по дурной привычке хотел отказать. Вышла, напротив,
радость. Постараюсь в другом месте описать. Работал исключительно споро. Кое-как
кончил Предисловие. Ездил с Душаном в Крыльцово. Застал в избушке на печи
хозяина старика в агонии. Не мог заснуть перед обедом. Иду обедать. Саша – как
будто мое настроение сообщилось и ей – оч[ень] хороша. Записать:

1) Расходишься с Богом не п[отому], ч[то] не делаешь, что нужно, а почти всегда
п[отому], ч[то] делаешь то, ч[то] не нужно.

2) (и оч[ень] для меня важное.) Ах, если бы привыкнуть жить перед судом Бога –
чувствовать Его всегда судящим меня, так же, как живешь перед судом людским,
заботишься о нем. Ах, если бы только всякий час, всякую минуту жить перед Ним!
Как[ое] бы счастье. И страшно сказать, но нынче до сих пор (6 часов) я испытал
это счастье, умиленный восторг.

30 н.

Записываю только, чтобы не запускать. И писать нечего и не хочется. Встал
усталый. Просители по продаже для податей.

Чуть-чуть занялся Предисловием. Ездил в Новую Колпну. Там писарь рассказал, как
собирают подати. Был Андрей. Я не мог взять на себя, чтобы любовно говорить с
ним. Также и дома б[ыл] не добр, хоть и не сделал ничего дурного. Обедал без
Андр[ея]. Читал L'immo1e. Удивительно описание чуда, совершенного Lourd'sк[ой]
божьей матерью. Читал о Руссо в лексиконе. Профессор «разобрал и осудил его».
Глупость людская всё больше и больше ужасает меня. Записать:

Ошибаются, думая, что можно заставить себя любить. Можно и нужно только удержать
себя от того, что мешает любить: побороть грех, понять соблазны, распутать
суеверия, и любовь, любовь ко всем, сознание не одной своей, а всей жизни,
будет.

1 Дек.

Ходил утром к Курносенковой, заходил и к Шинтяко[ву]. Положение голопузых у
Курносенковой ужасно. Оч[ень] хочется написать три дня в деревне. – Работал над
Предисловием. Письмо об имени, переведенном на жену, к стыду моему, огорчило
меня, и очень. Ездил верхом к М[арье] А[лексавдровне]. Приехал Ив[ан]
Ив[анович]. Спал, иду обедать.

3 Д.

Вчера пропустил. Ходил на деревню к старосте. Просители обманывают. Всё так же
жалко. Хорошо работа[л] над Предисловием. Как будто кончил. Ходил на каток.
Сашей любовался. (Будешь переписывать, помни, что любоваться хочу в тебе такой
же дух[овной] энер[гией].) Ив[ан] Ив[анович], Елен[а] Евг[еньевна], Буланже. Так
хорошо, просто, близко, дружно. Вечер увлекся поправкой Ми-Ти. Может быть
хорошо. Сегодня спал оч[ень] мало с кошмаром. Встал поздно. Ходил по саду.
Пропасть нищих. Не хватает на всех внимания. Одному отказал. Записать:

1) Чтобы быть художником слова, надо, чтоб б[ыло] свойственно высоко подниматься
душою и низко падать. Тогда все промежуточные ступени известны, и он может жить
в воображении, жить жизнью людей, стоящих на разных ступенях.

2) Не люблю, даже считаю дурным поэтически, художественное, драмат[ическое]
третирование религиозно-философскиэтич[еских] вопросов, как Фауст Гете и др. Об
этих вопросах надо или ничего не говорить или с величайшей осторожностью и
вниманием без риторики фраз и помилуй Б[ог]-рифм.

3) Жить в настоящем самое важное в мыслях. Это твердая подготовка поступков в
жизни.

4) (Сейчас забыл, а оч[ень] важное.) Вспомнил:

я не хочу быть христианином, как не советовал и не хотел бы, чтобы были
браменисты, буддисты, конф[унианцы], таосисты, магомет[ане] и другие. Мы все
должны найти, каждый в своей вере, то, что обще всем, и, отказавшись от

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
исключительного своего, держаться того, что обще.

Вчера получил письмо Ч[ерткова] и выписки дневника его. Поразительно, как мы духовно работаем на одной и той же плоскости.

Вечер. Ходил по дороге. Сел к бабе, вывалился из саней. Телят[инские] мужики просили у меня дорогу. Было тяжело. Сказал Соне хорошо, мягко, и она сделала. Оч[ень] приятно. Вечер чувствовал себя особенно слабым, сонным. Читал L'immo1e. Он верит в католицизм и рассчитывает на большой круг читателей, тоже верующих. Письмо от Трегубова. Надо ответить.

4 Дек.

Утром не читал писем, занялся Предисловием], Мало сделал. Ездил с Душа[ном]. Приходил Лев Рыжий. Правда, ч[то] он говорил несуразное, но я б[ыл] не добр и не могу заставить себя думать о нем с любовью. От Ч[ерткова] письмо к Саше тяжелое. Ездил с Душ[аном]. Писал письмо Шкарвану о науке. Весь день, как я и записал, было тоскливо, стыдно. Я сам себе б[ыл] гадок. Неотвязно вспоминал все свои давнишние гадости. Это хорошо, если дурное настроение от печени выразилось презрением к себе. Вечером читал Верит в чудеса de Notre Dame [божьей матери.].

5 Дек.

Не одеваясь писал продолжение Шк[арвану] о науке. Кое-что поправил, неважные писем. Потом очевидно душевно больной молод[ой] чел[овек], требовавший, что[бы] я принял участие в чем-то. Не глядя на меня, всё повторял: «Я решил социальный вопрос». Я мог бы лучше отнестись к нему. Беленький напутал с евреями. Было, к стыду, досадно.

[6 декабря.]

Ездил с Душ[аном] верхом. Мысль о молод[ом] чел[овеке] всё время мучала меня. Он исчез. Вечером дочитал L'immo1e. Поразительно. У нас ничего подобного не может явиться. Поправлял письмо о науке.

6 Дек. Встал рано. Ходил далеко. Дома хорошо исправил о науке. Написал письма. Ходил на деревню. У Морозова 8 сирот, больная старуха. У Резунова Семенова гость. Когда я сказал, что умру охотно, он сказал: Что ж вам умирать, у вас капитала хватит, хлеба и на вас хватит. Ездил в сопровождении большой компании в двух санях. Сейчас ложусь спать до обеда.

Вечером Душан принес Анархизм с своими замечаниями. Последнее оч[ень] верное, что конец слаб, я принял к сведению, поправлял, но пришел все-таки к решению не публиковать. – Недобрая статья – не надо.

7 Дек.

Всё нездоровится, хотя нельзя жаловаться. Письма не читал. Писал Орлова. Немного подвинулся. Ездил к М[арье] А[лександровне]. На душе хорошо. Слабо, но не дурно. Ложусь спать до обеда.

[8 декабря.]

Лег спать и проспал до 11 ночи и разделся и опять заснул.

8 Дек. 1909. Спал всю ночь. Проснулся слабый и нездоровый, но с оч[ень] ясным умом. Записал оч[ень] хорошее для разговора. Пришел есть – не хочется. Записать:

1) В первый раз, чуя (Переправлено из: чувствуя) близость смерти (спасибо за это), почувствовал возможность и великую радость жизни, свободной от своего «я», а всю посвященную на служен[ие]. Можно так жить, и как бы хорошо для других, а главное, для себя. Очень, оч[ень] хорошо на душе.

Сейчас прочел в Круге Ч[тения] нынешний день, и поразительно весь день выражает превосходно то, что я записал нынче, именно то, что я в первый раз понял, что дело жизни моей, моего я, есть исполнение долга, что это не только лучшее, но единственное, ч[то] я разумно могу делать. Не могу достаточно ясно выразить и достаточно радоваться тому новому, испытанному мною чувству – уже не

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru рассуждение, а чувство, что я работник, только работник Того, кем я живу. Что меня нет, как «я», как Л[ев] Н(иколаевич), есть только работник, и все интересы мои только Его дело. И это дело может быть то, чтоб пахать и сеять землю, чтоб кормить людей, и чтобы растить детей, и чтоб уяснить созн[ание] (Зачеркнуто: людей.). Можно бы возразить, с зать: а как же свое совершенствование?

Свое совершенствование не исключается этим пониманием себя совершенствуюсь не для себя, а только для того, чтобы быть хорошим для Него работником.

Как всё становится легко, просто. Живу – хорошо, буду работать Ему; умру – значит, не нужна больше моя работа. Самоубийство только при таком взгляде преступно.

9 декабря 09 г.

1) Во всех религиях есть ложь и есть истина. Лжи во всех разные, истина во всех одна.

Уже по этому одному можно узнать, что в каждой религии истинно и что ложно.

2) Понимай жизнь, как свою собственность, и вся жизнь – непрерывающаяся тревога, разочарование, горести, бедствия; понимай ее, как условие служения Хозяину, и вся она спокойствие, удовлетворение, радость и благо.

В каком бы месте, придя в сознание, я не застал себя, это то самое место, куда меня назначил Хозяин. И какие бы ни были те силы, большие или малые, и духовные и телесные, которые я чувствую в себе, эти силы суть те самые орудия, которые мне даны Хозяин[ом] для исполнения порученного дела, будь это локомотив, или топор, или метла. Дело же, приказанное Хозяином, мы всегда узнаем, как только перестанем заботиться о о своих, выдуманных нами, личных делах – дело одно: проявление любви, слияние со всеми. А это можно делать всегда, везде, при каких бы то ни было силах.

3) Что такое то я, которое я сознаю в себе отделенным от Всего? Что такое то всё, от чего я сознаю себя отделенным, и каково отношение моего я ко всему? т. е. то, что разумеется под словами: учения о душе, учения о Боге и учения о нравственности. (Запись этого дня, кончая словами: учения о Боге и учения о нравственности внесена в Дневник переписчиком. Здесь же вложены 4 листа из блокнота – автограф Толстого этой записи. Дальнейший текст, кончая словами: истинной наукой по ошибке не был перенесен переписчиком в Дневник с листка блокнота.) Без этих учений о душе, о всем, о нравственности не может быть ни разумной, ни нравственной жизни людей, не может быть разумного знания.

А эти-то учения вполне отсутствуют в нашем мире. От этого и наша безумная жизнь, и наши праздные упражнения мысли, называемые нами истинной наукой. (Зачеркнуто: Но, мож[ет] быть, вы скажете, что мое определение того, в чем должна быть основа всех знаний, произвольно и что человеку нужнее знать о весе Марса и солнца, и о микробах, и происхождении животны[х] и т. п., чем знать то, что он такое, что так[ое] всё, окружающее его, и как ему надо жить. Знаю, что мне скажут это точно так же, как говорят церковники, что утверждение о том, что вся вера в том, чтобы любить ближнего, произвольно.)

Вчера вечером читал Поссе. Нынче встал не поздно, здоровье лучше. Прекр[асная] погода. Ничтожные письма. Поправил добавление О Н(ауке), начал поправлять Разговор З[а] Обед[ом], не кончил. Ездил верхом. Саша записала то, что в постели думал. Оч[ень] уж много я набрал работы. Иду обедать.

[10 декабря.]

Вечер не помню, читал что-то.

10 Дек. На душе оч[ень] хорошо. И всё от того, что не переставая молюсь новой молитвой и живу ею. Помогите мне быть только Твоим работником. Знаю, что он так же может помочь мне, как и я могу помочь частицам моего тела служить всему, но молитвой выражаю только то, что сознаю всей душой. И, удивительное дело, в 81 год только только начинаю понимать жизнь и жить.

Ходил и утром, и перед сном. Зашел далеко целиком, и нашла робость. Стыдно,

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
л[ев] Н(иколаевич). Иду обедать. Занимался всё Сном. Нехорошо. Записать: Любовь
это орудие.

11 декабря 09 г. Я. П.

(Запись 11 декабря 1909 г. до слов: В постели внесена в Дневник переписчиком.
Здесь же в тетрадь Дневника вклеен листок из блокнота, на котором рукою Толстого
сделана запись, перенесенная в Дневник переписчиком под N 1.)

1) Как для того, чтобы топор, пила, заступ делали то дело, на которое они
предназначены, надо, чтоб они были остры, так и для того, чтобы твои
человеческие силы делали то, что они предназначены делать, надо, чтобы они были
любовны.

Работник с тупым топором, пилой, заступом не может делать хозяйское дело, и
человек, делающий дело Божье без любви, не может делать Его дело.

Любовь есть орудие, данное человеку Богом для служения Ему. Но как орудие –
топор, пила, заступ, должно быть исправно, отточено для того, чтобы оно могло
резать то, что оно должно резать, так и любовь должна быть отточена так, чтобы
она могла брать, действовать не только на близких, добрых, но чуждых, недобрых,
всех людей, всё живое.

2) Мы работники дела общего, всемирного, божия. Пути, которыми совершится это
дело, не могут быть доступны нам, как не может быть доступно работникам всё дело
хозяина (пример, разумеется, далеко не полный, сравнивая всемирное, вечное
движение с делом частным, временным). Всякое угадывание работника о том, в чем
состоит дело хозяина, и направление своих сил – как и не может быть иначе – на это
различно предполагаемое дело только отвлекает силы работника от дела и замедляет
совершение его, лишает работника лучшего блага: сознания несомненности знания
того, что он делает то, чего хочет от него хозяин. Такое же сознание дается
человеку только одним: тем, и что, отступая от воли хозяина, работник лишается
блага, исполняя ее – получает благо.

Как работнику хозяин сказал: если будешь делать то, что я велю, буду держать,
кормить, обеспечивать тебя, давать тебе то, чего тебе хочется, так и человеку,
всему существу его сказано: дам тебе благо, если будешь делать то, что я велю;
не будешь делать – не будет тебе блага. Благо же твое в увеличений в себе любви.
То же, что я велю, ты знаешь из того, что это одно дело, которое ты всегда
можешь делать.

Поняв же это, человек получает и самое несомненное знание о том, в чем дело не
только его жизни, но жизни всего мира. Не всё дело мира, со всеми подробностями
его достижения, как думают знать это люди, предписывающие определенную
деятельность, – а получает несомненное знание об одном из подготовительных
состояний к тому, всегда скрытому от человека, общему, всемирному, Божьему делу,
которое делается жизнью мира. Получается несомненное знание о том, что это
подготовительное состояние, включающее в себе всё, что только могут придумать
люди, делающие предположения о задачах жизни, состоит в одном: в увеличении
исеобщей любви – увеличении, которому ты несомненно содействуешь, увеличивая ее
в себе.

В постели записал это об орудии и о мнимом знании назначения жизни мира. И мне
казалось, когда писал, очень важно.

Гулял. Метель. На душе оч[ень], оч[ень] хорошо. Сознание своего положения
работника всегда на глазах хозяина необычайно успокаивает, утверждает, отгоняет
сомнения и, главное, заботу о славе людской и дает такую радость. Не могу по
старой привычке не выразиться в форме просьбы:

«Помоги, помоги мне не переставать сознавать себя твоим крошечным, но все-таки
работником, чтоб не прошли это успокоение и радость, помоги».

Читал письма и отвечал. Хотя поздно начальню довел, хотя вчерне, до конца Сон.
Гулял, ложусь спать перед обедом.

(12 декабря.)

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Вечер провел за чтением. Проводили Соню.

12 Дек. Всё по-старому, по-обычному. В постели записал только письмо Фиалко, революционеру, рассудителю о религии. Письма. Трогательное, длиннейшее от Копыла. Всё за что-то сердится, язвит. Я не читал всего, но рад, что ни малейшего зла не чувствую, но прямо жалко. Он, верно, больной. Поправлял Сон. Еще придется поработать. По форма эта может быть удачная. На душе не дурно, но нет того умиления и той твердости, к[отор]ые были от сознания своего работничества Ему. Может быть, придет, а мож[ет] б[ыть], прошло. И надо новое. Сейчас подумал оч[ень] странное, а именно, что для того, чтобы быть с Богом, быть в настоящем, быть неподвижным, надо не переставая двигаться. Je m'entends, [Я понимаю то, что хочу сказать,] т. е. что для того, чтобы быть с неподвижным, вечным, надо не переставая отодвигать то, что отделяет от него. Иду обедать.

[13 декабря.]

Вечером приехала г-жа Малахиева. Кажется, серьезная женщина. Я, странно, показал ей мой дневник, п[отому] ч[то] в нем было написано то самое, о чем она спрашивала.

13 Дек. По-обычному. Письма. От Ч[ерткова]. Работал над Сном. Подвигается. Ездил к М[арье] А[лександровне]. Прекрасная погода. Иду обедать. Всё также нет прежней твердости и радости. Интересно нынче и оч[ень] полезно для освобождения от заботы о сл[аве] людск[о]й: прислана статья в Русск[ом] Зн[амени], где говорится о том, что я проповедник матерьялизма (sic), отрицающий всё духовное, и в книге Джемса то, ч[то] я меланхолик, близкий к душевной болезни. Оч[ень] полезно, сейчас чувствую хорошее влияние. Надо помнить. Иду обедать. Записать:

1) Дети тем особенно милы, что живут всегда в настоящем. Даже их мечты есть жизнь в настоящем и не нарушают ее.

Ездил к М[арье] А[лександровне] с С[ашей] и Душа[ном]. Ч[ертков] напрасно пишет о надавании его писем близким. А остальное всё в его письме оч[ень] хорошо.

[14 декабря.]

Проснулся со знобом, всё сильнее и сильнее, и дошло до чрезвычайной тряски озноба, потом жар 42(R), и я всё забыл. Ночью видел Андр[ея], какого-то доктора, Буланже. Всю ночь б[ыло] плохо, но очухался, и на душе так хорошо, как только могу желать. Не нужно усилия для любви ко всем. Правда, когда окружен одними любящи[ми], это легко. Утром пришли и Михайла, и Сергей, они все были в Туле.

14 Дек. Всё еще нездоров, но хорошо. Уж оч[ень] легко переносить. Возможность же, близость и вероятность смерти не представляет ничего ни страшного, как бывало встарину, ни интересного, ни желательного, ни нежелательн[ого]. Приезжает Соня. Жалко, что ее потревожили. Продиктовал письма и кое-что к Сну. Теперь 6-й час, ничего не ел и не хочется. Не отпускаешь и не прогоняешь работника, буду, что могу, хлопаться, исполняя поведенное.

Весь вечер провел боля. Приехала С[офья] А[ндреевна]. Оч[ень] нехорошо. И не терпеливо переношу. И всё так же слабо чувствую то, что чувствовал 3 дня назад, что я работник, и нужно только Его одобрение, к[отор]ое всегда знаю в душе, и знаю, когда не заслуживаю его. Читал книгу Джемса. Неверное отношение к предмету – научное. Ох, это научное!

15 Дек.

Ночь почти не спал. Изжога такая, какой никогда не испытывал. Оделся и сажу на кресле. Продиктовал письма. Думал о Сне – кажется, хорошо, но не в силах писать.

Теперь 2-й час. 20 часов ничего не ел и не хочется. Не могу не видеть грубого суеверия медицины; но сказать это людям, живущим во всех смыслах ею – нельзя. Теперь Г 2.

От Репиной трогательное письмо, отвечал.

1) Человек мыслящий, говорящий, если не живет религиозно, а одними животными потребностями, бывает ужасен тем, что у него нет даже того семейного, родового

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru инстин[кта], к[оторый] есть у животного, вследствие чего он становится эгоистом, врагом всех, кроме себя, и врагом ужасным, п[отому] ч[то] вооружен теми свойствами мысли и слова, к[отор]ые необходимы и безвредны только при чело[веческом] свойстве религии. Всё равно, как в руки ребенка кинжал, ружье, порох. Такие люди – тоже ребята; надо стараться жалеть их, любя. И это оч[ень] трудно.

Сейчас 6 часов, мне получше.

[16 декабря.]

Вечер провел свежее. Читал, кажется, газеты. Хорошо говорил с Таней.

16 Дек. Опять оч[ень] тяжелая ночь. Бессонница, изжога. Встал; интерес[ный] разговор с Никитиным о медицине: о помощи людям, не зная, верно ли помощь; о том же, [что] ни страдания, ни смерть, от к[оторых] они хотят избавлять, не зло, а главное, что не может быть хорошим делом дело, делающееся из корыстных целей. Теперь скоро 3 часа. Все та же изжога. Нехорошо. Читал Н[а] К[аждый] Д[ень] и Le crime d'obeir. [Преступность повиновения.] Слабо.

Немного обедал со всеми. Читал яп[онскую] книгу. Замечательно явно наивное разращение для своих целей народа посредством монополии воспитательного воздействия. У нас то же, только более скрыто. Вечер лучше. Спал лучше всех последних ночей.

[17 декабря.]

Играл в карты.

17 Дек. Встал в 8. Кое-что записал в дневник (попрошу С[ашу] переписать). Пил кофе с неохотой. Письма мало интересные. Отвечал. Тоже не интересный американец фотограф. Поправлял немного разговор. Не хорошо, но приближается. Просмотрел и приписал к (Нищенство и народ) конец. Не дурно. Читал статью Менш[икова] о Кр[уге] чт[ения]. Совершенно вроде ст[атьи] Рус[ского] Зн[амени] о моем материализме: владеет языком, даже талантом писателя и отчасти благодаря этому совершенно не рассуждают, (Переправлено из: рассуждает) не боятся неправды и да же не интересуются вопросом о том, правда ли, неправда то, что пишут. И это оч[ень] успокоительно. Вышел немного погулять, позавтракал. Здоровье все лучше. Спал перед обедом час. И теперь пишу без 10 минут 6.

(Дальнейшие записи под N N 1 и 2, кончая: сила эта удесятеряется внесены в тетрадь Дневника переписчиком.)

1) Помни, что состояние твоего тела: желудок, похоть или успокоение ее, усталость, боль, всё это изменяет – не изменяет, а повышает до высшей степени или понижает до низшей степени твое духовное состояние, твое отношение к жизни. То восторг радости, умиления от блага жизни, то тоска, уныние; то всех любишь, то всех не любишь или хотя удерживаешься, чтобы не не любить.

Помни это и не приписывай тому состоянию подъема или упадка значения настоящего твоего состояния. А состояние настоящее твоего духовного я есть центральное, среднее, то, по которому ты радуешься состоянию подъема и стараешься удержать его и не веришь состоянию упадка и стараешься победить его. Дорого то, чтобы эта центральная точка не переставая двигалась к подъему, а не к упадку. Слава Богу, это есть.

2) Заблудших людей всегда больше, чем не заблуждающихся или мало заблуждающихся, и потому сила самая основная и могущественная всегда на стороне первых. При внешних успехах цивилизации: путях сообщения, печати, особенно ежедневной печати, сила эта удесятеряется.

[18 декабря.]

Вечером играл с Мих[аилом] Сергеевичем] в шахматы и потом в винт. Лег после 12. Прекрасно спал.

18 Дек. Нынче судят ив[ана] ив[ановича]. Всё больше и больше становится непонятным безумие жизни и явно бессилие высказать свое понимание его. Встал

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru поздно. Походил. Жалкая жена учителя. Не ошибся с ней. Дома, кроме писем, ничего не делал. Читал Сметана. Хорошо. Приехал Саратовский мужик, старик. Продал лошадь, чтобы приехать по душе побалакать. Из бегло-поповцев, совсем серый мужик. Ходил и ездил с ним. С[аша] возила. Заснул. Теперь 6 ч[асов], иду обедать.

1) Тип человека: отлично, внимательно, честно делает все житейские дела, служит, хозяйничает, также, даже еще более внимательно, играет в шахматы, в карты. Но как только вопрос о жизни, так равнодушие или отыскивание поверхностного, смешного, очевидное признание того, что жизнь должна быть осуждена рассуждением, и потому избегание рассуждений о жизни, не только невнимательность, но полное равнодушие.

[19 декабря.]

Вечером читал, сидел в зале. Поздно лег. На душе хорошо.

19 Дек. Встал совсем бодро. Опять, к большой моей радости, твердое и успокоивающее сознание своего работничества. Очень хорошо. – Вернулась С[офья] А[ндреевна]. Ходил гулять. Ответил письма серьезно, с сознанием работничества; поздно взялся за работу. Но все-таки недурно успел просмотреть обе статьи. И близко к концу. Особенно радостно при сознании работничества это спокойствие, неторопливость, отсутствие желания сделать скорее то-то и то-то. Делаешь, что можешь, в Его работе, а что из этого выйдет-Его дело. У Него, кроме меня, работников много. Да и работа не нужна Ему. Нужна она нам для нашего блага. Главное же, радостно это сознание п[отому], ч[то] совершенно освобождает от заботы о славе людской.

Ходил и ездил с Саратовс[ким] гостем. Всё так же хорошо. Он хочет перейти в «мою» веру, а я ему внушаю, что у меня «моей» веры нет никакой. Рассказыв[ал] страшную историю убийства и казни.

Спал. После обеда читал пустую «научную» книгу Гюйо. Плачут денюжки, 2 1/2, и время моего вечера. Прочит[ал] Саратовскому на прощанье Разговор с Проезж[им]. Хорошо. Гулял утром, думал о том, что пора бросить писать для глухих «образованных». Надо писать для grand monde[большого света] – народа. И наметил около десяти статей: 1) о пьянстве, 2) о ругани, 3) о семейных раздорах, 4) о дележах, 5) о корысти, 6) о правдивости, 7) о воле руках, побоях, 8) о женщинах, уважении к ним, 9) о жалости к животным, 10) о городск[ой] чистой жизни, 11) о прощении. Не так думал. Теперь не помню.

Саратовский рассказал страшный рассказ. От Колечки опять прекрасн[ое] письмо. Теперь 12-й час.

20 д.

Ходил гулять. Встретил казака жалкого, говорит, сослан за распространение моих книг. Дал ему книг. Дунаев – чужд. Кончил письма, прочел Ч[ерткова] прекр[асную] статью, как всегда, со всех сторон обдуманно. Теперь 12 ч[асов]. Сажусь за работу.

Писал статью о безработных. Недурно. Ездил верхом. Дунаев. Перед поездкой пришел Лев Рыж[ий]. Я говорил с ним нехорошо. Он б[ыл] прав. Я не прав. Он только не умеет выражаться. Дунаев верит только в науку, в цивилизацию и в меня, насколько я часть цивилизации.

21 Дек.

Поздно встал, мятель, ходил немного. Слава Богу, я сам себе гадок и ничтожен до последней степени. Сон скверно. Я все выкинул и остав[ил] один сон. Немного походил. После обеда говорил с Сер[ежей] Булыгиным хорошо. Всё то же, что со Львом Рыжим: О Боге и возможности – по их мнению – общения с Ним помимо или, скорее, кроме любви. Что мне за дело. А говорил горячо и недобро.

22 Дек.

Нынче утром продолжал разговор с Сер[ежей] Булыгиным – нынче о возможности полного спокойствия совершенства. Тут, я думаю, что я прав, говоря, что человек

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru всегда в грехах, всегда понемногу выбирается и приближается, но никогда не приблизится, и что в этом приближении жизнь и ее благо. Письма. Потом Сон, и всё не кончил. Ездил верхо[м]. Вечером опять исправлял Сон. Разговор с Андрюшей. Я совсем плохо вел себя. Всё то же можно б[ыло] сказать, только с любовью. Теперь ложусь спать. Оч[ень] противе[н] сам себе.

23 Дек.

Много просителей. Приехал Булгаков, составивший изложение мое[го] мирозерцания. Опять поправил обе статьи, ответил письма. Неприятное письмо от рабочих. Не умел быть равнодушным. Простился с М[арьей] А[лександровной]. Ездил в Деменку, ужасная нищета. Спал. После обеда читал работу Булгакова. В общем плохо, не его, а моя работа.

24 Дек.

Проснулся с тем же чувством недовольства, стыда. Что ни вспомни, всё дурно, всё стыдно. Благодарю Б[ога] хоть за то, что всё в себе гадко и стыдно. Буду стараться быть, чувствовать себя Его работником, хоть плохим, слабым, но все-таки Его работником. Вспоминал про свой разговор и со Львом и с Сережей Булыгиным – и о невозможности совершенства и о Боге, и в обоих случаях – в особенности о Боге, я б[ыл] не прав. Мне нужно общение с Мим, а я отрицал Его. Мысль же учения Льва о том, что все делают то, что им свойственно, и что судить их и тем более поучать, исправлять их не нужно и вредно. Живи во всю, перед Богом, и всё будет. Если я не соглашался со Львом, то не только от того, что он неясно говорит, а от своей гадости.

С утра пришел Кондратьев, юноша, желавший итти в «колонию». Я, гуляя, говорил ему, ч[то] это не нужно. Потом, с помощью Булгакова, он согласился. Потом пришел крестьянин из Ворон[ежа] не совсем ясный.

Прочел, написал письма. Опять переправил Сон и Бродячие. Видно, «откупался».1

(Дальнейшие записи до N 1 внесены в тетрадь Дневника переписчиком.)

Возражение в представлении о весьма возможном завоевании японцами и китайцами и требовании участия в их насилиях, поддерживаемом не только угрозой смерти, но пытками.

Ответ тот, что борьба должна быть, но борьба духовная. А смерть, страдания только общий удел всего живого.

А также и возражения Льва, что все делают, что им свойственно: делай свое, а их не суди.

Видел во сне отрицание Бога и еще возражение на свое представление об общем лучшем устройстве жизни вследствие отказа от борьбы.

1) Телесная жизнь есть сон. Смерть есть пробуждение к более действительной жизни.

2) Чем определеннее наше понятие о Боге, тем менее руководит такой Бог нашей жизнью. И наоборот.

3) Чем больше мы уверены в том, что полное совершенство достижимо в этой жизни, тем труднее и меньше мы движемся к достижению наибольшего, доступного нам совершенства.

22 Дек[абря] Кр[уг] Чт[ения] Амиель в эпитаф.

25 Дек. вечер.

(Зачеркнуто: Не писал вчера. Вчера опять)

Вчера вечером читал Эпиктета. Играл в карты. Сегодня послулся поздно. Ночь до 3-х не спал. Письма: одно укорительное о моей передаче имен[ия] жене. Написал ответ. Не думаю, чтоб это б[ыло] дурно. Хотя лучше бы оставить без ответа – юродство. Еще далек я от этого. Опять исправлял Сон. Немного лучше. Сонливость и

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
слабость. Странное чувство. Испытываю нечто особенное, новое, сложн[ое],
к[отор]ое хочется выразить. И скорее художественное, образное. Читал Sentimental
Journey. Напоминает юность и художественные требования. Сейчас вечер. На душе
хорошо.

26 Дек.

Проснулся бодрее. Записал для Сна, погулял, письма. Сон, кажется, окончательно
поправил. Ушел Воронежск[ий] мужич[ок]. Мне совестно. Был слесарь старик из
Тулы. Его товарищ сидит. Должно быть, за книги. Приехал Андрей, добродушный,
веселый. Мне приятно б[ыло] с ним. Вечер ничего не читал. Сейчас ложусь спать.
Опять чувствую свое положение Его работника. Главное же, чувствую то, что можно
и должно жить только – или на сколько можно – только настоящим, безвременн[ым]
настоящим. На сколько живешь настоящим, на столько живешь вечно[й] жизнью,
неподвижной жизнью. Жизнь, события, твоя старость, смерть бегут мимо тебя, а ты
стоишь. Ложусь спать. 11 часов.

27 Дек.

Опять писал только Сон. Приехал Сер[ежа] с семьей и Берсы. Ездил верхом. Приехал
Димочка. Письма от Ч[ерткова] о печатаньи. Мне, слава Богу, совершенно всё
равно. Думал оч[ень] хорошо, скорее чувствовал, чем думал, то, что можно и надо
переносить сознание своей жизни в настоящее. Играл в карты. Сейчас 11 часов,
ложусь спать. Менее стыдно и больше помню о своем положе[нии] работника.

28 Дек.

Спал много. Встал нездоровый. Ничего не ел целый день. Только утром походил.
Зато хорошо просмотрел Сон. Можно так оставить. И недурно. Вчера приехал Сережа
с женой сам пят. Нынче Ванда Ландовская. Я просмотрел и Бродяч[ие] – тоже
годится. Музыка меньше трогала. Слабость и изжога. Теперь 12 час[ов], ложусь
спать. Письма мало интересные.

29 Дек.

Спал хорошо, проснулся почти здоровый. Погулял. Письма хорошие. Написал Бедноту.
Слабо. Ну да отделаться. Димочка приезжал, ездил с ним верхом. Он рассказывал
про Льва с его отцом. Как надо и как хочу стараться: понимать людей, мотивы их
поступков и не осуждать. Теперь 6 часов. Иду обедать.

Вечер играла Ландовская. Мне было скучно. Особенно неприятна ее лесть. Надо
сказать ей.

30 Дек.

Встал рано. Кое-что казавшееся мне важным записал в постели. Походил. Письма
интересные, хорошо ответил Семенову и приятелю Гусева. Потом поправил Сон. Ходил
около дома. Оттепель. Готовят елку. Мне оч[ень] хорошо на душе. Записать:

1) Всегда забываешь то, что дорого и важно усилие душевное не тогда, когда в
общении с близкими по духу людьми, но как раз напротив.

Одно, но зато великое, истинное благо дано человеку: сознание себя проявлением
Бога (духовным началом). Благо это в том, что человек, сознающий себя
проявлением Бога, соединяясь с Богом, имеет всё, чего желает, не знает ни в чем
препятствий и несомненно знает, что жизнь его имеет тот самый смысл, к[отор]ый
он признает за ней. Человек же, сознающий себя личностью, никогда не имеет и не
может иметь того, чего желает, во всем встречает препятствия и не знает того
значения, к[отор]ое имеет его жизнь, несмотря на то, что и такая жизнь, как его,
не может не иметь значения.

2) Движение жизни совершенно различно для человека, сознающего себя духовным
началом или телесной личностью.

Для сознающего себя дух[овным] началом его «я» неподвижно, но всё остальное, в
том числе и его тело, неудержимо движется помимо его. Он стоит на берегу, а река
со всем, что есть на ней движется мимо его. Для сознающе[го] же себя личностью
он сам движется вместе со всем и сознает свое движение потому только, ч[то] есть

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
предметы, движущиеся медленнее его и совершенно неподвижные. Он плывет по реке и знает, что плывет, только потому, что есть предметы, плывущие медленнее его, и берега совсем неподвижные, и знает, что плывет к смерти, к уничтожению.

Вчера читал статью Лебрена о вере по Спиру.

Признаки духовного начала: 1) независимость, 2) простота, 3) неподвижность, 4) совершенство.

Записные книжки 1909

[Записная книжка 1909 г. N 1]

1 янв. Благо людей в той мере, в какой в них есть любовь. Каково же должно быть теперешнее их положение, когда все – правители революционеров, революционеры правителей – ненавидят друг друга.

2 янв. Тем хорошо признание Бога любовью, ч[то] общение с Ним только одно: любовь к людям. И общение только, при к[отором] Его чувствуешь. Он отвечает тебе.

3 я. Легко сказать: жить перед Богом, а как трудно и хорошо.

9 я. 4 стадии: 1) животная, 2) что люди, то и я, 3) слава людс[кая], 4) для души.4 .

Традиция, инерция, как люди, так и мы, гипноз – главные двигатели 1 000 000/1. Это и в обычаях, и в семье, и в государстве], и в религии.

13 я. Вдруг почувствовал Бога [неразобр.]

3 февр. почувствовал ясно всю бессмысленность времени. Есть только проявление жизни, для к[оторого] нужно время. А времени нет.

6 февр. Хочется короткой молитвы вроде Г[оспо]ди помилуй. думал так: Ищу помощи от Бога. Но Бога я понять могу только любовью, п[отому] ч[то] знаю, что если я люблю, то Б[ог] во мне и я в Н(ем). И потому, чтобы Бог помог мне, буду любить всех людей мыслью, словом, делом. Ищу помощи от Бога. Понимать же Бога могу только любовью. Если люблю, то Бог во мне и я в Нем.

Так стану же любить всех (и любящих и ненавидящих) всегда и в мыслях, и в словах, и в поступках.

В этом помощь от Бога.

Смерт[ные] казни хороши тем, ч[то] показывают явно, ч[то] правители злые, недобрые люди и ч[то] повиноваться им так же стыдно и вредно, как повиноваться атаману шайки разбойников.

Ничего не желаю для себя в будущем, п[отому] ч[то] верю, ч[то] всё безразлично, и если я делаю, ч[то] должно, для меня всё благо. Не ищу похвалы от людей, п[отому] ч[то] знаю, ч [то] искание славы людской (больше всего) мешает исполнению воли Бога. Желаю и ищу одного: того, чтобы я (не для себя, а для Бога) всякую минуту жизни одинаково любил всех, любил и делом, и словом, и мыслью.

13 ф. Читал Croft Hiller'a. Неверно, искусственно допущение насилия для восстановления прав Бога. – Только любовь, а любовь только без насилия любовь. Главное же, в чем я ошибся, то, что любовь делает свое дело и теперь в России с казнями, виселицами и пр.

14 ф. Для того, чтобы закон любви учредил жизнь, надо верить в него так же, как мы верим в закон насилия. 3

Губительный вред революционных писаний.

16 ф. Любовь к людям, животн[ым], природе, к себе.

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Д[етская] М[удрость]. Осуждение.

Наш мир только частный случай.

28 ф. [1]) Жизнь есть стремление к соединению с началом всего, с Богом, так как же может быть страшна смерть для того, кто понимает истинный смысл жизни. Как же ему бояться того, в чем исполнение его стремлений.

2) Умирая испытываешь то, что брошенный ребенок, возвращаясь к любящей и любимой матери.

3) Как рабочие сами виноваты.

И цель не должна быть освобождение, а цель – достижение лучш[ей] дух[овной] жизни – цель религиозная – общая, и тогда и только тогда попутно достигается цель политическая, частная.

4) Наивность недоумения сегодняшнего рабочего о том, ч[то] этак можно получить много неприятностей.

1 м. [1]) Б[ог] есть любовь. Любить Бога значит любить любовь.

2) В первый раз испытал чувство, к[оторое] могу назвать похожее на любовь к Богу. Сейчас не могу по произволу вызвать это чувство, но могу вспоминать о нем.

3) Смерть есть прекращение жизни в пространстве и времени. Для того, кто не сознает жизни вне пространства и врем[ени], она есть прекращение всего.

4) Подати самое могущественное орудие порабощения, и потому освобождение возможно только при освобождении от участия в собирании податей и, страшно сказать (и вместе с тем радостно), только при освобождении от корысти, при готовности к бедности, при отказе служения богатым.

3 мар. 1) Любить Бога значит любить божественное в себе. В себе оно ограничено, только вне себя оно полно. Предмет любви к Богу есть то, что во мне ограничено, но вне меня полно.

2) Любить Бога и ближнего значит любить в себе то, что неограничено, в других же и то, что ограничено (не то).

3) Да, Б[ог] сотворил мир, но не какой-нибудь особый Бог, а тот Б[ог], к[оторый] во мне. Он сотворил весь видимый мир.

4) Опасность игры слов и всякого красноречия.

5) Гоголь огромный талант, прекрасное сердце и слабый, т. е. несмелый, робкий ум.

Лучшее произведение его таланта – Коляска, лучшее произведение его сердца – нектор[ые] из писем.

Главное несчастье его всей деятельности это его покорность установившемуся и лжерелиг[иозному] учению церкви и государства, какое есть. Хорошо бы, если бы он просто признавал всё существующее, а то он это оправдывал, и не сам, а с помощью софистов славянофилов и был софистом, и очень плохим софистом своих детских верований. Ухудшало, запутывало еще больше склад его мысли его желание придать своей художественной деятельности религиозное значение. «Письмо о Ревизоре», 2-ая часть Мерт[вых] Душ и др.

Отдается он своему таланту – и выходят прекрасные, истинно художественные произведения, отдается он нравственно религиозному – и выходит хорошее, полезное, но как только хочет он внести в свои художественные произведения религиозное значение, выходит ужасная, отвратительная чепуха.

Так это во 2-й части М[ертвых] Д[уш] и др.

(Записи от 3 марта перенесены переписчиком в дневник 5 марта)

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
6 Мар. Как ясно развращение казней и церкви, но они продолжают делать то же, вроде того, как если бы, признав благодетельность и пользу разрыхления почвы, люди стали бы пахать хлебные всходы.

10 Мар. [1]) Все бедствия от предания, инерции старины. Кофточка разлезлась по всем швам, так мы из нее выросли, а мы не смеем снять ее и заменить такой, какая впору, и ходим почти голые всё от любви к старине.

2) Тип Попова, крестьянина, пришедшего к своим убеждениям, Сютяев, Федот Дмитриевич, Новиков и мног[ие].

3) Приписывать себе значение можно, только забывая о Боге и о своем отношении к Нему. Как бы ты ни б[ыл] важен и полезен для людей, перед Богом-то что ты? И какая разница между тобой и самым кажущимся тебе ничтожным человеком?

11 Март. Важность, значительность последствий наших поступков нам не дано знать. Доброе слово, сказанное пьяному нищему, может произвести более важные и добрые последствия, чем самое прекрасное сочинение, верно излагающее законы жизни. И потому руководиться в выборе своих поступков нельзя предполагаемыми последствиями, а только нравственным для себя достоинством поступка.

12 Мр. 1) Я забыл почти всё, что было, особенно ближайшее, но ч[то] же я меньше «я», меньше сознаю жизнь от того, ч[то] забыл? Напротив: я больше «я», больше сознаю жизнь.

Разве не то же самое случилось со мной, когда я родился? Я не принес ничего, а только был.

То же самое совершается при смерти.

2) Бдение и сон, необходимые условия жизни, не суть ли указания того, что есть наша жизнь: пробуждение от сна, усталость и засыпание.

То, что мы не можем понимать и всю нашу жизнь до рождения и после смерти иначе как во времени, не доказывает того, что вся жизнь во времени, это доказывает только то, ч[то] теперь мы не можем понимать жизнь иначе, как во времени.

3) Хорошо бы описать наше устройство жизни, как оно есть, некотор[ых] властвующ[их] над многими посредством обмана мысли, религии, науки, внушения, опьянения, насилия, угроз. Да, ужасно!

13 М. Религия движется, как и все движется, движется тем, что освобождается от лишнего, неясного, произвольного, личного. Истинное религиозное чувство есть участие в этом освобождении. Люди же неразумные думают, что вся сила в тех формах, освобождение от к[оторых] есть дело религии, движения религии.

15 Март. Борьба с половой похотью б[ыло] бы легко, если бы не поэтизирование эт[их] отношений – брак, «любовь». В сущности же это отвратительный, животный акт и последствия к[отор]ого – тяжелые обязанности всякого совестливого человека – дети.

Мужик думает своим умом и о том, о чем ему нужно думать, интел[лигент] же думает чужим умом и о том, до чего ему не б[ыло] дела. Но думает так мужик только до тех пор, пока остается дома, в своей среде; как только попадет туда, так думает уже совсем чужим умом и даже чужими словами.

Никакие грехи: воровство, блуд, убийство в одной стотысячной доле не делают того зла, к[отор]ое делает оправдание хотя бы самой малой слабости. Все ужасы, совершаемые правительством, и безумия, распространяемые церковью, основаны на таких оправданиях мнимо [?] религиозных, патриотических, социалистических.

19 Марта. 1) Как прост вопрос о земле с точки зрения владельцев ею. Я огораживаю от всех кусок земли и допускаю пользоваться ею только под условием служения мне.

При личном рабстве владелец заставляет известных людей под угрозой битья, убийства служить себе, при земельном рабстве владелец заставляет неизвестно кого, каких-то людей под угрозой голода, даже смерти служить себе. Как просто! и удивительное дело, сколько веков вообще и сколько десятилетий после уничтожения

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru личного рабства прошло, пока люди начинали (Зачеркнуто: догадываться) сознавать свое положение. И при этом—то всемирном, освященном законом рабстве, называемом «священной собственностью», не разрушая его, люди хотят устроить какое-то социалистическое, благоденствующее государство.

Удивительно, как мало пользуется человек своим разумом.

2) Возведение брака в какое-то, с одной стороны, таинство, с другой – в форму высшего блага жизни человеческой есть грубое заблуждение, совершенно подобное тому, какое было бы, если бы приятие пищи возведено было в таинство или в одно из высших благ.

21 Марта. Прежде всего надо понять, что нет и не может быть никакого подвига, никакого геройства, ничего «великого». Есть только исполнение и неисполнение долга. Всё равно, как если бы конюх, убирая конюшню, пахарь или косец говорили бы о том, какой они сделали подвиг, какое геройское, какое великое дело совершили вчера, убирая конюшню, или допахивая поле, или докашивая луг.

24 Мар. Жизнь есть умирание. Умирание и есть жизнь. Жить и умирать надо стараться наилучшим образом.

К воззванию. Главное, поймите, что если вам дурно, если вы несчастны и страдаете, то никто, никто не виноват в этом, ч[то] всё зло, от к[оторого] мы страдаем, во всех нас, что причины так сложны, так перепутаны, ч[то] нельзя найти виноватого и указать на него, а виновато устройство жизни, а устроено оно не только миллионами теперь живущих людей, но миллиардами прежде живших, что в страданиях этих равно винов[аты] и палач, и царь, и нищий, и Ротши[льд], и... (Многоточие в подлиннике.)

25 Мар. 1) Я непосредственно сознаю только одну частицу мира – свое тело, но то, чем я сознаю, единое со всем, что живет, т. е. сознает себя, и я посредственно, через свои чувства и разум, сознаю и весь мир.

2) Жизнь есть всё большее и большее освобождение сознания от своей отдельности – расширение сознания – любовью.

27 м. 1) Мотив революционеров едва ли не главный – молодечество, потом тщеславие – повышение своего значения на общественной лестнице, потом фарисейское исповедание любви к народу.

2) в д[етскую] м[удрость] самоотречение.

3) Вопрос, ч[то] же делать, надо разъяснить, надо спросить, что делать для чего? Спросить это надо п[отому], ч[то] люди нашего мира, спрашивая, ч[то] делать, дополняют этот вопрос мыслью о том, что делать для улучшения жизни всех или многих людей? Вопрос же этот безумен и зиждется на суеверии возможности устройства жизни других людей.

31 Март. Да, Б[ог] дышит нашими (всеми отделенными существами) жизнями. Что Он делает через нас, мы не знаем и не можем знать. Одно мы можем знать, что нам хорошо и делается его дело, когда делается легко, без препятствий трения, как колесо в мельнице знало бы, ч[то] оно делает, ч[то] нужно, когда движется, и движется без скачков, порывов (не то, нехорошо).

3 Апр. Выбора нет: или погибнуть, живя противно природе, совести, Богу, или начать новую жизнь.

Всё растет, изменяется – всё, неужели неизменно одно то, на основании чего живут люди?

Все суеверия на этом суеверии.

4 Апр. Думать о себе как о постороннем, а к другим людям чувствовать то же, ч[то] к себе.

В чем же исключительность этого положения? А в том, ч[то] людям свойственно любить, а они разделились везде на два лагеря, ненавидя[щие] друг друга.

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
...Всё для благоденствия – и все бедствуют. Рабочие-миллионы – не имеют работы.
Не рабочие чувствуют свою неправоту. Все вооружены,

Прежде были набеги, теперь постоянное напряжение, и нет жизни.

5 Ап. д[етская] м[удрость]. 1) Труд, 2) Охота, 3) Вегетарианство, 4) Наследство, 5) Самоотречение], 6) Любовь.

7 Апреля. Подчиняюсь не чело[веческим] законам, а тому единому закону, к[оторому] подчиняются все люди и в подчинении к[оторому] все находят свое благо.

Из зак[онов] Ману: человек один рождается, один умирает, один и живет и один получает награду за добр[ые] и наказание за злые дела.

Из зак[онов] Ману 381 стр[аница] о вегетар[ианстве]. 3[акон] м[ану] 391. О необходимости] власти. 392. О необходимости наказаний, и 393 и 394. 73, 74, 75. «И крепость». и 79. Духовенство. 86. 396 и 397 (223), 402, 403, 407 наказание.

414. О подлых людях.

417. Проповедь противления злу.

420 (417) о рабах.

435. Послушай, братец.

9 Апр. Сознание божественности природы своей души – это метафиз[ическая] основа жизни. Любовь – это проявление этой сущности сознания божественности – в жизни. Это религиозная основа жизни.

Воздержание от грехов, соблазнов, мешающих любви, это вытекающая из сознания и любви добрая жизнь.

15 апр. 1) Да, три сорта людей: воры, нищие, работники. Особенно живо чувствую последнее время всю тяжесть нищих. Все всего просят: денег, рекомендац[ий], советов и в письмах и лично. Да, *Vivre et laisser vivre* (жить и давать жить). Просить почти так же дурно, как красть.

2) Чем хуже, тем лучше, лучше для того, кто живет для души. (Как хорошо, просто, ясно, сильно это выражение.) Худое – только работа, и всегда полезная работа для души.

Оч[ень] слаб и оч[ень] возбужден и оч[ень] раздражен. Г[оспо]ди, помоги мне.

16 Ап. 1) К заповедям: не убий, не укради, не прелюбодействуй надо прибавить: не проси.

2) Чем нелепее вера, тем она тверже (искупление, бессмертники, малеванцы). Чем разумнее, тем слабее как вера (всегда движется, уясняется).

3) Всё, что живет, растет. Рост же всегда незаметен. Так и истинная вера.

3 М. Мы не можем иначе понимать нашу жизнь здесь, как в пространстве и времени, но сознаем мы ее, насто[ящую], основу жизни, вне пространства и вр[емени]. И пот[ому], говоря о жизни вне условий этой жизни, мы не имеем права говорить о пространстве и времени, т. е. где будет. Жизнь после смерти перестанет быть такою, какою она есть здесь, т. е. пространственна и временна. Но как[ая] она будет – не знаю.

Я говорю: я жил до рожд[ения] и буду жить после смерти, и жил в какой-то форме и буду жить в какой-то форме. Я не могу говорить иначе, но слова эти не имеют никакого значения по отношению жизни внепростр[анственной] и вневременной. Жизнь исти[нная] есть, потому всегда была и будет одна и та же.

Человечество переходит от одной поры (saison) к следующей, от зимы к весне. Сначала верба, потом береза, липа, и а вот и дуб пробрался. А вот и цветы, а вот и плоды.

5 Мая. Сержусь, досажаю на нищих просителей, а только бы помнить, что ото оселок для точения, повод для укрепления любви...

6 Мая. Самоотречение! Разве можно отречься от себя, когда я – только я. Самоотречение есть отречение от того, ч[то] я ошибочно считаю собою. Самоотречение есть только признание своей божественности, вечности.

10 Мая. 1) Умирая просит, умоляет не заставляя его отрицать, осуждать обман церкви.

2) письмо С[оне]. Прости меня. Я прощаю, но не могу не сказать всё то, ч[ем] страдал от тебя. Пишу теперь из-за гроба, надеясь, ч[то] ты подумаешь о душе. В тебе я замечал это.

3) Дневник не давать читать.

11 Мая. Всё дело в том, чего человек хочет достигнуть – идеал. Хочет чести, богатства, удовольствий – будет одна жизнь; хоч[ет] почитать, любить будет другая. Всё в идеале. Хоч[ет] бог[атства], поч[естей], удовольствий будет..... хочет любви-будет 1)..... 2).... 3).....6

Любить Б[ога] значит любить проявления Его. Проявлен[ия] его везде: в земле, в небе, но одни дальше от того проявления, какое во мне, друг[ие] ближе. Чем ближе ко мне проявление, тем больше можно и должно любить. Самое близкое человек, потом животн[ое], потом растен[ие], потом такое, в каком я не вижу жизни: камень, земля, небо, звезды.

Небо, звезды больше, чем камень, т[ак] к[ак] в камне я не вижу жизни, хотя я и познаю его всеми чувствами. Звезды я познаю только одним и могу предполагать, что не знаю, п[отому] ч[то] они не подлежат чувству слуха, осязания.

Чувствую эти последние дни особенную радость. Неужели это от душевного состояния только, а не от телесного? Как бы это б[ыло] радостно!

Главная ошибка в том, чтобы думать, ч[то] учение любви требует осуществления всей любви. Если бы это б[ыло] возможно, не б[ыло] бы жизни. Уч[ение] люб[ви] требует приближение постепенное к идеалу. И в нашей жизни это приближение выражается прежде всего отрицательно-недел[анием].

Алек. Гаврил. Рыбин [неразобр.]

[13 мая.] Письмо это отдадут тебе, когда меня уже не будет. Пишу тебе из-за гроба с тем, чтобы сказать тебе, ч[то] для твоего блага столько раз, столько лет хотел и не мог, не умел сказать тебе, пока б[ыл] жив. Знаю, ч[то] если бы я б[ыл] лучше, добрее, я бы при жизни сумел сказать так, чтобы ты выслушала меня, но я не умел. Прости меня за это, прости и за всё то, в чем я перед тобой был виноват во всё время нашей жизни и в особенности в первое время. Тебе мне прощать нечего, ты была, какую тебя мать родила, верно, доброю женой и хорошей матерью. Но именно п[отому], ч[то] ты была такую, какую тебя мать родила, и оставалась такую и не хотела изменяться, не хотела работать над собой, идти вперед к добру, к истине, а напротив, с каким-то упорством держалась всего самого дурного, противного всему тому, что для меня б[ыло] дорого, ты много сделала дурного другим людям и сама всё больше и больше опускалась и дошла до того жалкого положения, в к[отором] ты теперь.

17 Мая. [1] Чествование мое – плохой признак. Навело меня на эту мысль чествование Мечникова. Оба мы, очевидно, оч[ень] пустые люди, если так потрафили толпе. Утешает меня немного то, ч[то] меня ругают – не завистники, а серьезно ругают революционеры и церковники.

2) Есть два очень грубые и распространенные суеверия: одно – то, что есть Бог, к[оторый] сотворил мир и человека и дал ему определенные, выраженные словами законы, другое – то, ч[то] мир, познаваемый нашими чувствами, действительно есть, и наша жизнь определяет наши отношения к этому миру. Первое суевер[ие] распространено среди масс и как ни грубо, оно, оно все-таки менее грубо, чем суеверие так наз[ываемы]х образ[ованн]ых, не признающих свое мировоззрение верой, тогда как основное отношение человека к миру – хочет ли он или не хочет

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru того-есть вера.

18. 1) Изобрет[ение] вещей для богатых и 2) угождение богатым, а не улучшение средств жизни для всех.

Богопочитание – в уважении и любви к каждому чел[овеку], молитва – в представлении себе высшего совершенства – Бога и в сравнении себя с ним. В покаянии о прежнем и в приготовлении к лучшей жизни.

19. 1) Но могу восстановить свою независимость от мира и сознание живой своей зависимости от одного Его.

2) «В ч[ем] смысл жизни? Что добро, ч[то] зло? Ч[то] такое Бог? Ч[то] совершается смертью? Что дух, ч[то] материя?» Всё это спрашивает студент, воображая, ч[то] он один так умен, ч[то] мож[ет] ставить эти вопросы, на к[оторые] нет ответ[ов]. А он только невежда, знающий, сколько ног у какой козявки, а не имеющий ни малейшего понятия о том, ч[то] думали об этих вопросах величайшие умы мира.

21. Мужч[ина] смешон, когда занят своим лицом и грацией, а женщина силой и умом.

22. Говорить о праве, когда есть право собственности на землю, всё равно, что говорить о праве на рабов.

25 мая. [1] Особенно живо почувствовал то, ч[то] время есть только данная мне возможность участвовать и сознавать свое участие в деле Божию. Всё, что я сделал и делаю, всё это уже есть для Высшего Всего. И что бы я ни сделал, будет то, что должно быть и что уже есть для Него. Это подобно тому, что если бы каждая былинка посеянной хозяином ржи имела сознание того, ч[то] она может [принимать] влагу, и свет, и тепло солнца и может не принимать их. Хозяин же знал бы, что рожь вырастет. (Не то, а есть что-то, и очень важное.)

Старой Колпны Гужона.

2) Любовь к родным и близк[им] – это образец того, какая долж[на] б[ыть] любовь ко всем.

[29 мая.]

Я получил уже несколько писем, подобных вашему, в к[оторых] пишущие все одинаково недоумевают, отчего я как-то не так, как это им кажется я долж[ен] бы был сделать, распорядился с моим состоянием. Однообразие этих писем показывает, ч[то] они вызваны какой-нибудь враждебной мне газетной или журнальной статьей. Я сначала решил не отвечать на них, но письма эти повторяются, и я подумал, ч[то] мое молчание может быть соблазном для пишущих, и потому решил отвечать на все такие письма следующим письмом, к[оторое] и вам посылаю.

Объяснять неизвестн[ым] мне людям, как я распорядился моим состоянием и почему распорядился так, как я распорядился, считаю не только излишним, но и невозможным. Лица же, действительно желающие знать это, всегда могут узнать это помимо меня. Если же люди, не зная ничего ни о том, как я распорядился, и почему распорядился т[ак], к[ак] распорядился, предпочитают верить другим, считая меня лицемером, то самое лучшее, что они могут сделать, это то, ч[то]бы, жалея меня, стараться не иметь с таким лжецом, корыстолюбцем и обманщ[иком] никакого дела. Главное же то, ч[то] если я действительно нехороший человек, то то, что я говорю о жизни; о том, как надо жить людям, если оно справедливо, не становится от этого ложным и не требующим исполнения. Тем более, ч[то] то, ч[то] я говорю, говорю не от себя, а только стараюсь разъяснить значение того, что говорил Христос, признаваемый среди нас Богом.

Почитать и любить его как себя и делать ему, чего себе хочешь.

1) председатель опеки, Заседатель, Секр[етарь].

2) воинское присутствие.

3) Уездн[ый] съезд земск[их] начальников].

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
4) Земск[ое] собрание.

5) Тюремн[ый] комитет, Предв[одитель], Исправник, почетн[ый] Мировой, директора.

6) Губернатор.

7) Санитар[ный] комит[ет].

8) Училищ[ный] совет.

29 мая. 1) Опять ошибся с тульскими просителями. Не думай о них, а об себе, и [не думай о] их мнении.

2) Люди мало мыслящие и оч[ень] занятые своей целью не могут перенестись в другого – не могут.

3) 1 Июн. Бога нельзя познать иначе, как так, что есть только одно сущее, одно, что действительно есть и помимо чего нет ничего, что ничто действительно не существует, кроме Его. Всё только кажется существующим, п[отому] ч[то] всё во времени и пространстве.

Бога или совсем нет или есть только Он.

Вы спрашиваете, согласен ли я на то, чтобы вы отдали в печать мое прежнее письмо – ответ на ваши вопросы о женщинах. Думаю, ч[то] в том письме есть лишнее, не интересное для печати, и потому предпочитаю послать вам для печати это письмо, в к[отор]ом повторяю то же, что говорил и в первом, и более подробно. Для религиозного человека вообще и для христианина в особенности не может быть и вопроса о неравенстве мужчины и женщины, т[ак] к[ак] в каждом человеке, без различия его пола, по учению Христа, живет одно и то же во всех проявление Божества, сын Божий, к[отор]ое поэтому и не может быть больше или меньше в том или другом человеке. Проявление же этого божественного начала одинаково возможно как в муш[ине], так и в женщине. Если и могут быть различия между муш[иной] и жен[щиной] в некоторых низших человеческих свойствах, и в одних, как в физич[еской] силе, в пользу мужчины, и в других, как в способности исключительной материнской любви, и самоотвержения – в пользу женщины, то в главных, высших, духовных свойствах нет и не может быть различия меж[ду] ж[енщиной] и м[ужчиной].

Такое мое мнение, к[отор]ое я, сколько мне помнится, выражал в моих писаниях. Рад случаю повторить его в письме к вам.

1 Июн. Курсисткам.

1) Религиозное понимание жизни [1 или 2 неразобр.]

2) Целомудрие.

3) Если брак, то только тогда, когда стремление к соединению и телесное и духовное. (Саше присутствовать.)

4) Воздержание от прелюбодеян[ия] словам.

И внешняя форма это[го] богопоч[итания] оч[ень] определена, проста, исполни[ма] и всегда доступна. Вн[ешняя] ф[орма] эта в том, чтобы, первое, не спуска[я] его, держать перед собой образец полного совершенства (Зачеркнуто: любви, чистоты, свободы. от всяких слабостей, пороков,), следить за собой, исправлять свои недостатки, быть [1 неразобр.] к [2 неразобр.], и второе – помнить при общении с всяким, всяким, какой бы он ни б[ыл], человеком, ч[то] в нем тот же Б[ог], как и во мне, и пото[му] вера в Бога в том и состоит, что я, зная Его, с доверием отдаюсь Ему и в жизни и в смерти, не зная и не нуждаясь знать, что будет со мной, верю так же, как верит ребенок матери, к[оторая] пугает его, что уронит. Ребенок только улыбается на это.

2 Июня. Цели, достижения их, вот ч[то] объясняет жестокость. Не иметь целей или только такие, к[оторые] менее важны, чем внутренняя работа.

3 и. [1]) Думал о пись[ме] властям, зачем не исполняют закон на мне.

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
2) С Л[евой] о Г[енри] Ж[орже] и земле. Он говори[л] о том, ч[то] то же должно бы сделать и относительно капитала. Всегдашняя уловка людей, желающих не следовать тому, ч[то] не могут не считать справедливым, – уловка в том, чтобы требовать большего, представляющегося невозможным (в особенности когда меньшее не исполнено), и под предлогом того, что все не может быть исполнено, не исполнять того, что можно.

Цель уничтожения преимуществ, даваемых капиталом, есть дело равенства; цель уничтожения земельной собственности есть дело справедливости.

6 Июн. Молитва в определенное время и даже одними и теми же определ[енными] словами вырождается в привычку не затрогивающую душу. Хорошо знать несколько молитв и вспоминать их, когда нужно.

1) Лицемерие и подлость.

2) Благодетель староста-не увидишь [1 стерто]

3) Детская рубашка.

А между тем люди, имеющие возможность руководить насилием и предоставляющим1 выгоды образованием, но не имея уже никаких общих с народом основ для этого, принудительным образом вводят то образование и по выбору предметов и по степени его, к[отор]ое им представляется выгодным или желательным.

8 Июня. В 1-й раз вчера испытал чувство полной преданности воле Бога, т. е. ничего для себя не хочешь, одного хочешь: делать то, ч[его] Он хочет. И такое радостное, в 1-й раз испытанное чувство.

К стыду своему, досад[овал], ч[то] меня не узнают.

9 Ин. Любовь как орудие борьбы.

Знаю Б[ога] п[отому], ч[то] знаю в себе любовь к людям и ко всему живому.

Знаю, что живу, п[отому], ч[то] люблю себя, и не одного себя, а всё живое.

Я не потому люблю людей и свою душу, ч[то] знаю Бога и Его волю, а знаю Бога и Его волю п[отому], ч[то] люблю (не одно свое тело, но люблю) и (души) других людей.

Я знаю Б[ога] п[отому], ч[то] знаю свою душу. А душу свою знаю п[отому], ч[то] люблю ее, и не одну свою душу, а душу других людей и душу всего живого.

(10 июня.)

Тело мое болеет и умирает. Душа не болеет и не умирает.

(Душа моя это Бог во мне.)

Живу я и телом и душ[ою]. Тело любит только себя, душа любит всех людей, всё живое. Тело болеет, стареется и умирает. Душа не болеет, не стареется и не умирает. Я не властен в теле, а влас[тен] в душе, и пото[му] настоящая жизнь моя в душе, а не в теле, буду полагать жизнь свою в душе, а не в теле.

Все бедствия людей теперь у нас, в России, очевидно, в одном, только в одном: в ложном понимании жизни. Правительство, С[оюз] Р[усского] Н[арода] совершенно правы, не допуская никаких изменений в религиозн[ом] установленном внушен[ии].

Всё в этом.

12 И. Вчера говорил с Любой и Алей о стихах. Надо б[ыло] спросить: знаете ли вы, как жить? А не знаете, то пока не узнаете этого, ничего нельзя изучать (оч[ень] важн[о]).

Возмущает несправедливость, жестокость только при первом впечатлении. Потом привыкаешь. А когда родился и живешь в ней, то почти не можешь видеть ее.

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
13 Июн.

1) Главное различие в том, ч[то] в Боге церковн[ом] можно и даже нельзя не сомневаться, в Боге же любви не может быть сомнений. Человеку, становящемуся на ходули, кажется, ч[то] (Зач: он и выше) его положен[ие] (Зач: безопаснее) лучше то[го], кто стоит на своих ног[ах]. Но с ходуль падают, с своих ног упасть некуда.

2) Бог открывается любовью, но утверждается разумом.

3) Б[ог] любви соедин[яет], Б[ог] ц[ерковный] разъединяет.

4) (в конце 1-й стр.) Богопоч[итание] отрицательное как уважен[ие] к чел[овеку].

5) Б[ог] открывается человеку и любовью и разумо[м]. Это две стороны Его, доступные человеку.

Посмотре[л] на босые ноги, вспомни[л] Акси[инью], то, ч[то] она жива, и, говорят, Ерм[ил] мой сын, и я не прошу у нее прощенья, не покая[лся], не каюсь каждый ча[с] и смею осуждать других.

16 и. Человек знает, что умирает. Казалось бы, довольно знать это для того, чтобы понять, что смысл жизни должен быть неумирающий. А смысл может быть только один: исполнять волю Пославшего.

17 и. Когда я задал себе задачу подавлять в себе всякое чувство недоброжелательства к людям, как мне неважно казалось это дело, главное п[отому], ч[то] казалось неисполнимо первые дни. И вот прошло месяц или два, и я нынче стал думать, к кому у меня есть недоброжелательство, стал вспоминать и не нашел. Какая радость!

Может быть, это хорош[ее] расположение духа, но нет, и в само[м] дурном у меня уж нет недоброжелательства, хотя и нет той люб[ви] ко всем, какую испытываю сейчас.

La parole a ete donee a l'homme pour cacher ses pensees [Слово дано человеку для того, чтобы скрывать свои мысли.]. Как редки и драгоценны люди, к[оторые] думают, que la parole a ete donee a l'homme pour exprimer ses pensees [что слово дало человеку для того, чтобы выражать свои мысли.].

Знаю, ч[то] всё благо, если я с Тобо[ю], а что для того, чтобы быть с Тобой, надо быть в любви ко всему. Буду же любить всех.

Замок, запирающий всё, солдатство. Ключ один: вера в добро.

Солдаты держ[ат] солдатство, а солдатство держи[т] всё.

Расчета разума недостаточно – нужна вера.

Посредством разума познаешь то, ч[то] то, ч[то] есть Б[ог], познаешь через любовь.

Да, как удивительного, что Б[ог] для проявления себя людям избрал меня, такое мерзк[ое] орудие.

Знаю, что если я в любви, то я с Тобо[ю]. А если я с Тобой, то всё благо, и потому хочу всегда быть в любви со всеми в делах, словах и мысля[х].

20 и. Матерьялисты неизбежно должны признавать Творца. Почему материя сложилась так, что из нее выросло и сознание? Если же основа всего сознание, то материя со всеми ее формами и изменениями есть только его (сознания) произведение.

21. Злы, глупы и виноваты не люди, а виноват только мир, хотя и не зло, но глуп, и оч[ень] глуп.

Два умные и добрые человека врозь – вместе и глупы и злы.

Б[ог] это то, от че[го] я созн[аю] се[бя] отделенным].

Если я сознаю себя отделенным] от матер[ьяльного] мира, то Б[ог] у меня есть, но только глупый, т. е. вещество и его изменен[ия], к[оторые] имеют смысл только в пределах; как всё – бессмысленно].

22 И. Самые злые дела делаются из-за славы людской. Злые дела из-за похоти уменьшаются с годами, но грех[и] славы людск[ой] только растут с годами.

2) Казалось бы, ч[то] может быть невиннее беззлой шутки, а между тем шутка есть одно средство скрывания от себя людьми, не желающими видеть ее, серьезность жизни.

3) Старики забывают многое, почти всё.

Если представить себе рождение в следующей жизни, то рождается, не помня прошедшего, т. е. так, как мы все рождаемся.

Неверно тут только то, что при возрождении предполагается время, а забвение всего и есть выход из условий времени. Смерть всегда останется возвращением к тому, из чего исшел.

Работник отработал свой урок и возвращается к хозяину. Что он прикажет?

23 И. 1) Дурное расположение не только не вредно, но полезно для духовной работы.

2) Нельзя ли вместо того, чтобы говорить, что мало и плохо думается от неприлива крови к мозгу, или смотрю мрачно на жизнь от печени, что недостаточное оживление кровью мозга и болезнь печени от неясности мысли и дурного расположения. Одно нераздельно с другим. Что же причина и что следствие. Признаю я вещественное причиной духовно[го] п[отому], ч[то] внимание мое направлено на вещественные изменения, а не на духовн[ые].

3) Пора перестать писать для нашего развращенного, расслабленного круга, а работать только для мужика и религиозно-философское и художественное. Помогите, Отец.

Отец мой, помоги мне делать только то, чего Ты через меня хочешь.

Один человек хорош; как только сойдется с другими, так становится хуже, и чем больше людей, тем хуже. От этого-то и важна, нужна любовь, что только с нею, не делаясь хуже, могут сходить люди.

Да что же мне никто этого не сказал.

Добролюбовцы.

26 И. Какой работник не знает радости исполненного дела. Такая же, только в[о] много раз большая, та, к[оторую] испытываешь, исполняя дело любви, когда поставишь его дело[м] жизни. Особенно же при этом деле, этой работе то, ч[то] ничто не може[т] помешать ей.

Буддисты говорят, что как старики забываю[т] всё прошедшее, так и вновь нарождающиеся души не помнят прежней жизни. Я же скажу, что, приближаясь к смерти, мы не только забываем прошедшее, но и теряем[м] интерес к будущему, т. е. выходим из жизни временной и приближаемся к безвременно[му] началу жизни.

В первый раз увидел богатств[о] и бедность.

Да, вера это, ч[то] стоит толь[ко] оставить все суевер[ия].

Всё вещественное даже не ничтожно, а ничто, п[отому] ч[то] всегда есть часть бесконечного, всегда $a/? = 0$. Действительно существует только я – мое сознание. Скажут: «если так, то ничего нет жизни или, по крайней мере, никако[го] смысла в жизни». Но это неправда: жизнь в усилении, уяснении сознания. А это уясн[ение] может происходить только в мире временном и пространственном, к[оторый] сам в себе не имеет значения, но необходим для работы уяснения сознания. Магомет, кажется, сказал: Бог захотел не один наслаждаться благом жизни, а дал его и

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru подобным себе существам.

Пругавин пишет о религии, как пишут о разн[ых] увлечениях не умных людей: то много занимались балалайк[ой], то оставили, теперь опять взялись.

Стоит только освободиться от суеверии и понять, что то, ч[то] при вере в личного законодателя Б[ога] представляется одним из многих его повелений, есть единственное несомненное проявление его, в к[оторое] одно нельзя (не верить и в к[отором] одном нельзя сомневаться), п[отому] ч[то] сам испытываешь его.

Стоит только освободиться хоть на время от суевер[ия] для то[го], чтобы вера представилась так естественна, что показалось бы, ч[то] всё это знал, тол[ько] забыл, и что и нел[ьзя] иначе понимать свою жизнь и начало и жизнь мира.

А стоит только испытать то богоп[очитание] любви, к[оторое] вытекает из этой веры, чтоб по радостному спокойствию убедиться, что одна вера и одно вытекающее из не[е] богоп[очитание] истинны.

28 и. Истинное знание только одно: знать, как жить. Большею частью же люди, знающие оч[ень] много, не знаю[т] этого и даже думают, что этого нельзя и не нужно знать. Ненужное знание мешает им узнать то, что нужно.

Чудеса только п[отому], ч[то] нет основы разумной.

Оч[ень] слабеют силы. Утром и вечером во мне два человека.

30. Просить не о чем и некого. Для своего блага надо всё самому делать.

Надо никакой общ[ины] не составлять, а идти к источ[нику].

Сознание себя, т. е. возможность смотреть на себя как на что-то подлежащее моему наблюдению и направлению, показывает, ч[то] есть во мне составляющее мое истинное я, нечто другое, высшее первому «я», такое нечто, чего я не могу уже сознать, т. е. наблюдать. Разница же этого высшего я от низшего, кроме того, что высшее может наблюдать низшее, но не наоборот, еще и та, что первое личное, второе же общее, всемирное. Первое признает желательным только то, ч[то] нужно для него одного, второе-высшее-то, ч[то] нужно и желательно для всех, признает нравственное, т. е. любовь,-признание желательным блага не одного себя, но всех так[их] же, как низшее я, существ.

5 (июля). Сначала растет тело, потом дух.

К С[татье]. Без машин прож[ить] хорошо мож[но], а без любви нельзя.

Не могу не удивляться, зачем избр[ал] такую гадину, как я, чтобы через меня говорить людям.

Еще вред науки-приписывание важн[ости] этой жизни.

Зас[орен?] исто[чник] жизн[и] люд[ей] и т. д.

Надо знать, по че[му] распределять важность знаний.

Юриспруденция: уголовное право, международное], все военные, медици[инские] науки, алопат[ия], гомеопатия.

Цель – польза – никог[да] недоступна.

Наука богатых и делает всё для богатых.

Не мож[ет] быть.

И. Алексеевский.

9. Ехать в Стокгольм сказать, что корень солдатство, поставить дилему: войско или Хр[истианство]. Кто главный преступник? Не затем ли их окружают почестями, чтоб не презир[али]. В роде M. de Paг[is].

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
За хорошее ученье не будут награждать, как за то, ч[то]бы человек принял хорошую пищу.

What I think about vivisection is that if people allow themselves not only to take but to endanger life for the benefit of many there is no limit for their cruelty. (Мое мнение о вивисекции: если люди позволяют себе не только отнимать, но подвергать опасности жизнь для блага многих, то нет предела их жестокости.)

Dear Sir,

What I think about vivisection is that if people admit that they have the right to take or to endanger the life of living beings for the benefit of others there will be no limit for their cruelty. [Милостивый государь, мое мнение о вивисекции: если люди допускают, что они имеют право отнимать или подвергать опасности жизнь живых существ ради блага других, то нет предела их жестокости.]

12. Начать с писем старых, пото[м] теперешних. Всё, ч[то] говор[илось] здесь, оч[ень] хорошо, но похоже на то: у нас у вс[ех] есть ключ, (далее в подлиннике написано слово чтобы которое следует считать не зачеркнутым по ошибке.) средство выйти, но мы не идем, а лом[имся] или, скорее, внушаем тому, кто нас держит, ч[то] ему надо нас выпустить.

Разве не ясно, ч[то]

Мало того, мы выражаем всяч[еское] уваж[ение] этим, кому нужны эти солдаты не сто[лько] для войны, скол[ько] для продолжения] свое[го] насил[ия].

Если мы допуска[ем] солдатство, то у нас нет религии, нет нравственности, а без это[го] мы разбойники.

Так и надо знать.

Сначала жутко, одиноко без суда лю[дского], а потом особенно твердо.

– Только в работе мысли нет протечения времени.

Н[иколаю] н[иколаевичу] написать 1) Скипетрову и ответи[ть] на письмо о наук[е].

[13–14 июля.) Познаем Б[ога] в 3–х видах: в Нем самом, в самих себе и в ближних. Познавать Б[ога] в Нем самом значит познавать Его волю и быть готовым исполнять ее. Познавать Б[ога] в самих себе значит познавать в себе волю Б[ога] – любовь. Познавать Бога в ближнем значит признавать в ближнем того же Б[ога], к[оторый] живет в н[ас], и любить его как самого себя.

Одно дело важнее и нужнее всех дел на свете. Дело это в том, чтобы любить всех людей, какие бы они ни были. Важнее и нужнее это дело всего на свете от того, ч[то] дело это ведено Богом.

Одно дело велен[о] Богом всем людям: то, ч[то]б[ы] быть в любви со всеми людьми, какие бы они ни были. Дело это трудное и ему надо учиться.

И потому хотите вы, люди народа, быть рабами, не идите в эту науку. А не пойдете в эту ложн[ую] нау[ку], будет наука настоящая – свободная, не поглощающая времени и т. д.

Не будет науки о происхождении видов, об астро[номии] и др. да едва ли из-за нужн[ых] дел дойдут руки, у людей, занятых настоящей наук[ой], до наук об аэропланах... А нужных дел будет мн[ого], как только конча[тся] настоящие одни, нач[нутся] др[угие] – и голод, и проститу[ция], и вр[ажда].

Что делать мне, чтоб не было голода, проституции, вражды народов, чтоб [неразобр.] и мн[огое] и мн[огое] др[угое]. А если и переделают люди эти дела, то едва ли займутся такие люди и когда-нибудь теми дел[ами], что выдумывают теперь – аэропл[аны], грамофо[ны], подвод[ные] лод[ки], скоропечатные машины и т. п. делами.

Но если и так...

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Нет, не годится и эта отговорка для оправдания того, что у богатых людей называется наукой...

И теперь есть настоящая наука, но она затмевается и запрещается.

Главная разница буд[ет] в том, что в свободной науке отпадет все ложное, но не то в насильственно вводимой.

17 Ил. Помоги мне, Бог мой, с любовью и уважением обойтись с этим проявлением Тебя. (Молитва при общении с людьми.)

Тоскливое состояние, хочется помощи от Б[ога]. И помо[шь] одна – любовь и благодарность.

Нынче на молитве с новой стороны поня[л] слова: возьми крест – на каждый день. Тем и важна молитва, ч[то] слова ее, раскрываясь с разных сторон, с разн[ых] сторон возвышают душу.

Первая мысль при успе[хе] аэропланов – война, убийства.

[20 июля.] Излишне говори[ть], зачем я пишу к вам всё это. Как ни странно просить человека, и доброго, хороше[го] челов[ека], о том, чтобы он сделал то, чего не может не желать его добро[е] человечес[еское] сердце, просить о том, чтобы он сделал то, что он должен сделать для себя, для своего истин[ного] блага, я прошу вас сделать то, что велит вам ваша совесть: избавить этого человека от смерти и его мать от ужа[сных] мук.

П[етр] Аркадьевич], как ни дале[ки] мы по нашим взгляда[м] и по возр[асту], прошу, умоляю вас сдела[ть] то, ч[то] вы знаете, ч[то] вы должны сделать перед вашей совестью, то, чего требует ваше человеческое, добр[ое], любовно[е] сердце. Но это не одна моя просьба к вам.

Еще о другом, более важном, прошу, умоляю вас. Просьба эта – мое требование не от меня, а от Бога к вам – это то, чтобы вы, добрый, хороший чел[овек], спас[ли] самого себя, свою душу, пок[а]ялись бы в том, что вы до сих пор делали, и ушли бы из того ужасно[го], противного вам положен[ия], в к[отором] вы находитесь, забыв про воображаемое, сомнительное, неверное благо России, помнили бы о том верном благе своей высшей души, к[оторая] не переставая зовет вас к себе.

Бросьте свое положение, откажитесь от того, чего так желают так многие, открыто выйдя из своего положения и заявив миру про причин[у], к[оторая] застави[ла] вас бросить то ужасное пол[ожение], что считается столь важным и желательным людьми.

Это главная моя просьба, я меньше надеюсь на исполнение ее вами, но все-таки считаю своим долгом высказать ее вам. Вторая моя просьба это просьба этой несчастной женщины.

Третья моя просьба это то, чтобы письмо это мое б[ыло] принято вами с тем искренним чувством, к[оторое] я испытываю теперь, дописывая это письмо: любви к вам не как к сыну моего друга, что все-т[аки] в мыслях всегда сближает меня с вами, а как к брату, к человеку, в к[отором] я признаю то же божественное начало, к[оторое] сознаю в себе и к[оторое] не могу не любить божеск[ой] любовью.

Л. Т.

21 июля. Считать свою одну жизнь жизнью есть безумие, сумашествие.

Всякий предмет в бесконечном времени и тако[м] же пространстве, т. е. в сущности вне врем[ени] и пространства, так как время бесконечно, т. е. нет времени. То же и с пространством.

23 и. Усилие нужно только для того, чтобы открыть в свою душу доступ Б[ог]у. А вошел Б[ог] – он будет делать.

В то время, как люди думают о том, как освободиться от собственности вообще и [неразобр.] на землю, у нас заботятся о утверждении чувства собственности. Вроде того, чтобы утверждать 100 лет назад чувство рабства.

Ключ в фоногр[афе].

В особенности понравилась мне ваша глубоко верная мысль о различии положения людей, занятых денежн[ыми] предприятиями, и крестьян[н]..... (Многозначие Толстого), и потому о несправедливости и жестокости применения к тем и др[угим] одних и тех же правил, мож[ет] быть имеющих смысл и оправдание при применен[ии] их к желающим обманывать, к ближним, но ужасным по жестокости, когда применяются к людям, желающ[им] только кормить себя и свои семьи.

Слушали:.....(Многозначие Толстого), и во всех вызвал[о] одинаковое чувство возмущен[ия] и ужаса.

26. Когда сознаю себя, я живу человек[еской] жизнью; когда любовью сознаю жизнь других, я живу жизнью божеской.

Кроме других хороших последствий от осуждения, клеветы, ругательств, самое благодетельное то, что отдаляет от заботы о славе людской и главное – волей неволей пригоняет к Богу, к своей совести.

30. О музыке!

Нужны чудеса, чтобы верить в Бога. А нет чудес – (все атеисты) – нет Бога. А нет Бога, нет и в себе ничего – кроме животного. И те и другие: верующие в Бога с чудесами и не верующие ни в како[го] Б[ога] не знают одного Б[ога], к[оторый] открывается нам, Бога в себе, Бога, требующего добро, Бога, выражающегося законом[м] добра, совестью. А не веря в Него, не верят и в это требование(оч[ень] хорошо).

Твердость, неизменность убежден[ий]. Глубокие убеждения никогда не тверды, а всегда подвижны.

Как удивительно верно изречение Иоанна – Бог есть любовь. Т. е. Б[ог] есть то высшее, ч[то] есть в нас – т. е. любовь.

Не понимают, придумывают софизмы или для защиты своего положения или для защиты своей прошедшей деятельности, к[отор]ой гордятся.

Александр Бутурлин. Ясная Поляна. 31 июля 1909 года (Написано рукою Ф.С. Бутурлина).

Пока живешь, не спрашивая себя, кто, что живет в тебе, живешь как животное, но как только

Говорят: не думай о смерти – и не будет смерти. Как раз наоборот, не переставая помни о смерти – и будет жизнь, для к[отор]ой нет смерти.

Отчего Ксантипы бывают особенно злы? От того, что жене всегда приятно, почти нужно осуждать своего мужа. В Сократе же нет или мало дурного. Тогда она осуждает то, что в нем, да и всегда во всех хорошо-и теряя различие добра и зла, становится всё злее и злее.

Как крестьяне, разговаривая, вперед делают вид, что: мы, мол, с вами не так, как они, понимаем друг друга, и всё.

Себялюбие (эгоизм) и ненависть ко всему, к людям – одно и то же. Всё не хочет меня знать, мешает мне и потому не могу не ненавидеть.

Наша жизнь подобна сновиденью одной ночи, в к[отором] забыто всё, что было до него.

Я, признаюсь, расплакался, прощаясь с ним, расплак[ался] не от жалости к нему – жалеть его нельзя, п[отому] ч[то] он живет той духов[ной] жизнью, при к[оторой] никто и никакие меры по таки[м] или иным ст[атьям] не могут ничего ему сделать, но расплакался от умиления при виде той твердости, доходившей до веселости, с к[отор]ой он принимал то, что должно б[ыло] огорчить его (Ср. «Заявление об аресте Гусева», том 38).

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Хотя, казалось бы, не б[ыло] никакой надобности приводить ст[атьи] для того, чтобы делать то, что приказывали исполня[ть] одни и исполняли другие (Ср. «Заявление об аресте Гусева», том 38).

С внушительностью о священной непререкаемости читаемых им слов.

Раздражаешься, сердисься на себялюбие людей. А их можно только жалеть они лишены величайшего несравненного ни с чем блага.

Вся тайна жизни в отделенности одного и того же, составляющего основу, сущнос[ть] жизни Всего. Для того, чтобы это единое бы[ло] разделено на отдельные существа, нужно, чтобы было вещество в движении. Вещество без движения – ничто. Также и движение без вещества. Вещест[во] можно представлять себе только бесконечным, также и время. Бесконечность же того и другого показывает их иллюзорность, воображаемость.

Отделенность существ есть одно из проявлений. Чего? Зачем? не дано знать человеку. Челов[ек] знает только то, что он единое отделенное и что то, что он сознает как любовь к себе, а потом ко Всему, есть та единая основа, к[отор]ая в нем живет, отделенная от Всего.

Вещество без отделен[ия] – ничто, также и движение.

Я сознаю себя Всем, отделенным от Всего.

Моя жизнь в разрушении того, что отделяет.

12 Ав. Испытываю необычайно умиленно радостное, благодарное, любовное ко все[м] чувство. Неужели это от того, что было желчн[ое] состояние перед этим? И то хорошо. Все благо.

Говорят: «нельзя насильно любить». Правда, что трудно, когда поднялась желчь, но в такое время по крайней мере не столько злишься, сколько борешься. Зато какая радость, как теперь: и хочешь любить, и любишь – любовь в квадрате. Никогда прежде не испытывал этой радости.

Неделание уже потому важнее делания, что делание большей частью вне, а неделание всегда в насен власти.

Великое учение неделания: Не убий, не укради, не прелюб[одействуй]. У Лаотзе это выведе[но] из метаф[изической] основы. Не делал того, что в тебе хочет человек, а предоставляй Б[огу] делать тобою, ч[то] Ему нужно. И вместе с тем ограничение обязанности всегда возможным неделани[ем] вместо часто невозможного делания.

В минуты слабости и... (Многоточие Толстого) силы я говорю: Г[оспо]ди, помоги. И думаю, никто ие слышит меня, а все-таки говорю. И мне пришло в голову: Если отношен[ие] Б[ога] ко мне подобно моему отношению к частям моего тела, к[оторые] я могу сознавать, почему не вообразить, как я могу, когда захочу, сознава[ть] свою руку, палец, и Б[ог] может сознавать себя во мне? – Так, вздор, но приятный.

Страдание вызывает Божественное сознание. Как же не бла[го] страдание?

Челов[ек], поднявшийся до религиозного сознан[ия], т. е. признания себя существом духовным, и не религиозный говорят на двух разных языках и не могут понять друг друга.

Два сорта людей:

1) Мысль связана с жизнью, движен[ием].

2) Снят передаточн[ый] ремень, движет похоть и общественное мнение, т. е. слава людская.

Спорить с этими людьми всё равно как подкладывать снопы под молотил[ку] с снятым ремнем. Сами же они торжествуют, п[отому] ч[то] колесо скоро вертится.

Видел во сне: Недеятельность – не помню.

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru [17 августа.) Число людей помнить, говоря о влиянии направлений.

30/100 деятельных; в России, стало быть, 45 миллионов.

Как ни странно это может/казаться, духовный совершившийся в душе переворот уже есть, несмотря на то, ч[то] он ничем не выразился. Если он точно духовный переворот, то то, что он происходит, но временно и не проявился, не уменьшает его значения. Только то, что духовно – есть, действительно есть.

[18 августа.) Как мы, люди, смешны с своим устройством себе увеселений внешними средствами!

Вспомнил о С-е. Какая тяжелая жизнь. И какая радостная, когда весел от того, ч[то] чувствуешь себя в любви со всеми.

(19 августа.) В первый раз нынче испытываю кротость, любовь, сострадание ко всем, не живущим по душе, по-божьи. Хорошее чувство. Помогите, Б[ог], удержать его.

[20 августа) Ясно понял, что я старчески болтлив, надо поменьше писать. Я уже всё сказал. Если говорить, то в художественной форме.

[21 августа.] Рост из зерна, закрытого землею – подобие жизни.

Зерно лежало в пирамидах тысячи лет и ничего не знало про жизнь и про себя. Его нашли и положи[ли] в землю, скрыли землю так, что совсем не видно стало зерна, и вдруг зерно узнало про себя не то, ч[то] оно зерно, а то, что живет, что есть целый мир существ и что всё это есть только для него одного. И оно стало ростк[ом], растением, был[о] колосом, цветком, зерном. И как тол[ько] оно упало из колоса, оно перестало знать себя и стало тем, чем было.

Что ни представляй себе, всё и в пространстве и во времени 1/?, т. е. ничто. Так что есть только внепростр[анственное] и вневр[еменное].

Жизнь есть перенесение сознани[я] из пространственного и вр[еменного] в внепр[остранственное] и вневр[еменное].

[23 августа.) К Лаотзе вписать. Тао – путь, это любовь. Он же, как у Иоанна, есть и Бог.

[24 августа.) Я есмь нечто, сознающее свою отделенность от Всего. Все и себя вмес[те] со всем я не могу понимать иначе как веществом в движении.

А между тем если бы я был только веществом в движении, и то, двигаясь со всем веществом, я не мог бы сознавать себя отделенным. И потому «Я», сознающее себя отделенным, есть нечто невещественное и недвижимое. Если оно, вещество и время, кажется нам движущимся, то только п[отому], ч[то] движется Всё, кроме его. (Не вышло.)

Освобождение этого я от заблуждени[я] вещества и движения и есть то, что мы называем жизнью.

Сейчас думал про это, и вдруг стало тяжело, сомнительно. Старался справиться, но не помогли никакие рассуждения, не мог сознать Бога и стало одиноко, бессмысленно, страш[но]. Вспомнил молитву: «Знаю, ч[то] если я.....», почувствовал в душе любовь и на де[ле] к Алексею, к нищ[им], и всё прошло.

Да, только одно, одно – любовь.

К Лаотзе: пустота ступицы, сосуда дает возможность проявиться духу.

1) Не делать планов. От этого недоброта.

2) Не записывать всего, что говорит учитель, от этого мно[го] плохого и лишне[го].

[26 августа.) Как я травил и резал без малейшей жалости зайцев, птиц, лисиц, так

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
же теперь приговаривают к смер[ти], вешают.

[26-27 августа.) Я перешел ту степень, когда обо мне судят люди, большинство их. Теперь уже одни не судя пристают к хвалителям, другие к хулителям.

Может быть, в этом призвание славянского племени («Ответ польской женщине» (том 38)).

Мы орудие Бога. То, ч[то] делает Бог нашими жизнями, мы не знаем и не можем знать, [как не может знать] клеточка моего тела, ч[то] я делаю и для чего. И потому всякая мною поставленная цель, не совпадая с недоступной мне волей Бога, нарушает исполнение этой воли. Не настолько, чтобы воля не исполнилась – (она всегда тем или иным путем исполнится), но настолько, что я не буду чувствовать высшего доступного мне блага – слияния с волей Б[ога].

Цель, к к[отор]ой должен для достижения высшего блага стремиться человек, не мож[ет] быть никакая доступная и понятная ему – а только одно: слияние с волей Б[ога]. Достигается это слияние одной любовью.

Голденблату.

Екатерина Агафоно[ва] за убитого мужа.

[2 сентября.) Как ни дерзко, нагло это с моей стороны, но не могу не записать себе и поставить за правило помнить, обращаясь с людьми, что я стою на той точке зрения, к[отор]ая непонятна для большинства.

Не мог вчера вечер и ночью восстановить в себе сознание Бога, проявляемого любовью. Оч[ень] тяжело было.

Начинаю понимать благодетельность своего положения. Помоги, помоги, Отец.

В музыке сам делаешь.

Соединяет.

Молюсь: помоги Бог, Отец, Господь, и Он помогает. Он во мне. Молитва это значит только то, ч[то] хочу жить Им.

Произведение искусства только тогда истинное произведение иск[усства], когда, воспринимая его, человеку не то ч[то] кажется, но он знает, что то, ч[то] он воспринимает (в особенности это в музыке), его произведение – он это производит, переживает сейчас.

Единение полное и всегда достигается (соедин).

[6 сентября.] Всякое богопочитаи[е] – как бы грубо оно ни б[ыло], улучшает жизнь человека, хотя на время ставя его в зависимость и отношение (хотя бы это отношение и б[ыло] ложное) с высш[ей] силой.

Ничто так не влечет ко лжи, как забота о славе людской. Только сосредоточение всех сил на исполнение своего дела – как орудия Бога – дает возможность освобождения от лжи и жизни в истине. Помоги Б[ог].

К Докладу. Чтобы увидели то, ч[то] увидел ребенок, ч[то] военное де[ло] – дело постыдное: и по отказу от своей воли, и по готовности к убийству – дело, подобное делу палача, но с разницей в пользу палача в том, ч[то] палач обещается и готовится убить людей, признанны[х] преступными, худши[ми], а военные обещают[ся] и готовятся убить люд[ей] не только не преступных, по больш[ей] частью лучших тех, к[оторые] повелевают убийство. Сход[ство] с палачом еще и то, что как то, [так] и другое дело, признаваемое в [неразобр.] сознании людей дурным, облачается в блестящ[ие] формы, краска, вычурн[ые] одежды и гордый, самоуверенный вид. И одинаково вызыва[ют] какое-то особенное восторженное состоян[ие] толпы обе профессии, (Зачеркнуто: Monsieur de Paris называют палача во фр[анции]). с тою только разницей, что Mr. De Paris вызывает восторг только самой грубой толпы, парад же, руководимый императором, вызывает так[ой] же восторг у люд[ей], казалось, образованных, просвещенных.

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
.... (Многоточие Толстого.) Спасет же непротивление п[отому], ч[то], приз[на]вая
непр[отивление], люди не только не будут враждова[ть] с Р[оссией], А[нглией],
Польшей, но не будут и участвовать в насил[ии] над сам[ими] собой, как это
происходит теперь.

Ведь властвую[т] теперь над поляк[ами] р[усские], а[встрийцы], п[руссаки] совсем
не п[отому], ч[то] совершен так[ой] и такой раздел, а п[отому], ч[то] сами
поляки, признавая противление, совершают сами над собой насилия.

Ведь де[ло] оч[ень] просто. Людей завоевывают, пото[м] учреждаю[т] так[ой]
порядок, при к[отором] люди сами насилуют себя. И покоренные негодую[т] на
покорител[ей], а не на себя.

Вот от этого-то заблужден[ия] спасает непротивлен[ие].

Спасает тем, ч[то] лишает пораб[отителей] возможности удерж[ивать] в рабстве
покорен[ных].

[7 сентября.) Молюсь: помоги мне, Господи, Бог, тот Б[ог], который во мне.
Помоги мне в том, чтобы делать только то, ч[то] Тебе угодно, а не дума[ть] о
том, что обо мне скажут люди.

1) A prendre ou a laisser: Любовь с непротивлением.

2) 4 сорта работников царства Б[ожия].

3) Как не расчетливо для честолюбия, для спокойствия, для выгоды даже избрать
служение людям а не Б[огу] – министр двора или Б[ог]?

Как с кем говорим – мы делаем вид, ч[то] мы друг друга понимаем, – вот те другие
– те плохи. А сойдемся с теми плох[ими] – этот будет плох.

[9 сентября.) Стоит курит. А много ли прок[уришь?] Р[убля] 3? Не управишься. Так
бросить надо. Да, н[адо].

Так брос[ай].

Скучно без ней, едят е[е] мухи. – Скуч[но], да нехорошо, и другие молод[ые] и
сын, на тебя глядя. Да скучно, скучно. Что тебе ск[учно]. А скучно – о душе
подумай.

(Взглядывает.) Да, это так, это первое дело об душе. Первое дело это, спасибо,
старичок. О душе первое дело. Это и бросить можно.

Я захлебнулся и ушел.

Ищу радости, чтобы меня хвалили. Иногда получаю, иногда нет. А и когда получаю,
не совсем доволен. Хочется еще. Когда же поднимется желание похвалы и подавишь
его, всегда радостно, и больше ничего не хочется.

Помоги, Г[осподи], не бояться суда людей и не судить их.

[11 сентября.) – Здравств[уйте], бр[атцы].

– Спасибо на добр[ом] сл[ове].

– Ну как живете? Плохо? Зачем? Что ж так?

– Да делов нет, зем[ли] мало, народу расплодилось. Господа да бога[чи]
прижимают. Жить нече[м].

– А я думал, вы богачи, деньгами дуром швыряет[есь].

– Да, богачи хорошие, по дням не емши сидим, во какие мы богачи. Во всем
недостатки.

– Так, так. А вот у меня сын есть, так тоже всё на недостатки матери жалуется.
Говорит, жить нечем, а [1 или 2 неразобр.) нын[че] в тракт[ире] 15 целк[овых]

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru отдал, вчарась собак хороших купил, а всё недостатки.

– Ну да это господские водятся, наши дела собак не покупаем, а жрать нечего.

– А я думал, вы бога[чи].

– Ну, буде шутить.

– Не, я взаправду. Я в газете отчет чит[ал]. Там показано разн[ого] дохода всего 1,500,000, а из них 750 с акци[за] с водки. Ну, я и счита[ю]: с акц[иза] 750 да сама она стала 500, ну вместе 1 Г миллиарда. А кто ее пьет? Мужик[и]. Ну, я и думал, ч[то] они от богатст[ва] так деньгами швыряю[т], а вы вот говори[те], ч[то] они бедн[ы].

– Ну да скажем пра[вду], в водке добра не[т], а и брось ее, всё кормиться нече[м], и денег много, да и народа много. Главное дело зем[ли] нет.

– Как нет, вот она.

– Вот она, да не наша. Близок локо[ть], да не укусишь.

– Кто же вам мешает. Паши, сей да убирай.

– Да, попробуй. Тебя так-то уберут.

– Кто же?

– Известно кто, полк[овник].

– Что он, полк[овник], ходит, не пускает.

– Не он ходит, а его служащие.

– А служащие ч[то] они, как, из господ или попов? Слышать, всё такие же, из ваш[их].

– Да, сунься, а то и солдат пришл[ют].

– А солдаты-то что, из татар, что ли, японцы как[ие]?

– Солдат присяга[л].

– Да зачем же он присягал?

(Молчание.)

Нет, братцы, жаловаться не на кого, всё в тебе дело. – живи по-бож[ьи], водки не пей, против своих на служ[бу] не иди, в солдаты не присягай. Живи по-божьи, и все тебе будет. А то живе[м] по-дьявольски, пьем, ругаемся, деремся, чуть нас поманят денежками – готовы отца родного продать, а потом на людей жалуемся. Всё нам нехоро[шо]. Только одни мы хороши. А оглянись на себя: греха, всякой мерзости не оберешься. А живи по-божьи – никто тебе ничего не сделает.

Так-то, братцы, коли вам плохо, ни от кого нич[его] не ждите, окромя от себя. И защитники и помощн[ики] ваши не забастов[щики], не думники, не союзники, не минис[тры], не цари, а толь[ко] Бог да вы са[ми]. Если уж (далее написано слово: себе которое надо считать не зачеркнутым по ошибке.) вам помощников, так они не в думе, а больше по тюрьма[м], это те, ч[то] в солдаты не идут, в ложную веру не верят и за свою правду сидят по тюрь[мам] и не страдаю[т]. Вы вот на воле жалуетесь, а они в неволе радуются. На них надежда, им подраж[ать] надо. Стане[т] больше так[их] – и некому буде[т] с вас и пода[ти] брать, и землю отнимать. А буд[ете] такими – и жаловаться не буде[те].

К заблуждающимся людям не трудно вызвать жалость, но трудность в том, ч[то] забл[уждающ]иеся всегда вместе с тем и самодовольно-самоуверенные. Вот эту-то отталкивающую самоуверенность надо выучиться переносить так, чтобы она не мешала жалос[ти], т. е. любви. Но как? where is a will is a way [Где желание, там и путь.]

Буде шутить-то. Это сытым впору шутки шутить, а нашему брату во куда дошл[о] (на гор[ло] показ[ывает]). И податься некуда: тут бар[ин], тут купец, ту[т] исправн[ик], али еще кто. Все на нас ездят. Только ленивый не ездит. Так-то.

– Какие шутки, ваши недостатки видны.

Вот так же сын у меня есть.

[13 сентября.] Приучаться помнить о Боге, а забывать о себе.

(Дальнейшее, кончая словами: ослабляет сознание перенесено в Дневник 16 сентября (см. стр. 140–141). Ср. также Дневник. 25–26 сентября, 1.)

[15 сентября.] Рождение есть пробуждение от сна. Сновидения того сна почти все забыты, остается соединившаяся в одно вся жизнь та в виде реального характера в этой жизни, точно так же, как при пробуждении от сновидения всё виденное во сне сходится в одно. То же, надо предполагать, будет при смерти: всё пережитое сложится в одно, с чем вступишь в ту жизнь. Наши ежедневные засыпания и пробуждения – образцы переходов от одних жизней к другим.

Но все переходы?

Должно быть, так же складываются в одно, непостижимое одно.

Нет ли при таком пониман[ии] такой же бессмыслицы признававши бесконечного?

Есть полное пробуждение – смерть, и есть неполное пробуждение в самой жизни. Я переживаю такое. Пробуждение выводит из себя – а выводя из себя, вводит в жизнь всего, а жизнь всего познается любовью. Любовь не есть Б[ог], начало жизни, а только признан[ие], сознание начала жизни, Б[ога].

Как выражение словами ослабляет сознание!

16 Июн. Амиель 3.

К разговору.

Жить по-божьи.

Не итти в хомут.

– Хорошо, кабы все.

Вот тут-то дело в том, что по-божьи жить значит для души.

А для души жить – не будешь спрашивать, хорошо ли, дурно будет телу. (Вся запись: К разговору в подлиннике отчеркнута.)

К письму царю.

Знаю, ч [то] если бы мы увиделись, взглянули в глаза др[уг] др[угу], по-братски поговор[или] бы, мы (Зачеркнуто: разошлись. Далее написано: пож[али] др[уг] др[угу] руки, что следует считать зачеркнутым.) улыбнулись и по-братски пожали бы др[уг] др[угу] руку. (Запись: К письму царю отчеркнута чернилами)

Помоги мне, Г[осподи], жить не по воле Л[ьва] Н(иколаевича), а для Того, по воле кого живет Л[ев] Н(иколаевич).

Притча: просят о том, ч[то] дано в изобилии, но они не употребляют его на то, ч[то] нужно.

Индусу: Не смотреть на религию, как на средство исправления, а понять, ч[то] отсутствие религии-причина между прочими бедствиями и того матерьяльн[ого], от к[оторого] страдаете. И пото[му] стараться установить религию не для достижения той или иной цели, а только для того, что религиозное понимание жизни есть первое и непрременное условие жизни человеке[ской], зная, что религиозное состояние дает человеку высшее благо и потому не совместимо ни с какими бедствиями

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru [ми] и дает высшую свободу. Но зная и то, что религия только тогда истинна, когда она не имеет никак[ой] мирской цели, а ищет только закона жизни.

Лира. Вера в том, ч[то], исполняя волю, «будет» и есть хорошо.

Казн[ачеевская] Акулина Федорова Венвезева бумаги об убитом муже.

[29 сентября.] Я познаю мир, т. е. не я, прикосновением иллюзии вещества.

Обдумываю письмо государю, и в перемену с этими мыслями приходит мысль о том, что сказать С[офье] А[ндреевце] о желании И[льи] В[асильевича] получить прибавку жалованья. Одно дело «о благе рус[ского] народа», обсуждаемое с царем, другое: прибавка жалован[ия] лакею. Но второе важнее первого, п[отому] ч[то] оно требует моего участия и решения, первое же я сам предпринимаю.

Но могут быть совсем другие способы отделения].

Зачем я буду платить подати, когда знаю, чт[о] распоряжаются ими на его зло, зачем(Строка точек в подлиннике.)

Правда, есть люди, прояв[ля]ющие преданн[ость] царю и всему устройству, но люди эти, С[оюз] Р[усского] Н[арода], во-первых, известны, как люди невежественные, безнравственные и проявляющие не столько преданность царю, сколько под предлогом преданности ненависть ко всему просвещ[енному], свободно[му], разумному, назыв[ая] почему-то всё это жидовством; люди, к[оторые], не веря ни во что, под видом веры в тот самый обм[ан], к[оторый] проповедуется, как свящ[енная] истина, вызывают людей на убийство.

И разве может народ з[ем]ледельч[еский], всегда признававш[ий] землю даром Б[ожиим], д[аром], общим всем людям, не ненавидеть тех люд[ей], к[оторые] не только нарушают, но в то время, когда земельная нуж[да] дош[ла] до после[дней] степени, утверждаю[т] зло, новую [1 неразобр.] 5

[30 сентября.]

В[ладимир] Ник[олаевич], прош[ение] крест[ьянина] Та- р[аса] Ф[окинова], просит о своем сыне, подлежащем суду.

1) Недостатки.

2) да ведь заведены праздники, сватьбы. То же и у помещика заведено земли подороже отдавать.

А только живи для души. (Это предложение в подлиннике очерчено с трех сторон.)

Да как же это не показано. Хорошо бы, кабы все.

П[рохожий]. Есть такие, ч[то] одни.

К[рестьянин]. Ну что ж, и пропадают.

П[рохожий]. Пропадают, да только ими мир сто[ит]. И живи не для пользы, а для души.

К[рестьянин]. Известно, первое дело для души.

П[рохожий]. Так и давай так жить.

Крестьянин]. Известно, хорошо бы.

П[рохожий]. Ну и давай.

К[евстьянин]. Заговори[лся] с ва[ми], пойти скотине корму задать.

П[рохожий]. Нынче скот[ина], завтра вода или что, а жизнь и прошла, и смерть пришла. Нет, о душе сейчас думать на[до].

К[рестьянин]. Останавливается. Хорошо ты говоришь, да только мы мало слух[аем],

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
мало таки[x] речей слыш[им].

Кабы почаще так говори[ли] на[м], а то ч[то] мы зн[аем], что слыши[м]? Придут и ребята из города – учен, а станет говори[ть] – слушать неч[его], одни пустяки. Ты говоришь, ч[то] не ходи в солд[аты], подати не давай –и земля будет, и разбогатеет[м].

Пр[охожий]. Нет, я не то: я гово[рю], ч[то] плоха жизнь ва[ша] от того, ч[то] не но-Бож[ьи] живете. А если и для души жить, неизвестно, будет ли земля и разбогатеешь ли. Это все дело Божье. Забери хоть всю зем[лю] и все деньги, а заболеешь, помрешь – и всё ни к чему. Для души жить значит [не] для тела, а для души. Живи для души – так и помереть ради Христа – а для тела живи – не найдешь радости, а одни заботы да печали. Плохая жизнь только показывает, что вы про душу забыли.

А живи для души –и жизнь хорошая буде[т], может и не тебе, а детям, а може[т] внукам. Хр[истос] помор на кресте, а от его смерти наша жиз[нь] стала хорош[ой].

«...воры...»

Что ж, так и будем перекояться. Пользы нисколько.

– Да кабы нас так учили, а то я неграмотн[ый]. (Зачеркнуто:–Сын грам[отный]) Где мы узна[ем].

– Кабы охота была, узнал бы. Это всё не хитро. Долгогривых сам ругаешь, а их слушаешь, сам говоришь, о душе думать надо: не пить, не ругаться, не завистновать, а что же делаешь?

К[оторы]х отпускают, а какие помирают. Я к тому говорю, что делать дело Б[ожие] не загадыва[я], какая тебе польз[а] будет.

Просители радость, а не горе.

Эмбриология.

Озерск[ой] Гордей Сапогов просит об определении сирот двух деревни Нов[ая] Колпна Хохловых.

Мальчики 10 и 6 лет.

Жили бы по-бож[ьи] – и плохой жиз[ни] бы не было. Какая была бы жизнь, мы не знаем, один БОГ знает, а только вер[ую], ч[то] живи по-бож[ьи] – и плохой жизни не будет.

Забастов[щики] говорят: дай вот этого да этого еще убьем – всё от него, тогда хорошая жизнь будет, а начальство говорит: дай вот еще тысячу, другую перевешаем, да по тюрьмам поморим, тогда уж совсем хорошие порядки пойдут. А неправ[да] это, что больше бьют да вешаю[т], жизнь всё только хуже да хуже становится. Всё в табе.

Вставить об экономическом революционном и нравственном вреде в испов[едь].

[2 неразобр.] (По двум неразобранн[ым] словам написаны два другие слова, также не поддающиеся прочтению.)

желтова.

Иноземцев.

Просит, смеется.

Главн[ый] Почт[амт] до востребован[ия].

Просительная] молитва есть признак неверия в высший разум и любовь БО[жью].

Сознаний два: одно сознание тела, когда спрашиваешь себя: болит ли что, и сознаешь пятку, бедро, левую кисть руки и т. п., не болит ли, не чешется ли где,

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru и другое сознание – хорошо ли я делаю, говорю, думаю, не ошибаюсь ли, делаю ли, что должно. Первое: хорошо ли телу, второе: хорошо ли душе.

Чувствую освобождение от тщеслав[ия]. Хочется, чтоб мен[я] забыли, а не то, ч[то], как прежде, хочется напоминать о себе.

Знаю, что Ты еси. Радуюсь тому, ч[то] Ты и еси и я есмь. И что я и Ты одно, и благодарю.

Всё больше и больше переходит в старости жизнь из прошедшего и будущ[его] в настоящее. Чем больше перенесешь усилие души в настоящее, тем свободнее, блаженнее.

Помни, что ты только перед Богом.

Ах, если бы люди перестали заботиться о благе других людей, а заботились бы только о своем истинном, духовном благе.

Помнить, ч[то] нет меня (я), а есть только мои обязанности перед Ним.

Я – иллюзия, я только один орган недоступного мне Всего. Мое дело служить Всему, как орган – клетка – служит телу. Вообразить себе, что я отдельное, независимое существо, верх безумия. Я только орган, дело «я» есть обязанность служения Всему. Служение возможно, только когда я в единении со Всем. Единение это дается любовью. Так что любовь не есть цель Всего, а только условие жизни Всего. И цель эта вне моего понимания. Моя же цель ясна: ч[тобы] служить Все[му], и этого я могу достигнуть только единением со Все[м], любовью. (Хорошо.)²

Как удивительно заниматься Челпановым, когда есть просеян[ные] временем велик[ие] умы.

С[офья] А[ндреевна] была бы в отчаянии, если бы была причи[ной] моего телесного страдания, но душевное она не видит и с спокойным духом в изобилии производит е[го].

Есть самоотречение телесное: отдать то, чего себе хочется: еду, одежду..., и самоотречение духовное: отдать славу дела другому, прослыть дураком, дурным для того, чтобы сдел[ать] для души.

Большинство обращающихся ко мне ищут не моего мнения, а только моего одобрения на их мнения.

Сомнения свящ[енника] утвердились после разговора с защитником церк[ви] и утвердил[ас]ь вера бабой со свечкой.

Ч[ерткову] написать, ч[то] он ошибся: не близкое, а общее. Оправдание или хоть смягчение вины в том, ч[то] печень. Бывало, бы[ло] осуждение, а теперь только хочется уйти. Знаю, ч[то] не должно, но смягче[ние] вины.

То, ч [то] должно бы быть основой всех знаний, если не единственным предметом знания – учение о нравственности – стало для некоторых не лишним интереса предметом, для большинства «образованных» ненужной фантазией отсталых, необразованных людей.

[15 ноября.]

Утонченное духовное наслажден[ие]: сделать добро, быть ласковым с оскорбившим. Вчера испытал (не совсем).

Всё увеличивается тоска, почти отчаяние своей жизни в безумной роскоши среди недостатков первых потребностей. Всё не знаю, как помочь. Вот от этого хочется умереть.

Работа последнего времени над собой в мыслях много, оч[ень] много подвинула меня. Но, как всегда, истинное движение в добре только всё больше и боль[ше] открывает свое несовершенство.

[16 ноября.]

Просыпа[юсь]. Опять жить.

В учении о том, что после смерти нет ничего, или хоть то, что мы ничего не знаем о том, что будет после смерти, нет ничего худого. Напротив; ничего не ожидая после смерти, человеку волей неволей приходится to make the best of it (делать из него наилучшее), сделать из жизни благо можно только одии[м] средством: полагать свое благо в духовном совершенст[во]вании.

17 ноября. (Переправлено из: 12)

Маша 10 (Зачеркнуто: Миша) лет и Ваня 8-ми.

М[аша]. Отчего ж тебе скучно. Кататься ездили, вечером будет угощение.

В[аня]. Как это ты не понимаешь. Веселье совсем не в этом.

М[аша]. А в чем же?

В[аня]. Вот если бы ты меня побила, как 3-го дня. Вот это б[ыло] бы мне веселье.

М[аша]. Зачем ты, Ваня, поминаешь про это, ведь ты простил меня. Я знаю, что я была виновата. Ты простил, ну что ж поминать.

В[аня]. Ах, как ты не понимаешь. Я не хочу тебе поминать, а я только говорю, что невесело.

М[аша]. Не понимаю.

В[аня]. Чего же тут понимать. Помнишь, как в прош[лое]

Хохловы нов[ая] колп[на] тро[е] сирот.

(дальнейшее является продолжением слов Вани: Помнишь, как в прош[лое])

воскресенье, дяденька П. И., как я его люблю.

М[аша]. Кто же его не любит. Мама говорит, что он святой. Это и правда.

В[аня]. Так помнишь прошлое воскресенье он рассказыв[ал] историю, как 4 одного человека все обижали, а он тех-то и любил, кто его обижал, они его ругают, а он их хвалит. Они его бьют, а он им помогает. Дяде[нька] говорил, что если так делать, самое большое веселье. И я вот с третье[го] дня и стал так делать. И вот, когда ты меня побила, а я тебя стал целовать, и ты заплакала. Мне стало так весело. И с Колей и с нян[ей] так раз сдела[л]. И всегда весело. Лучше всякого катанья. А раз не удержался с Колей.

М[аша]. Так это от этого?

В[аня]. Да. От этого и скучно теперь.

М[аша]. Некому проща[ть]?

В[аня]. Да.

М[аша]. Так тебе хотелось, чтоб тебя кто-нибудь побил.

В[аня]. Даже очень бы хотелось.

М[аша]. Как ты был дурачок, так и остался.

В[аня]. Пускай совсем дурак, а только теперь мне никто ничего не сделает.

М[аша]. Отчего никто ничего не сделае[т].

В[аня]. Оттого, что мне всё хорошо.

М[аша]. Вот чудак,

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

В обществе людей, живущ[их] духовн[ой] жизн[ью], во главе люде[й], влияя на ни[х], естествеи[ио] станут люди, высшие по добродетел[и]. В обществе же людей, ж[и]вущих телесной жизн[ью], неизбежно всегда стан[ет] обратное.

[Записная книжка 1909 г. N 2]

[1 июня.] К Н[икто] н[е] в[иноват]. Чертк[ов] приходит к Столыпину и говорит ему о 1000-х повешенных.

Неустр[оев] пишет народную литературу и програм[му] деятельности.

Профессор], священ[ник], губернат[ор]. Воен[ные] судь[и].

Черт[ков] в монастыр[е]. Выходи[т] в мир и упрека[ет] Столыпина.

Неустр[оев] влюблен в Лину.

Статистик не имеет минуты свободной.

Мания величия – в будущем.

Так хоте[л] верить в самоотверж[ение] для народа, ч[то] верит.

Мысли Афан[асьевны]. Му;к[ик] с коровой. Секретари Полицейского У[правления].

Но люди думают так (только) п[отому], ч [то] привыкли понимать под верою веру как нечто воображаемое, (что-нибудь) чудесное, передаваемое им из древности, богопочитанием же ясным и определенным считать в известных местах и с помощью определенных для этого лиц совершаемые действия, обряды, таинства, молитвы. Им кажется, что без чудесного не мож[ет] быть веры определенной и ясн[ой] всем, и без внешних обрядов не мож[ет] б[ыть] ни вер[ы], не мож[ет] б[ыть] тверд[ого] богоп[очитания]. Но это неправда. Вера

Казанская важн[ее] Петрова дни. Сорока [1 неразобр.] копны.

10 июл[я] 3 в эпигр[аф] к Е[диной] 3[аповеди] и 5 и 9.

Буланже о бабид[ах] и бахаистах.

Буланже sayings of Ramakrishna (изречения Рамакришны).

О соли слишко[м] длинно. Что такое [1 неразобр.]

Selfishness (себялюбие)[1 неразобр.]

Apple (яблоко) [2 неразобр.]

Теософия [1 неразобр.]

Советовал бы практическое как соль [?]

Гигиеническое.

Воспитательное.

Изречен[ия].

Аджемов-фами[лия], преследовавшая меня во сне ночь с 25 на 26 ноя[бря].

Сергей Макаров паспорт.

[ЗАПИСНАЯ КНИЖКА 1909 г. N 3]

У Саши: кому отвечать?

Не судить ни на словах, ни в мыслях и потому тем менее заботиться о суждении

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru людей. А то самое обыкновенное – тот, кто весь живет заботой о мнении людей, осуждает почти всех людей, каких знает.

Помоги мне, Господи, ни на словах, ни в мыслях не судить людей, зато и не заботиться об их осуждении обо мне. Саше.

1) Послать письмо польке.

2) Отдать письмо пол[ьке] для Поссе.

Составить книжечку из всего н[а] к[аждый] д[ень] о государстве из 16.

желание блага есть жизнь. Понял, что личность и все её интересы – сон, и желание блага направляется на всё – любовь.

Сон с своими периодами полной бессознательности и полупробуждениями сознания, дающими материал для запоминаемых сновидений, и наконец полным пробуждением – совершенное подобие жизни с бессознательными периодами, проявлениями сознания запоминаемыми, всё более и более ясными, и наконец смертью, полным пробуждением. Хотелось бы сказать, что жизнь до рождения, мож[ет] быть, была такая же, что тот характер, к[оторый] я вношу в жизнь, есть плод прежних пробуждений, и что такая же будет будущая жизнь, хотелось бы сказать это, но не имею права, п[отому] ч[то] я вне времени не могу мыслить. Для истинной же жизни времени нет; она только представляется мне во времени. Одно могу сказать: то, что она есть, и смерть не только не уничтожает, но только больше раскрывает ее. Сказать же, что было до жизни и будет после смерти, значило бы прием мысли, свойственный только в этой жизни, употреблять для объяснения других, неизвестных мне форм жизни.

Главная причина непонимания жизни после смерти это невозможность представить себе жизнь вне пространства, вещества, времени и движения. Мы можем только сознать ее, но не можем представить.

К Зап[иска]м Лакея. Говорят о земле. Старик всё время молчит и начинает говорить только, когда его вызвали.

Вальс, считающийся мой[им], не мой. Я давно солгал, выдав Зыбинский вальс за свой, и потом уже без стыда не мог признаться.

Необыкновенно странное, тоскливое состояние. Не мог заснуть 2 часа.

Нет такого Б[ога], к[оторый] мог бы исполнять наши требования, есть только такой, требования к[оторого] мы должны исполнять.

Не то, чего я хочу, а то, чего Ты хоч[ешь]. Перед Богом хочу жить с Тоб[ою], не для себя, а для Тебя.

Хочу жить не для себя, не для людей, а для Б[ога].

(Дальнейшее, кончая словами: доступное человеку сознание перенесено в Дневник 11 ноября (см. стр. 170).) Вся тайна в том, ч[то] есть нечто не переходящее, соединенное с времен[ем] и пространством – нечто это сознание.

Сравнен[ие] с человеком. Книга буддиста.

Нечто неподвижное, соединенное с подвижным – сознание.

Сознан[ие] созна[ния] есть любовь.

Мне кажется, что сознание началось при рождении, но это неверно: началось соединение неподвижного сознания с известным подвижным, отделенным пространством предметов, но сознание вне времени и пото[му] не могло начаться, так же, как не началась река, когда на ней поставили мельницу. Началась мельница. И потому дело жизни уйти в сознание, самое глубокое, доступное человеку сознание.

Л. Об чем же ревешь? ведь няня простила.

Об том и реву, что няня добрая, а я дрянной.

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Оштрафовали такую газету, запретили такую книгу, выслали такого человека за то, что газета, книга, человек говорили не то, что нам приятно, указывали на наши ошибки. Существует сложная, большая, дорого стоящая организация, занятая только тем, чтобы ни нам, ни наши[м] сотрудникам [не знать] того, как отражается на людях наша деятельность. Ведь это ужасно. Il n'y a pas de pères sourds que ceux qui ne veulent pas entendre [нет более безнадежных глухих, чем те, которые не хотят слышать.]. И нет более безнадежных, погибших в своей безнравственности людей, как те, к[отор]ые не хотят знать своих ошибок, пороков, преступлений.

Как ни грубы, жестоки, бесчеловечны, именно бесчеловечны, зверообразны те ужасные дела, к[оторые] годами совершаются теми несчастными людьми, к[оторые] считают себя теперь правителями рус[ского] народа, все эти изгнания, те заточения, те побоища в переполненных, убивающи[х] людей тюрьм[ах], всё это можно еще объяснить желание[м] удержаться на тех положениях цар[я], министров, разных архие[реев], губернато[ров], всяких генералов и др., тех несчастных, порочных людей, к[оторые] занимают эти места и в своем заблуждении считают это положение для себя хорошим. Всё это можно еще объяснить. Но как объяснить то, что люди, делающие дела, касающиеся жизни десятков миллионов людей, не хотят знать того, как отражается на эти миллионы их деятельность, и старательно задержива[ют], прекращают, уничтожают всё то, что може[т] открыть им глаза в их заблуждениях. Такие люди безнадежны и сами готовят себе неизбежную погибель.

У нас в России совершается теперь нечто ужасное и совершенно исключительное, я думаю, нигде никогда не происходившее в истории.

Опять бы[ло], как наилучши[м] обра[зом] страдать.

[26 ноября.]

Опять нынче, 26 н(оября), 12 (Зачеркнуто: смерт[ных] приговор[ов]) приготовлений к убийствам людей и 5 совершенных таких убийств людьми, называющими себя правительством, не говоря о всех ужасах всякого рода насилий, истязаний по тюрьмам, о ссылках, о неперестающих вопиющих, ничем не оправдываемых, не вызванных насилий над миллионами народа. Не говоря, главное, об умышленном всеми самыми разнообразными средства[ми] разращении народа.

Герцен говорил... (Многоточие Толстого. Ср. «Пора понять» (т. 38, стр. 162-163).)

И это жалкое подражание Европе в законах наших о земле, не понимая того, что вся Европа стоит на пороге неизбежного освобождения народа от земельного рабства, к[оторое]-освобождение-не может быть иначе совершено, как через признание земли достоянием всех, т. е. к тому самому, что в общинном устройстве признавалось и признается всем русским народом. И тут-то насильем и хитростью разрушать то земельное устройство р[усского] н[арода], к[отор]ое отвечает самым передовым требованиям справедливости и долж[но] быть установлено повсюду, разрушать и заменять это устройство установлением вопиющей, сознаваемой уже всеми несправедливости, существующей в Европе. Нечто подобное тому, что бы делал человек, укладывая камнями снежный путь для того, чтобы подражать том людям, у к[оторых] нет зимы и к[оторые] мостят дороги.

4 д. Целый день тоска, стыд, гадов сам себе.

Знания только тогда могут быть истинны и полезны и только тогда могут быть названы наукой, когда они составляют равномерно распределенный и равномер[но] обработ[ан]ный свод важнейших, нужнейших знаний не для одного класса людей, а для всех. В противном же случае, как это произошло среди нашего общества, живущего самой нравственно и разумно неправильной жизнью людей, разделенных на два: одного небольшого класса властвующ[их], роскошествующи[х] и другого, огромного большинства, лишенного возможности пользоваться своим трудом и (Зачеркнуто: угнетенного) задавленного, когда одни никому ненужные знания доведены до высшей степени обработки, другие прямо вымышлены для оправдания ложного устройства общества, третьи же самые важные и нужные или чуть намечены или вовсе не затронуты, то, что у нас называется наукой, не суть истинные и полезные знания, но большей частью и пустые и вредные упражнения праздной мысли.

Я несколько раз высказывал где-то сравнение того, что, по моему мнению, и можно и должно считать истинной наукой, с сферой, в к[оторой] все радиусы равномерной

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
длины и равномерно распределены по своим расстояниям один от другого. И как только при тако[м] расположении и длине радиусов могут определять сферу, так только при равномерном распределении, одинаковой степени обработки знаний может определяться истинная наука. И как удлинение (Написано: при удлинении) радиусов одной малой части сферы и игнорирование (Написано: игнорировании) других радиусов не только не определяет сферы, но совершенно разрушает понятие сферы точно так же доведение (Написано: доведенные) до большой степени обработки одних знаний и игнорирование других лишает людей даже понятия о том, чем может и должна быть наука.

И это самое случилось с нашей наукой, и случилось от того, что продолжаю сравнение знаний с радиусами сферы-для того, чтобы правильно распределить радиусы, нужно составить три взаимно перпендикулярные равномерные диаметра и потом уже из образовавшихся прямых углов проводить равномерно отдаленные друг от друга диаметры. Только тогда возможно определение сферы. Точно то же и с знанием. Три взаимно перпендикулярные и равные диаметры это должно бы быть: учение о себе, о своем я, составляющем часть всего, второе-учение о том, что есть это всё, чего человек чувствует себя частью, и третье – учение о том, какие обязанности человека вытекают из отношения его отделенности ко Всему. Короче сказать, три учения эти суть учение о душе, учение о духов[ном] Начале всего и учение о вытекающем из отношения Я к духовному Началу законе.

Когда определены эти три основные знания, тогда только возможно, руководясь требованиями, проявляющимися в этих знаниях, определять важность, необходимость и дальнейших разнообразных знаний. Только на основании этих учений можно определять большую или меньшую важность, т. е. какое из всех знаний должно быть избрано прежде и какое после, и до какой степени должно быть доведено каждое из них.

Без этих учений о душе, о Всем и нравственности не может быть ни разумной, ни нравственной жизни людей, не может быть разумного знания.

А эти-то учения вполне отсутствуют в нашем мире. При отсутствии же их не может быть ни разумной жиз[ни], ни разумного знания. От этого и наша безумная жизнь и наши праздные упражнения мысли, называемые нау[кой], истинной наукой. Но, может быть, вы скажете, что мое определение того, в чем должна быть основа всех знаний, произвольно, и что человеку нужно знать о весе Марса и солнца, и о микробах, и происхождении животны[х] и т. п., чем знать то, что он такое, что так[ое] (Зачеркнутое: мир) всё, окружающее его, и как ему надо жить. Знаю, что мне скажут это точно так же, как говорят церковники, что утверждение о том, что вся вера в том, чтобы любить ближнего, произвольно.

Во всех религия[х] есть ложь и есть истина. Лжи во всех разные; истина во всех одна.

Уже по этому одному можно узнать, что в каждой религии истинно и что ложно.

Что такое то я, к[оторо]е я сознаю в себе отделенным от Всего, что так[ое] то всё, от чего я сознаю себя отделенным, и каково отношение моего я ко Всему? т. е. то, что разумеется под словом: учения о душе, учения о Боге и учения о нравственности.

А когда посмотри[шь] на ту и другую жизнь, так и видишь, кто у кого украл и крадет.

Понимай жизнь как свою собственность – и вся жизнь неперестающая тревога, разочарования, горести, бедствия. Понимай ее как условие служения хозяину, и вся она спокойствие, удовлетворение, радость и благо.

В каком бы месте, придя в сознание, я ни застал себя, это то самое место, куда меня назначил хозяин. И какие бы ни были те силы, большие или малые, и духовные и телесные, к[оторы]е я чувствую в себе, эти силы суть те самые орудия, к[отор]ые мне дал хозяин для исполнения порученного дола, будь это локомотив, или топор, или метла. Дело же, приказанн[ое] хозяином, мы всегда узнаем, как только перестанем заботиться о своих выдуманных нами личных делах – дело одно: проявление любви, слияние со всем. А это можно делать всегда, везде, при каких бы то ни было силах.

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru [11 декабря.] Помоги мне, Г[осподи], жить только Твоим работником. Знаю, что для того, чтобы быть им – работником – надо всего себя отдавать на Твое дело. В чем твое дело–Ты указываешь разумом и совестью. Для того же, чтобы я мог делать Твое дело, мне нужно держать в порядке то орудие, к[отор]ым делается это Твое дело: разум и совесть. Держать в порядке орудие значит любить.

Как для того, чтобы топор, пила, заступ делали то дело, на которое они предназначены, надо, чтобы они были остры, так и для того, чтобы твои человеческие силы делали то, что они предназначены делать, надо, чтобы они были любовны. Работник с тупым топором, пилой, заступом не может делать хозяйское дело, и человек, делающий дело Божье без любви, не может делать Его дело.

Любовь есть орудие, данное человеку Богом для служения Ему. Но как орудие: топор, пила, заступ, должно быть исправлено, отточено для того, чтобы оно могло резать то, что оно должно резать, так и любовь должна быть отточена так, чтобы она могла брать, действовать не только на близких, добрых, но чуждых, недобрых, всех людей, всё живое.

Мы-работники дела общего, всемирного, Божия. Пути, к[отор]ыми совершится это дело, не могут быть доступны нам, как не может быть доступно работнику всё дело хозяина (пример, разумеется, далеко не полный, сравнивая всемирное, вечное движение жизни с делом частным, временным). Всякое угадывание работника о том, в чем состоит дело хозяина, и направление своих сил, как и не может быть иначе, на это различно предполагаемое дело только отвлекает силы работников от дела и замедляет совершение его, лишает работников лучшего блага: сознания несомненности знания того, что он делает то, чего хочет от него хозяин. Такое же сознание дается человеку только одним: тем, что, отступая от воли хозяина, работник лишается блага, исполняя ее –получает благо.

Как работнику хозяин сказал: «Если будешь делать то, что я велю, буду держать, кормить, обеспечивать тебя, давать тебе то, чего тебе хочется, так и человеку, всему существу его сказано: дам тебе благо, если будешь делать то, ч[то] я велю; не будешь делать, не будет тебе блага. Благо же твое в увеличении в себе любви. То же, что я велю, ты знаешь из того, что это одно дело, к[оторое] ты всегда можешь делать. Поняв же это, человек получает и самое несомненное знание (далее в оригинале следуют слова: о том в чем которые по смыслу нужно считать зачеркнутыми.) не о всем общем всемирном божьем деле (это всегда скрыто от человека) и приемов достижения его, как думают знать это люди, предписывающие определенную деятельность, а получает несомненное знание об одном из подготовительных состояний к тому, неизвестному человеку, общему всемирному Божьему делу, к[оторое] делается жизнью мира. Получается несомненное знание о том, что это подготовительное состояние, включающее в себе всё, что только могут придумать люди, делающие предположения о задачах жизни, состоит в увеличении всеобщей любви, увеличении, (Запись от слов: Мы-работники кончая: увеличении отчеркнута с обеих сторон красным и синим карандашами. Ср. Дневник, 11 декабря, 2.)

(К Сну.) «Приучить мужиков так же, как и вы, грабить».

К Сну. Смешени[е] врем[ени] и последовательности. лакей. Пробужден[ие] от того, что на старичка [1 неразобр.] княги[ня].

окружающему его всему. А так как такое определение и неизбежно вытекающее из этого определения руководство в поступках есть необходимое условие, по моему мнению, о разумной жизни, то я и не могу считать религию делом вредным. И потому совершенно не разделяю вашего взгляда на религию и притом, имея мало сил и времени и много дела, и не нашел нужным отвечать вам, за что еще раз прошу вас извинить меня.

К предисловию. Смирение: мешает проявление любви к тебе.

Ведь это жизнь человеческая эти ваши бланманже и цветочки и тенисы. Девка идет чистить тенис, у ней рожь не довязана.

И тут случилось, что то, что теперь мне кажется необычайной новостью, показалось мне вполне естественным.

Помни, что состояние твоего тела: желудок, похоть или успокоение ее, усталость,
Страница 131

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
боль, все это изменяет – не изменяет, а повышает до высшей степени или понижает до низшей степени твое духовное состояние, твое отношение к жизни. То восторг радости, умиления от блага жизни, то тоска, уныние; то всех любишь, то всех не любишь или хотя удерживаешься, чтобы не любить. Помни это и не приписывай тому состоянию подъема или упадка значения настоящего твоего состояния. А состояние настоящее твоего духовного я есть центральное, среднее, то, по к[оторому] ты радуешься состоянию подъема и стараешься удержать его и не веришь состоянию упадка и стараешься победить его. Дорого то, чтобы эта центральная точка не переставая двигалась к подъему, а не к упадку. Слава Б[огу], это есть.

Заблудших людей всегда больше, чем незаблуждающ[ихся] или мало заблужд[ающихся], и потому сила самая основная и могущественная всегда на стороне первых. При внешних успехах цивилиза[ции]: путях сообще[ния], печати, особенно ежедневной печати сила эта удесятывается.

Только одни мужи[ки] земледельцы знают это: знают не потому только, что чувствуют это своими боками, не потому, ч[то] вследствие своей естественной жизни мировоззрение их (Зачеркнуто: яснее, разумнее, христианнее) не развращено, как мировоззрение рабовладельцев, а п[отому], ч[то] они одни живут разумной христианской жизнью, признавая всех людей братья[ми] и потому признавая за всеми одинаковое право жизни. И на этих-то людей, кроме того, что мы высасываем их, мы смотрим с высоты нашего величия, обучаем, образовываем, благодетельствуем их, стараемся до себя – до своей мерзости – поднять их.

И что же мы делаем вместо того одного, что мы бы должны сделать: понять свой грех и освободиться от него?

Мы вместо этого придумываем ввести всё то, что введено в Европе... (Многоточие Толстого. Ср. очерк «Сон» (т. 38. стр. 29).)

Всё то, что я записал, я точно видел, слышал во сне. Правда, я часто и много думаю наяву о земельном вопросе, но то, ч[то] я слышал во сне, я не думал сам наяву, а услышал только во сне.

Записывая сон, я невольно изменил, прибавил, мож[ет] быть, что-нибудь в изложение в подробностях. Во сне всё б[ыло] проще, яснее, убедительнее, но сущность слышанного во сне записана мно[ю] верно. (Ср. варианты четвертой редакции очерка «Сон» (т. 38, стр. 453–455). В оригинале последний абзац отчеркнут с левой стороны.)

И что же мы делаем? Мы все, и прямые и посредственные рабовладельцы, вместо того, чтобы, отменив зем[ельную] собственность, понять свою вину и слезть с шеи того народа, к[оторый] мы держим в рабстве, мы или благодетельствуем ему, или еще брани[м], осуждаем его, как несмысленный или злой ребенок кусает ту грудь матери, к[оторая] нас кормит. Не осуждать, не учить надо нам, а покаяться и та[к] или иначе освободить не его, – как ни беден, ему лучше нашего, а себя освободить от того греха, в к[отором] погряз[ла] вся жизнь наша. (Ср. очерк «Сон» (четвертая редакция–т. 38, стр. 39 4; окончательный текст там же, стр. 25).)

Передай мою любовь и привет всем твоим добрым товаркам, монахиням и старцам и скажи им, что я прошу их простить меня.

Лев Рыжий б[ыл] прав, а я не прав. Он только не умеет высказать.

Дун[аев] верит только в науку, в цивилиз[ацию]. Меня признает только п[отому], ч[то] меня признает цивилиз[ацией].

[24 декабря.]

Что ни вспомню, всё дурно, всё стыдно, Слава Богу, ч[то] хотя всё в себе гадко и стыдно.

Буду стараться быть Его работником – хоть плохим, слабым, но все-таки работником (Написано: поддерживаемое).

Возражение в представлении о весьма возможном завоевании японцами и китайцами и требовании участия в их насил[ии], поддерживаемом не только угрозой смерти, но

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
пытками.

Ответ тот, что борьба должна быть, но борьба духовная. А смерть, страдания – только общий удел всего живого.

А также и возражения Льва, ч[то] все делают, ч[то] им свойственно: делай свое, а их не суди.

Видел во сне отрицание Бога и еще возражение на свое представление об общем лучшем устройстве жизни вследствие отказа от борьбы.

Я чувствовал смутно, что признание жизни в безвремен[ном] моменте настоящего имеет важное значение; (и действительно, такое признание уничтожает все грехи и соблазны и суеверия. Для настоящего нет>

Одно, но зато великое, истинное благо дано человеку: сознание себя проявлением Бога (духовного начала). Человек, сознающий себя Богом, прямо непосредственно служит Богу, живет им и с ним. Человек же, не сознающий себя Богом, а личностью, человеком, только посредственно служит Богу. Как – мы не можем знать, служит тем самым злом, к[оторое] он совершает, злом, к[оторо]е есть матерьял работы Бога.

Движение жизни, сознаваемое человеком, различно, смотря по тому, сознает ли он себя духовным началом или телесной личностью. В первом случае он человек, его духовное я неподвижно, и всё, так же как и его тело, быстро и медленно движется помимо его. Он стоит на берегу, и река со всем, что есть на ней, движется мимо него. Во второ[м] случае человек движется вместе со всем и сознает свое движение потому только, что есть предметы, движущиеся медленнее его и совершенно неподвижные. Он плывет по реке и знает про движение только п[отому], ч[то] есть предметы, плывущие медленнее его и есть неподвижные берега.

Тут говорившие замолчали и [1 неразобр.] уж только ник[олай] Андр[еевич]. Замолчал и я, всё ждал, что кто-нибудь что-нибудь скаже[т], но все тоже молчали, (Зачеркнуто: Тогда говоривший, сделавшись вдруг уже одним Ник[олаем] Андреевичем) и слышно было только, как ник[олай] Андр[еевич] (Зач.: вдруг захохотал тем веселым, немного пья[ным] смехом, к[оторым] хохотал обычно.) заохал, заахал совершенно так, как охал и ахал Н(иколай) Анд[реевич]. (Зач.: и потом отчихавшись от смеха). Я ждал, что кто-нибудь что-нибудь скаж[ет], но все молчал[и] тоже. Н(иколай) Анд(реевич) опять заговорил совсем другим и строгим и убедительным голосом.

<Ведь вы играете в жи[знь], а они только> <Ведь живут толь[ко] они. Вы не живете, вы только портите жизнь себе и другим. Вы не жизнь, а наросты на жизни народа.>

Они растение, а вы вредные, ядовитые наросты (Зач: грибы) на нем. Они знают, что придет время, (Дальнейший текст до конца абзаца написан на предыдущей странице листка Записной книжки.) п[отому] ч[то] рано или поздно он дождется или добьется своего. А добьется своего п[отому], ч[то] он решает вопрос... добьется сво[его] п[отому], ч[то] он (Зач: сила единственная и телесная и, главное, духовная) нравственная духовная сила, великая сила, живущая не как вы, для своих детских, глупых, ничтожных целей, а для исполнения выше[го] религиозного назначения. И им торопиться некуда, они зна[ют], что их время придет, и что совершится то, что должно. (Ср. очерк «Сон» (четвертая редакция – т. 38, стр. 394; окончательный текст там же, стр. 23–25)

Одно из высших свойств Бога есть высший разум. Как же странно, когда для того, чтобы убедить нас в существовании Бога, нам говорят, что он поступает противно разуму, т. е. делает чудеса.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://to1stoyleo.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

Дневники и записные книжки (1909). Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!